

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ИМЕНИ В.Я. КИКОТЯ»

УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО: СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ

Материалы
межвузовской научно-практической конференции
19 ноября 2015 г.

Под редакцией
доктора юридических наук, профессора О. В. Химичевой

Москва
2016

ББК 67.410.2

У26

Уголовное судопроизводство: стратегия развития : материалы межвузовской научно-практической конференции / под ред. О. В. Химичевой – М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2016. – 135 с.

В сборнике представлены тезисы выступлений участников межвузовской научно-практической конференции, состоявшейся 19 ноября 2015 года в Московском университете МВД России имени В.Я. Кикотя. На конференции обсуждались актуальные проблемы современного уголовного судопроизводства, концептуальные подходы к реформированию как уголовного процесса в целом, так и его отдельных положений. В частности, состоялась научная дискуссия на следующие темы: «Основные направления совершенствования российского уголовно-процессуального законодательства»; «Проблемы правового регулирования отдельных стадий уголовного судопроизводства»; «Вопросы эффективности, проблемы правовой регламентации и применения различных институтов и норм уголовно-процессуального права».

Материалы конференции могут оказаться полезными для ученых, преподавателей, курсантов и слушателей юридических образовательных организаций, а также для сотрудников правоохранительных органов и судей, непосредственно применяющих нормы уголовно-процессуального законодательства.

Высказанные участниками конференции предложения по совершенствованию УПК РФ могут быть учтены и в законотворческой деятельности.

ББК 67.410.2

О ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ СЛЕДОВАТЕЛЯ И СУДА ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Е. Ю. Алонцева¹

Положения уголовно-процессуального кодекса, регламентирующие порядок производства следственных действий, выполняемых с разрешения суда, и определяющие условия их применения занимают одно из центральных мест в механизме надлежащего обеспечения прав человека. Производство следственных действий происходит в рамках правоотношений.

Теория права определяет, что правовые отношения реализуются посредством соблюдения, исполнения и использования процессуальных норм. В этой связи свои права и обязанности в уголовном судопроизводстве следователь осуществляет не в одностороннем порядке, а в процессе возникновения, изменения и прекращения правоотношений с другими участниками, которые также являются субъектами определенных прав и обязанностей². В уголовном судопроизводстве правоотношения носят двусторонний либо многосторонний характер.

Начало и возникновение процессуальных отношений следователя и суда обусловлены моментом обращения следователя в суд с постановлением. На первоначальном этапе следователь составляет постановление, отвечающее требованиям ст. 7 УПК РФ, в котором излагает содержание своего обращения, отражающего необходимость производства следственного действия, связанного с вторжением в сферу личной жизни участников уголовного судопроизводства. Посредством этого постановления оформляются процессуальные взаимоотношения следователя и суда.

Вместе с постановлением о возбуждении перед судом названного ходатайства следователю требуется подготовить соответствующие материалы уголовного дела.

Перечень материалов, представляемых следователем вместе с ходатайством в суд, процессуальным законом не определен. Безуслов-

¹ Старший преподаватель кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук. © Алонцева Е. Ю., 2016.

² Алонцева Е. Ю. Полномочия следователя по производству следственных действий, выполняемых с разрешения суда : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.

но, что следователь свой вывод о необходимости производства следственного действия должен обосновывать конкретными доказательствами. Представляется, что материалы уголовного дела, подтверждающие необходимость производства следственного действия, должны предоставляться по аналогии с порядком направления постановления о возбуждении перед судом ходатайства следователя о применении меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста либо залога. В последнем случае перечень предоставляемых документов установлен Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога», в соответствии с которым к ним относятся ксерокопии материалов уголовного дела, заверенные подписью следователя и печатью, куда относятся постановление о возбуждении уголовного дела, протоколы следственных действий и иные материалы, подтверждающие необходимость производства следственного действия.

После составления постановления и подготовки прилагаемых материалов дела следователь представляет их руководителю следственного органа. Во исполнение требований ст. 165 УПК РФ необходимо предварительно получить согласие руководителя следственного органа на возбуждение перед судом ходатайства на производство указанных в ч. 2 ст. 29 УПК РФ следственных действий.

Руководитель следственного органа, убедившись в наличии доказательств или фактических данных, убеждающих в возможности достичь цель следственного действия – извлечение искомой информации доказательственного характера, а также в том, что прилагаемые к ходатайству доказательства отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам, а именно: относимости и допустимости, заверяет своим согласием постановление. Более правильным представляется, что руководитель следственного органа должен незамедлительно выразить свое решение о согласии либо несогласии с необходимостью проведения следственного действия после ознакомления с предоставляемыми ему материалами. После чего руководитель следственного органа с сопроводительным письмом от своего имени направляет ходатайство следователя и прилагаемые материалы в суд.

Закон не содержит запрета для суда в отсутствие обосновывающих материалов отказывать как в принятии названного ходатайства, так и в его разрешении по существу, ибо именно стороны несут всю

полноту ответственности за представление или непредставление в суд тех или иных материалов, обосновывающих ходатайство.

Тем не менее, А. В. Пиук отмечает, что необходимо предоставить судье право истребования материалов, обосновывающих ходатайство, а на орган расследования возложить обязанность их представления¹. Следует согласиться с подобным предложением автора в той части, что следует возложить обязанность предоставления материалов в суд на следователя (дознателя) и закрепить данную норму в законе. В продолжение вышеприведенной полемики, следует отметить, что ст. 165 УПК РФ не содержит требований об обязательности обоснования ходатайства следователя. Проанализировав данную статью, можно предположить, что достаточно наличие формального постановления следователя о возбуждении перед судом ходатайства о производстве следственного действия, ограничивающего конституционные права и свободы граждан. Вместе с тем, полагаем, что это не совсем отвечает стремлению законодателя обеспечить соблюдение конституционных прав и свобод граждан. На наш взгляд, представляется более логичным и правильным, что для обеспечения реальной возможности принятия законного и объективного решения судье необходимо непосредственно изучить материалы уголовного дела. Любое решение основывается на оценке имеющихся фактических данных, сопоставлении их с нормами закона, определяющими основания и цели проведения следственного действия. То есть отсутствие в ст. 165 УПК РФ указания на обоснованность следователем своего решения не означает того, что суд не вправе проверить обоснованность проведения следственного действия. При отсутствии фактических оснований проведение следственного действия, по нашему мнению, будет незаконным и необоснованным. Тем не менее, нельзя не заострить внимание на том, что для правоприменителей может вызвать сложность то обстоятельство, что на стадии предварительного расследования в большинстве случаев сложно предоставить в суд материалы, обосновывающие производство следственного действия. В любом случае решение следователя о получении доказательств носит предположительный, вероятный характер. Нельзя ставить этот вопрос категорически и безусловно. Да, законодатель устанавливает определенные запреты нарушения личных прав и свобод лиц, вовлеченных в

¹ Пиук А. В. Роль суда в собирании доказательств по уголовному делу на стадии предварительного расследования и при рассмотрении дела в суде первой инстанции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2004. С. 19.

сферу уголовного судопроизводства, но эти ограничения носят условный характер. Если следователь предполагает о том, что может получить в ходе следственного действия какие-либо доказательства, и для этого соблюдены формальные требования, например предоставление копии постановления о возбуждении уголовного дела, копии других материалов, то суд не может отказать в разрешении на проведение конкретного следственного действия. Вероятность основывается на системе закономерностей. Нельзя на данном этапе располагать непроверяемыми либо конкретными данными о том, что можно получить в ходе проведения следственного действия. Это объясняется недостаточной доказательственной базой, имеющейся в уголовном деле в определенный момент расследования. В противном случае невозможно проводить расследование по уголовному делу. Гарантией выступает возможное достижение цели следственного действия. Безусловно, в данном случае сложно говорить о состязательности. Рассмотрение ходатайства происходит в закрытом судебном заседании без уведомления и участия стороны защиты. Следственные действия, благодаря своей специфике и розыскной направленности, в подавляющем большинстве случаев должны быть проведены внезапно, без предварительной постановки в известность лиц, чьи интересы могут быть затронуты. Поэтому «приоритет должен отдаваться сохранению тайны предварительного следствия, а не принципу состязательности»¹.

Участие потерпевшего или его представителя в судебном заседании при рассмотрении ходатайства законом не предусмотрено. После получения соответствующих материалов судья соответствующего районного суда, либо соответствующего этому уровню военного суда, уведомляет следователя и прокурора о том, когда будет рассмотрено заявленное ходатайство. Позиция законодателя относительно участия в судебном рассмотрении ходатайства следователя представляется нам правильной. Если следователь имеет возможность лично обосновывать свое ходатайство, он участвует в судебном заседании. В другом случае ходатайство обосновывает прокурор, поскольку его участие, как представителя стороны обвинения в судебном заседании, должно быть обязательным. Следует не согласиться с Н. В. Булановой, предлагающей в законе необходимость предусмотреть возмож-

¹ Химичева Г. П. Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности. М. : Экзамен, 2003. С. 306.

ность отказа прокурора от поддержания ходатайства следователя. И в этой связи предусмотреть последующий отказ суда от рассмотрения ходатайства следователя¹. Полагаем, что в исключительных случаях безотлагательности производства следственного действия, когда следователь не имел согласия руководителя следственного органа и не заручился мнением прокурора по данному вопросу, суд оценивает законность следственного действия. И никак не связывает это с наличием либо отсутствием руководителя следственного органа и мнением прокурора по данному вопросу. Относительно иных участников уголовного судопроизводства нет сомнений в том, что рассмотрение ходатайства следователя происходит в их отсутствие, следователь либо суд не обязаны их уведомлять. Несмотря на то, что законодатель однозначно считает необходимым наличие судебного контроля за производством следственных действий, остались приверженцы отмены предварительного судебного контроля, которые полагают, что он неэффективен в силу отсутствия состязательных начал, обременительной процедуры и поверхностного исследования материалов судом. Мы согласны с С. А. Бочининым, полагающим, что отсутствие сторон и состязательного характера процедуры рассмотрения ходатайства следователя не должно повлечь отмену судебного контроля за соблюдением конституционных гарантий прав граждан на неприкосновенность жилища, тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных сообщений и т. д., поскольку он служит надежным барьером от незаконного ограничения прав и интересов участников процесса².

Полагаем неуместным ведение дискуссии о вступлении в силу решения суда о производстве следственного действия. Так, отдельные авторы полагают, что постановление суда вступает в силу по истечении трех суток, либо десяти суток, когда истекает срок обжалования данного решения³. Следует категорически не согласиться с

¹ Буланова Н. В. Некоторые проблемы совершенствования правового статуса прокурора в уголовном судопроизводстве. Уголовно-процессуальное законодательство в современных условиях: проблемы теории и практики : сборник статей. М. : ВолтерсКлувер, 2010. С. 15.

² Бочинин С. А. Следственные действия как способы собирания доказательств : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 12.

³ Стельмах В. Ю. Срок вступления в законную силу постановления судьи о разрешении производства следственного действия // Правовое государство. – Право и безопасность. – 2013. – № 1–2 (44). – С.122.

этим по следующим основаниям. Статья 165 УПК РФ не предусматривает возможность обжалования данного вида решения и не запрещает этого. На право обжалования действий (бездействия) следователя, затрагивающих конституционные права и свободы граждан, указано в ст. 125 УПК РФ, но после того, как следственное действие было выполнено. Что в общем не лишает участников уголовного судопроизводства судебной защиты их прав, гарантированной ст. 46 Конституции Российской Федерации. Для того, чтобы конкретизировать данное условие для рассмотрения ходатайства следователя, необходимо в УПК РФ внести дополнения о том, чтобы исключить случаи обжалования данных судебных решений в другом порядке, не в соответствии со ст. 125 УПК РФ. Это исключит безосновательное обращение в суд по данным вопросам. Конституционный Суд Российской Федерации уже высказывал свою позицию по данному вопросу. Так, в определении от 10 марта 2005 г. № 70-О указано, что ст. 165 УПК РФ, регламентирующая порядок производства обыска в жилище в условиях, не терпящих отлагательства, а также последующую судебную проверку законности такого обыска, сама по себе не содержит каких-либо предписаний, которые лишали бы лицо, в чьем жилище произведен обыск, возможности участия в такой проверке в случае заявления им ходатайства об этом или обжалования незаконности произведенного обыска.

Предоставление этому лицу возможности участвовать в судебном заседании обуславливается, в частности, самим характером осуществляемого судебного контроля, предполагающего проверку соблюдения следователем требований закона не только в части, касающейся установления оснований для производства обыска, но и в части порядка его проведения. Такой подход к определению пределов судебного контроля с участием заинтересованного лица за действиями органов уголовного преследования согласуется с прецедентной практикой применения Европейским Судом по правам человека п. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, гарантирующего каждому право на рассмотрение дела независимым и беспристрастным судом. В соответствии с позицией Европейского Суда по правам человека решение о вмешательстве органов исполнительной власти в права отдельных лиц не подлежит судебному контролю по инициативе заинтересованного лица и с его участием до тех пор, пока оно остается тайным по законным основаниям, однако после прекращения такого вмешательства решение, как только представится воз-

возможным, должно подпадать под действие судебного контроля с участием заинтересованного лица (пп. 55, 57 и 75 постановления от 6 сентября 1978 г. по делу «Класс (Klass) и другие против Федеративной Республики Германии»).

Таким образом, содержание правоотношений следователя и суда характеризуется наличием постановления следователя о возбуждении перед судом ходатайства о производстве одного из следственных действий, перечисленных в ч. 2 ст. 29 УПК РФ, либо уведомлением о производстве следственного действия в случаях, не терпящих отлагательства. При получении судебного разрешения для производства одного из следственных действий, предусмотренных ч. 2 ст. 29 УПК РФ, невозможно соблюдение требований о состязательности и гласности уголовного судопроизводства. Результативность следственных действий, о разрешении которых ходатайствует следователь, в значительной степени зависит от неожиданности их проведения и требует сохранения принятого решения в тайне от заинтересованных лиц до его непосредственного производства.

О СОДЕРЖАНИИ ПОСТАНОВЛЕНИЯ О ПРИВЛЕЧЕНИИ В КАЧЕСТВЕ ОБВИНЯЕМОГО

А. В. Андреев¹

УПК РФ устанавливает только общие требования к постановлению о привлечении в качестве обвиняемого. Так, в ч. 2 ст. 171 УПК РФ перечислены данные, которые обязательно должны быть отражены в этом документе. Постановление о привлечении в качестве обвиняемого должно включать вводную, описательную и резолютивную части. В практической деятельности при вынесении данного постановления особую сложность вызывает описание преступления с указанием времени и места его совершения, а также иных обстоятельств, подлежащих доказыванию.

На законодательном уровне не установлены точные временные промежутки, которые должны указываться при привлечении в качестве обвиняемого, однако, исходя из смысла закона, лицу, производящему расследование по уголовному делу, следует стремиться к ус-

¹ Адъюнкт Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя. © Андреев А. В., 2016.

тановлению точного времени совершения преступления. Требование указания точного времени в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого исключает возможность указания времени через общепринятые выражения. Иными словами, словосочетание «на следующий день» должно быть конкретизировано с указанием даты; а «рано утром» обозначено промежутком времени (например, в период с пяти до шести часов утра)¹.

В процессуальной литературе высказано мнение, и с ним следует согласиться, что в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого недопустимо указание на время совершения преступления по выборочному принципу, другими словами, по принципу «или... или...»².

При этом стоит отметить, что конкретизация времени различна для каждого уголовного дела. При этом, следователь должен учитывать, что более точная конкретизация времени совершения преступления исключает различные юридические ошибки при привлечении в качестве обвиняемого. Так, указание точной даты и времени совершения преступления влияет на установление предпосылок уголовной ответственности³. В данном случае речь идет о соотношении времени совершения преступления и даты принятия и внесения различных изменений в законодательство, рассмотрения вопроса об амнистии; а также возраста субъекта преступления на момент совершения преступления и других юридически значимых фактов, среди которых,

¹ Так, в Кассационном определении Верховного Суда Российской Федерации от 20 января 2010 г. № 66-о09-241 отмечено, что, решая вопрос о возвращении уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ, суд правильно указал, что «... органы следствия при описании преступного деяния обвиняемого не установили точную дату совершения преступления, ограничившись выражением «на следующий день»». При этом доводы кассационного представления о том, что был установлен и указан день предшествующий дню совершения преступления, и у суда есть возможность установить точную дату преступления был признан несостоятельным, поскольку «противоречил требованию закона об указании времени совершения преступления не выборочно по усмотрению следователя, а с указанием времени каждого вменяемого преступления». URL: <http://www.referent.ru/7/151251> (дата обращения: 10.11.2015).

² Ефремова Н. П., Кальницкий В. В. Привлечение в качестве обвиняемого : учебно-практическое пособие. Омск : Омская академия МВД России, 2007. С. 57.

³ Попелюшко В. А. Время совершения преступления в структуре предмета доказывания // Суд и применение закона : сборник научных трудов. М., 1982. С. 132–138.

например, исчисление сроков давности привлечения к уголовной ответственности или сроков «погашения» судимости¹.

Иными словами, при указании времени совершения преступления в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого следователь должен стремиться к максимальной конкретизации, учитывая при этом юридические факторы, имеющие существенное значение для каждого уголовного дела.

Указание точного места совершения преступления в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого также имеет важное значение для уголовного дела. Любое судебное разбирательство основывается на рассмотрении предъявленного обвинения на стадии предварительного расследования. Требования к обвинительному приговору изложены в ст. 307 УПК РФ и более подробно раскрываются в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 апреля 1996 г. № 1 «О судебном приговоре». В ч. 6 постановления указано, что описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора должна содержать описание преступного деяния, признанного доказанным судом, с указанием места, времени, способа его совершения, формы вины, мотивов, целей и последствий преступления. Если в ходе судебного разбирательства суд не может установить данные обстоятельства, либо они противоречат ранее предъявленному обвинению, то суд вправе вернуть дело прокурору.

В этой связи Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 8 декабря 2003 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 УПК РФ в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан» указал, что основанием для возвращения дела прокурору «являются существенные нарушения уголовно-процессуального закона, совершенные дознавателем, следователем или прокурором, в силу которых исключается возможность постановления судом приговора или иного реше-

¹ Например, в порядке ст. 237 УПК РФ было возвращено прокурору уголовное дело, по которому в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого время совершения преступления было указано как «февраль 2003 г.». Свое решение суд обосновал тем, что без установления точного времени совершения преступления невозможно решить вопрос о погашении прежней судимости, вследствие чего вынести законное и обоснованное решение. См. Возвращение уголовных дел прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ (комментарий судебной практики) // Рос. юстиция. – 2005. – № 1–2. – С. 64.

ния. Подобные нарушения в досудебном производстве требований Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, которые не могут быть устранены в судебном заседании, исключают принятие по делу судебного решения, отвечающего требованиям справедливости».

Следователь обязан устанавливать с максимальной точностью место совершения преступления. Более того, по нашему мнению, в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого нецелесообразно, а в некоторых случаях недопустимо указывать «расширенное» место совершения преступления.

Важное значение в мотивировочной части постановления о привлечении в качестве обвиняемого имеет описание события преступления. Так, помимо времени и места преступления, важно правильно описать обстоятельства уголовно-правовой стороны конкретного преступления. Другими словами, в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого должны быть отображены уголовно-правовые признаки состава преступления. При этом в постановлении целесообразно указывать, какими именно действиями выражены уголовно-правовые признаки. Например, если обвинение включает совершение преступления по предварительному сговору, то в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого должно быть указано время, когда произошел предварительный сговор, как были распределены «роли», какие действия каждое лицо должно было совершить по договоренности.

Таким образом, следователь, принимая решение о привлечении в качестве обвиняемого и вынося соответствующее постановление, должен руководствоваться ч. 2 ст. 171 УПК РФ. При этом помимо обязательных реквизитов постановления также целесообразно указывать: максимальное точное время и дату совершения преступления; точное место совершения преступления; уголовно-правовые признаки вменяемой статьи УК РФ, а также фактическое описание незаконных действий лица. Соблюдение данных требований к постановлению о привлечении в качестве обвиняемого в свою очередь положительно отразится на соблюдении прав участников уголовного судопроизводства.

РОЛЬ ОБЪЕКТИВНОЙ ИСТИНЫ В РАЗВИТИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ

*Л. М. Бабкин¹
Н. Н. Лыткин²*

Собирание, проверка и оценка доказательств с целью установления подлинных обстоятельств, подлежащих доказыванию по каждому уголовному делу, – вот тот результат, к которому должны стремиться органы и должностные лица, имеющие властные полномочия в уголовном судопроизводстве. Точное установление обстоятельств происшедшего противоправного деяния так, как они имели место в действительности, и означает достижение истины в уголовном процессе. Итак, целью доказывания в уголовном судопроизводстве является установление истины по уголовному делу. Не нацеленное на достижение истины уголовное судопроизводство, как замечает В. В. Лазарева, не способно служить средством защиты прав и свобод человека и гражданина³.

Доказывание в уголовном процессе строится по принципу реконструкции, воссоздания модели происшедшего по сохранившимся следам преступления. Исследованию подлежит явление, имевшее место в прошлом, в связи с чем получение сведений о нем возможно чаще всего не непосредственно, а опосредованным путем, через материальные и идеальные следы, оставленные явлением. Событие, явление, во-первых, не всегда отражается во всех его существенных признаках, и, во-вторых, в процессе познания оно обнаруживается не как нечто целое, в готовом виде, а как информация об отдельных его частях, фрагментах или свойствах. Поэтому вполне очевидно, что успех такой деятельности, главным образом, зависит от того, насколько полно, всесторонне и объективно обнаруживаются, закрепляются, сохраняются и интерпретируются в процессе доказывания фактические

¹ Профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук. © Бабкин Л. М., 2016.

² Доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук. © Н. Н. Лыткин, 2016.

³ Лазарева В. В. Доказывание в уголовном процессе : учебно-практическое пособие. М. : Высшее образование, 2009. С. 33.

данные о преступлении и других обстоятельствах, имеющих значение для правильного разрешения дела.

Поскольку отношение к истине определяет логику формы уголовного процесса, при которой организация уголовного процесса по розыскному типу основывается на концепции материальной истины, раскрывающейся в виде принципов-требований объективности, полноты и всесторонности исследования обстоятельств дела, то состязательный процесс, как считается, основан на концепции формальной истины. При этом состязательность рассматривается не только как принцип и форма уголовного процесса, но и как метод (арбитражно-состязательный) регулирования уголовно-процессуальных отношений¹, также направленный на поиск и достижение истины.

С принятием УПК РФ официальную поддержку получила крайняя форма состязательности в уголовном процессе, характеризующаяся отказом от установления истины, достаточно пассивной ролью суда в доказывании, фактическим возложением обязанности доказывания на стороны². Расширение состязательных начал в УПК РФ сопровождалось теоретическим обоснованием необходимости перехода от концепции материальной истины и утверждения о возможности ее достижения в уголовном судопроизводстве в пользу признания концепции формальной истины, понимаемой в том числе как соответствие судебного процесса (и его результата) требованиям процессуального права»³. Возрождение суда с участием присяжных заседателей в последние годы действия УПК РСФСР или введение в УПК РФ главы 40 «Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением» породило мнение о том, что приговор суда отражает не истину, а ту или иную степень вероятности. Так, при вынесении приговора по делу, рассмотренному с участием присяжных, председательствующий судья руководствуется не действительными фактическими обстоятельствами дела, в установлении которых он не участвует, а немотивированным вердиктом

¹ Шестакова С. Д. Состязательность уголовного процесса. СПб. : Изд-во «Юридический центр Пресс», 2001. С. 58–68.

² Победкин А. В. Некоторые вопросы собирания доказательств по новому Уголовно-процессуальному законодательству России // Государство и право. – 2003. – № 1. – С. 57.

³ Никитаев В. В. Проблемные ситуации уголовного процесса и юридическое мышление // Состязательное правосудие : труды научно-практических лабораторий. М., 1996. С. 37.

присяжных. При этом суд, соответственно, может достичь только процессуальную истину¹, при которой достоверность рассматривается как высокая степень вероятности.

В 2014 г. 64 % уголовных дел были рассмотрены российскими судами в особом порядке (следует из данных статистики, опубликованной Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации). Всего за прошлый год было рассмотрено 924 893 уголовных дела, из них в особом порядке – 595 350. В 2013 г. особым порядком рассматривалось тоже 64 % дел (598 212 из 930 855), а в 2012 г. – 61 % (575 294 из 941 954).

Познание истины в уголовном судопроизводстве предполагает диалектику процесса познания: от незнания – к знанию; от неполного и неточного знания – к более полному и точному; от субъективного – к объективному; от заблуждения – к истине. Путь от следственной версии к объективной версии лежит через процедуру доказывания обстоятельств уголовного дела².

Новый импульс к продолжению дискуссии по проблеме истины поступил от Следственного комитета Российской Федерации. Им подготовлен законопроект предусматривающий введение в уголовный процесс института установления объективной истины.

Законопроект преследует две основные цели – уйти от обвинительного уклона и обеспечить правосудие. Уголовное судопроизводство – это не просто деятельность, это строго формализованная деятельность. Достаточно сказать, что доказательства, полученные с грубыми нарушениями установленной процедуры, считаются недопустимыми, даже если устанавливаются важные для дела обстоятельства. В уголовном судопроизводстве роль каждого участника определена законом. От того, как четко и однозначно закон определяет роль каждого участника законодательного процесса, и зависит в конечном счете достижение назначения и цели уголовного судопроизводства. Его цель, грубо говоря, – осуждение виновных и оправдание невиновных.

Объективная истина – это философская категория, являющаяся основой построения гносеологических концепций по вопросам возможности и пределах познания человеком окружающего мира. В оте-

¹ Пашин С. А. Проблемы доказательственного права // Судебная реформа: юридический профессионализм и проблемы юридического образования. Дискуссии. М., 1995.

² Быков В. М., Печников Г. А. Об установлении истины в уголовном судопроизводстве // Журнал российского права. – 2004. – № 3. – С. 48.

чественной процессуалистике, начиная с изданной в 1950 г. работы А. Я. Вышинского «Теория судебных доказательств в советском праве», фундаментальной и не потерявшей своей актуальности до настоящего времени монографии М. С. Строговича «Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе» 1955 г. и «библии» доказательственного права «Теория доказательств в советском уголовном процессе» 1968 и 1973 гг., философская категория объективной истины излагалась в диалектическом или марксистско-ленинском определении, согласно которому она представляет собой «соответствие наших представлений с объективной природой вещей», верное отражение в сознании человека явлений мира (объективной реальности, существующей вне нас и не зависящей от нас)¹.

Понятия объективной истины, данного в таком обобщенном виде, явно недостаточно для прикладного вида человеческой деятельности, и оно должно найти свое уточненное и конкретизированное толкование. Развивая понятие объективной истины, адаптируя его для целей уголовного судопроизводства, Н. А. Якубович отмечала: «Догадка, предположение, гипотеза могут быть истинны, т. е. соответствовать действительности, но лишь будучи обоснованы, доказаны, они превратятся в достоверное знание», «можно познать и быть обладателем истинного знания «для себя», не заботясь о передаче и использовании этого знания другим, не стремясь обосновать, подтвердить, удостоверить, т. е. сделать его достоверным для всех»².

Понимая объективную истину как цель уголовного судопроизводства и (или) его результат, мы разрешаем вопрос о том, к чему будут стремиться в практической деятельности субъекты доказывания, осуществляющие уголовный процесс в силу занимаемой должности. Может ли постановляться обвинительный приговор на соответствии наших знаний реальному положению вещей либо на догадке, предположении, вероятности, пусть и самой высокой степени.

УПК РФ содержит требования установления объективной истины как цели и (или) результата уголовного судопроизводства. Укажем некоторые, но наиболее значимые нормы этого института:

– полноценная защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений не возможна без установления в

¹ Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм // Полн. собр. соч. Т. 18. С. 143, 176.

² Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н. В. Жогин. 2-е изд., испр. и доп. М. : Юрид. лит., 1973. С. 288.

точном соответствии с действительностью того, какими преступными действиями, какой вред и кому конкретно был причинен, чьи права и законные интересы при этом пострадали (п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ);

– п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ, признающий недопустимым доказательством показания потерпевшего, свидетеля, основанные на догадке, предположении, слухе;

– подлежащие доказыванию обстоятельства, перечисленные в ст. 73 УПК РФ;

– ст. 299 УПК РФ, в которой перечислены вопросы, разрешаемые судом при постановлении приговора, где, по сути, содержится матрица проверки соответствия знаний судьи реальному положению вещей. Если судья, задаваясь вопросами «доказано ли?», «имеются ли?», «подлежит ли?», мотивируя во всех случаях данный ответ ссылками на исследованные в судебном заседании доказательства, ответит «да», то его знания, стало быть, соответствуют реальному положению вещей, и подсудимого следует признать виновным. Представляется, что именно так понимали объективную истину как процессуальный концепт М. С. Строгович: «Обнаружение истины является ближайшей и непосредственной целью советского уголовного процесса»¹ и Л. Д. Кокарев: «Установление истины в уголовном судопроизводстве осуществляется посредством доказывания, которое заключается в собирании, проверке, оценке доказательств, в обосновании выводов по уголовному делу»².

Сторонники законопроекта считают, что вносимые изменения ощутимо улучшат положение подсудимого, ведь теперь вся государственная машина работает не на то, чтобы доказать его вину, а на то, чтобы установить «объективную истину», т. е., если есть основания, работает на его оправдание. Хотя реальной повседневной деятельностью следователей руководят не абстрактные нормы, касающиеся целей уголовного преследования, а конкретные отчетные показатели, системы стимулов и наказаний внутри следственных органов.

Таким образом, цель уголовно-процессуального доказывания связана с взаимодействием абсолютной истины (как цели) и относительной истины (как результата). Такой подход разделяют некоторые ученые-процессуалисты, полагающие, что истина в уголовном судопро-

¹ Строгович М. С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М. : Изд. Академии наук СССР, 1955. С. 19.

² Алексеев Н. С., Даев В. Г., Кокарев Л. Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж, 1980. С. 180.

производстве является одновременно абсолютной и относительной. «Объективная истина, на достижение которой направлены усилия следственных органов и суда, – пишет В.Я. Дорохов, – является истинной абсолютной и одновременно в силу неполного и неконкретного познания явления выступает как истина относительная»¹. Это дает основание полагать, что цель правосудия можно определить, как достижение тождества объективной и процессуальной истин². В. Балакшин по этому поводу пишет: «В том же случае, когда очевидно, что очевидная истина достигнута быть не может, поскольку органами расследования и самим судом исчерпаны все предусмотренные законом меры по ее установлению, – во всяком случае должна быть достигнута истина процессуальная»³.

О ВОЗМОЖНОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ ЗАКРЕПЛЕНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

*В. А. Герасимова*⁴

Большинство юристов отмечают, что содержание доказывания раскрывается в его элементах, к которым относятся собрание, оценка и проверка доказательств, что также отражено законодателем в ст. 85 УПК РФ.

Одним из элементов процессуального доказывания из вышеупомянутых нами является собрание доказательств. Однако без должного законодательного закрепления объект познания не может выступать в качестве доказательства⁵.

В этой связи назревает вопрос о возможности выделения закрепления доказательств в самостоятельный элемент процесса доказывания.

В науке уголовного процесса точки зрения по данной проблеме различные. Так еще М. С. Строгович писал, что «пока доказательство

¹ Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н. В. Жогин. М., 1973. С. 59.

² Трусов А. И. Основы теории судебных доказательств. М., 1960. С. 116.

³ Балакшин В. Истина в уголовном процессе // Рос. юстиция. – 1998. – № 2. – С. 21.

⁴ Адъюнкт Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя. © Герасимова В. А., 2016.

⁵ К такому роду законодательного закрепления, например, относится отражение объекта, обнаруженного на месте происшествия – в протоколе осмотра.

не рассмотрено и не закреплено процессуально, нельзя утверждать, что доказательство действительно обнаружено»¹.

В структуре уголовно-процессуального доказывания, предложенной В. С. Балакшиным², закрепление доказательств выступает в качестве самостоятельного элемента процесса доказывания, наряду с собиранием, проверкой и оценкой доказательств.

Однако уголовно-процессуальный закон не предусматривает каких-либо требований к процессу закрепления доказательств, а также не выделяет данный процесс в качестве самостоятельного элемента доказывания.

Постараемся отразить процесс собирания доказательств, разделив его на этапы.

Первым этапом выступает обнаружение и получение доказательств. Обнаружение доказательств по своей сущности выступает в качестве поиска информации, относящейся к предполагаемому событию преступления. Получение информации, в отличие от ее поиска, осуществляется путем представления доказательств, изъятия предметов или документов, предположительно относящихся к возможному преступлению.

Законодатель в ст. 86 УПК РФ предусматривает несколько способов собирания информации: производство следственных действий; истребование предметов и документов без производства следственных действий (включая производство ревизий и проведение документальных проверок); представление доказательств гражданами и участниками процесса.

Согласно ч. 1 ст. 86 УПК РФ бремя доказывания в части их собирания, лежит на дознавателе, следователе, прокуроре и суде. Предполагается, что такой подход к определению субъектов доказывания правильный, так как согласно ч. 2 ст. 49 Конституции Российской Федерации «обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность». Однако за иными, невластными участниками уголовного судопроизводства, закреплено законодательное право собирать и представлять письменные документы и предметы, которые впоследствии могут приобрести статус доказательства.

¹ Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1. С. 302.

² Балакшин В. С. Доказательства в теории и практике уголовно-процессуального доказывания : монография. Екатеринбург, 2004. С. 65.

Выделение в самостоятельный элемент процесса доказывания – закрепления доказательств позволяет предположить включение в число субъектов собирания доказательств невластных участников уголовного судопроизводства.

Выделение в качестве самостоятельного элемента – закрепления доказательств влечет за собой правовые последствия: получение доказательств неуполномоченными лицами (например, получение объяснения защитником). Ведь при получении объяснения лицо, его дающее, не располагает теми же правами, что и при проведении допроса.

Вторым этапом выступает процессуальное оформление информации, т. е. ее закрепление (фиксация). Данный процесс осуществляется путем составления протоколов следственных действий, изготовления приложений к ним, приобщения к ним вещественных доказательств.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что выделение в самостоятельный элемент процесса доказывания – закрепления доказательств является нецелесообразным.

Во-первых, уголовно-процессуальный кодекс не отводит места данному элементу среди собирания, проверки и оценки доказательств, как бы предопределяя закрепления доказательств как завершающий этап элемента собирания доказательств. Во-вторых, выделение закрепления доказательств как самостоятельного элемента процесса доказывания, «развязывает руки» непроцессуальным участникам судопроизводства. Хотя им предоставлено право «предоставлять сведения», но вывод о том, являются ли предоставленные сведения доказательствами, отвечают ли они требованиям, предъявляемым к доказательствам, делают властные участники уголовного судопроизводства, наделенные бременем доказывания.

Ведь доказательства не могут существовать в готовом виде. Они формируются в процессе познавательной деятельности. Поэтому их процессуальное закрепление, наряду с обнаружением и получением, образуют единый элемент – собирание доказательств. Поэтому закрепление доказательств выступает завершающим элементом собирания доказательств.

В свою очередь действия по закреплению доказательств, гарантирующие их достоверность, допустимость и достаточность, должны являться исключительным правом властных субъектов уголовного судопроизводства: следователя, дознавателя и суда.

О ПЕРСПЕКТИВАХ ДОЗНАНИЯ В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ

Д. А. Григорьев¹

Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ в УПК РФ была введена глава 32¹ – «Дознание в сокращенной форме». Этот закон был принят в русле дальнейшей дифференциации процессуальной формы производства дознания. Согласно ч. 1¹ ст. 150 УПК РФ дознание производится в общем порядке либо в сокращенной форме.

Касаясь истории вопроса, следует заметить, что еще в 2006 г. Министр внутренних дел Российской Федерации Р. Г. Нургалиев потребовал от соответствующих департаментов МВД России ускорить деятельность по внесению изменений в уголовно-процессуальное законодательство, предусматривающее возможность применения сокращенной формы досудебного производства по делам о преступлениях небольшой и средней тяжести, т. е. подследственным органам дознания².

После вступления УПК РФ в силу разными авторами также предлагались дополнения в УПК РФ для того, чтобы в ней были нормы о сокращенном производстве³.

Данная глава была введена для обеспечения скорейшего расследования и рассмотрения в суде уголовных дел о преступлениях небольшой и средней тяжести, т. е. соблюдения разумных сроков досудебного производства.

По данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, в 2012 г. доля уголовных дел, оконченных с превышением срока, установленного законом, росло угрожающими темпами. Это практически

¹ Старший преподаватель кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя. © Григорьев Д. А., 2016.

² Нургалиев Р. Г. Доклад на расширенной коллегии МВД России от 6 февраля 2006 г. URL: <http://www.mvdinfo.ru>.

³ Власова Н. А. Концептуальная модель досудебного производства по уголовным делам // Научный портал МВД России. – 2008. – № 1. – С. 39–46; Григорьев Д. А. Нужна ли упрощенная форма досудебного производства? // Досудебное производство: проблемы и перспективы : материалы межведомственной научно-практической конференции, посвященной 5-летию принятия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. М. : МосУ МВД России, 2007. С. 166–170.

каждое третье дело в органах внутренних дел, а в Следственном комитете и ФСКН почти каждое второе¹.

Указанное выше, в ряде иных оснований, подвигло законодателя на принятие соответствующих изменений в уголовно-процессуальный закон для того, чтобы создать оптимальные условия для скорейшего расследования преступлений небольшой и средней тяжести и передачи дела в суд, при обеспечении неукоснительного соблюдения конституционных прав и свобод граждан, независимо от их процессуального положения.

Обязательными условиями производства дознания в сокращенной форме являются: совершение преступления в условиях очевидности; установление лица, его совершившего; признание им своей вины; наличие его письменного согласия и согласие потерпевшего на применение сокращенной формы уголовного судопроизводства.

Проблемой широкого использования сокращенного дознания является то, что в главе 32¹ УПК РФ есть нормы, позволяющие потерпевшему, подозреваемому, обвиняемому отказаться от этой упрощенной формы производства дознания до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора. В этом случае дознаватель заново начинает производство дознания в общем порядке (ч. 2 ст. 226², ч. 3 ст. 226³ УПК РФ).

Основной смысл правовых предписаний, изложенных в главе 32¹ УПК РФ, заключается в том, что если по результатам процессуальной проверки сообщения о преступлении получены достаточные доказательства о совершении преступления конкретным лицом, против него выдвигается подозрение с одновременным возбуждением уголовного дела с последующим сбором доказательств в объеме, минимально необходимом для установления события преступления, характера и размера причиненного им вреда, а также виновности лица в его совершении с последующим составлением обвинительного постановления, которое вместе с собранными материалами незамедлительно передается прокурору для утверждения и передачи в суд. Постановление приговора производится судом без проведения судебного разбирательства, при этом подсудимому назначается наказание, которое не

¹ Доклад Генерального прокурора Российской Федерации на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 24 апреля 2013 г. «О состоянии законности и правопорядка в 2012 году и о проделанной работе по их укреплению» URL: <http://genproc.gov.ru/genprokuror/appearances/>.

может превышать одной второй максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление.

В 2014 г. в сокращенной форме расследовано 29 376 (+343,8 % по отношению к итогам 2013 г.) уголовных дел, из них направлено прокурору с обвинительным постановлением 28 930 (+351,1 %). Надзирающими прокурорами направлено в суд с обвинительным постановлением 28 535 (+355,8 %) уголовных дел, расследованных в сокращенной форме дознания, что составило 9,03 % от общего количества направленных уголовных дел в суд. Следует отметить должный уровень качества расследования уголовных дел в сокращенной форме¹.

Несмотря на то, что данный вид дознания постепенно набирал «обороты», в стенах МВД был разработан законопроект, согласно которому упраздняется глава 32¹ УПК РФ и вводится особый порядок досудебного производства. Данный законопроект главы 32¹ УПК РФ предлагается дополнить разделом VIII.1, содержащим главу 32², регламентирующую осуществление особого порядка досудебного производства. По мнению авторов законопроекта, сокращенное дознание не оправдало своего предназначения. В результате осложненного процесса собирания доказательств пострадавшим от преступлений не обеспечивается своевременная, гарантированная законом защита, а лица, их совершившие, получают возможность избежать уголовной ответственности².

Но подробный анализ положений главы 32¹ УПК РФ и данного законопроекта дает основание полагать, что правовые предписания в них почти идентичны, за исключением того, что не нужно обязательное согласие заявителя и лица, в отношении которого будет применяться особый порядок досудебного производства, на его применение; срок расследования – 10 суток, и он не продлевается; судебное разбирательство производится в общем порядке.

Мы считаем, что законодателю следовало бы сохранить и производство сокращенного дознания, но при этом следует внести серьез-

¹ Доклад о результатах и основных направлениях деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации за 2014 г. URL: http://mvd.ru/upload/site1/folder_page...chast.docx.

² Проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части введения особого порядка досудебного производства URL:<http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?>

ные корректировки, ведь изменения и уточнения отдельных норм главы 32¹ УПК РФ вполне очевидны¹. А правовые нормы, изложенные в законопроекте, можно применить при расследовании уголовных проступков. Под ними должны подразумеваться преступные деяния, за которые предусмотрено максимальное наказание до двух лет лишения свободы. В качестве примера следует назвать ст. 264¹ УК РФ «Нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию». Соответственно должны быть внесены дополнения в УК РФ и УПК РФ, касающиеся уголовных проступков.

К ВОПРОСУ О ЗАКОННОСТИ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

*Н. В. Григорьева²
Т. П. Юрченко³
Т. В. Пенькова⁴*

Законность при производстве по уголовному делу установлена в ст. 7 УПК РФ и возведена в ранг принципа уголовного судопроизводства. Принципы уголовного судопроизводства – основные начала, руководящие положения, закрепленные в Конституции Российской Федерации и УПК РФ, которые лежат в основе уголовно-процессуальной деятельности, связанной с возбуждением, расследованием, рассмотрением и разрешением уголовных дел. Принципы выражают сущность уголовно-процессуальной деятельности, обеспечивают реальность прав и свобод человека и гражданина, вовлеченного в сферу уголовно-процессуальных правоотношений, способствуют достижению назначения уголовного судопроизводства.

¹ Мичурина О. В., Химичева О. В. Особенности и пути оптимизации доказывания при производстве дознания в сокращенной форме // Библиотека криминалиста. – 2015. – № 3 (30). – С. 145.

² Доцент кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент. © Григорьева Н. В., 2016.

³ Курсант Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя. © Юрченко Т. П., 2016.

⁴ Курсант Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя. © Пенькова Т. В., 2016.

Основные положения принципа законности закреплены в ч. 2 ст. 15 Конституции Российской Федерации, а применительно к уголовному судопроизводству – также в других статьях Конституции Российской Федерации (ст.ст. 49, 120, 123 и т. д.), УПК РФ (ст. 7) и иных нормах уголовно-процессуального права.

Вместе с тем, отметим, что в свое время М. С. Строгович выступал против принципа законности, считая, «что принцип законности не есть отдельный принцип уголовного процесса...», а «совокупность всех принципов процесса в их взаимосвязи... основа всех принципов процесса и каждого принципа в отдельности...»¹.

Принцип законности охватывает собой все начала уголовного судопроизводства, является общим по отношению ко всем остальным принципам уголовного процесса, которые представляют собой различные выражения принципа законности. Поэтому законность можно назвать принципом принципов, а все остальные принципы – принципами реализации законности в уголовном судопроизводстве. Требования законности всегда охватывают содержание и внешнюю форму правоприменительной, правореализующей деятельности и служат основным условием правильного применения правовых норм.

В отношении понятия законности в литературе нет единого мнения. Не останавливаясь специально на анализе различных точек зрения относительно данного феномена, отметим, что наша позиция в этом вопросе соотносится с пониманием законности как точного и неуклонного соблюдения и исполнения предписаний Конституции Российской Федерации, законов и соответствующих им иных нормативных правовых актов всеми государственными и негосударственными учреждениями и организациями, должностными лицами, гражданами.

Законность при производстве по уголовному делу тесно связана с понятием процессуальной формы в уголовном судопроизводстве, поскольку соблюдение процессуальной формы равнозначно соблюдению закона. УПК РФ является ключевым источником уголовно-процессуального права, устанавливающим процессуальную форму.

Вместе с тем, учитывая положения действующего уголовно-процессуального законодательства, нельзя отождествлять понятия «уголовно-процессуальное нарушение» и «нарушение принципа законности»².

¹ Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М., 1968. С. 175.

² Гришин Д. А. Сущность и детерминанты нарушения принципа законности в уголовном судопроизводстве // Человек: преступление и наказание. – 2012. – № 3. – С. 81–83.

Следует согласиться с мнением Д. А. Гришина, который нарушение принципа законности в ряду таких категорий, как уголовно-процессуальное правонарушение, нарушение уголовно-процессуального закона, следственная процессуальная ошибка, признает наиболее узким понятием. При этом нарушение принципа законности, несомненно, является нарушением уголовно-процессуального закона, однако последнее – более широкое понятие, включающее в себя противоправные действия, выразившиеся в несоблюдении предписаний УПК РФ также участниками досудебного производства, не являющимися должностными лицами.

Таким образом, на этапе возбуждения уголовного дела и при производстве предварительного расследования законность должна неукоснительно соблюдаться всеми участниками уголовного судопроизводства. Нарушение норм УПК РФ судом, прокурором, следователем, органом дознания или дознавателем в ходе уголовного судопроизводства влечет за собой признание недопустимыми полученных таким путем доказательств (ч. 3 ст. 7 УПК РФ).

Законодатель уделяет рассматриваемому вопросу повышенный интерес и внимание. Для проверки и оценки законности проводимых в рамках процессуальных отношений действий и принимаемых решений в уголовном судопроизводстве предусмотрена целая система средств, в качестве которых выступают прокурорский надзор, судебный и ведомственный процессуальный контроль. Данные статистики свидетельствуют о многочисленных нарушениях законности, допускаемых в досудебном производстве.

Согласно основным результатам прокурорской деятельности за 2014 г. прокурорами выявлено 5 921 866 нарушений закона, что на 21,8 % больше, чем в 2013 г., в том числе при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлении – 3 605 162 (+ 3,3 %). В результате прокурорами направлено 184 300 (+ 25,1 %) требований об устранении нарушений законодательства в порядке п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК; внесено 99 996 (+ 9,1 %) представлений и информации об устранении нарушений; отменено 19 066 (– 18,9 %) постановлений следователей и дознавателей о возбуждении уголовного дела; отменено 2 518 508 (– 2,2 %) постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела; отменено 29 330 (+ 18,4 %) постановлений о прекращении уголовного дела (уголовного преследования); отменено 424 080 (+ 4,1 %) постановлений о приостановлении предварительного рас-

следования. В итоге 140 306 (17,8%) должностных лиц привлечены к дисциплинарной ответственности¹.

В дополнение к прокурорскому надзору за законностью при производстве по уголовным делам судами в 2014 г. в порядке ст. 125 УПК РФ рассмотрено 130 648 тыс. жалоб на действия (бездействие) и решения досудебного производства, удовлетворено 8 929 тыс. (6,8 %) ².

Кроме того, в 2014 г. 32,1 % обращений граждан, государственных и общественных организаций, поступивших к Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации, было обусловлено необходимостью защиты прав в уголовном судопроизводстве (в том числе жалобы на приговоры, определения и постановления суда, нарушение права на защиту, нарушения в ходе дознания и предварительного следствия)³.

И. М. Егоров обращает внимание на тот факт, что «нарушения в области уголовного судопроизводства причиняют наибольший вред личности, являются опасными для уровня правовой культуры общества»⁴.

Факторы, приводящие к таким негативным результатам, связаны не только с проблемами профессиональной подготовки должностных лиц, низким уровнем правосознания, правовым нигилизмом, коррупционными проявлениями и др., обусловленными «человеческим фактором».

В качестве причин нарушений закона в уголовном судопроизводстве А. М. Баранов дополнительно указывает: 1) ненадлежащее производство следственных и процессуальных действий; 2) недостатки в планировании, организации расследования и взаимодействия с дру-

¹ Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь–декабрь 2014 г. // URL: <http://genproc.gov.ru/stat/data/519038/>.

² Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел за 12 месяцев 2014 г. // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2884>.

³ Всего в 2014 г. к Уполномоченному поступило 59 100 обращений граждан, государственных и общественных организаций // Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2014 г. С. 34, 38. URL: <http://ombudsmanrf.org/content/doclad2014>.

⁴ Егоров И. М. Прокурорский надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина в досудебных стадиях уголовного процесса : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2000. С. 83.

гими службами; 3) недостаточная активность должностных лиц правоохранительных органов¹.

Следует признать, что наличие нарушений в уголовном судопроизводстве неизбежно ввиду того, что должностным лицам, его осуществляющим, присущи субъективизм, определенная неподготовленность, наличие столкновения интересов противоборствующих сторон², а также многих других факторов. Однако степень их присутствия должна быть минимизирована.

Анализ современного уголовно-процессуального законодательства и практики его применения свидетельствует о необходимости укрепления законности при производстве по уголовным делам посредством одновременного укрепления служебной дисциплины и совершенствования законодательства, в частности положений ст. 7 УПК РФ.

Несмотря на то, что принцип законности является одним из ключевых в уголовном судопроизводстве, имеются коллизии, которые очень часто являются источником споров работников в сфере юриспруденции и правоохранительных органов.

Во-первых, следует отметить, что Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 29 июня 2004 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений ст.ст. 7, 15, 107, 234 и 450 УПК РФ в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» указал, что положения ч. 1, 2 ст. 7, устанавливающие приоритет УПК РФ перед иными федеральными законами и нормативными правовыми актами, признаны не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку не подразумевают разрешение возможных коллизий между УПК РФ и какими бы то ни было федеральными конституционными законами и распространяются лишь на случаи, когда положения иных федеральных законов, непосредственно регулирующие порядок производства по уголовным делам, противоречат УПК РФ.

Таким образом, Конституционный Суд Российской Федерации признает то, что в УПК РФ есть моменты, которые не соответствуют

¹ Баранов А. М. Процессуальные ошибки на этапе окончания предварительного следствия и способы их исправления : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1992. С. 16.

² Шурухнов Н. Г. Влияние уголовно-процессуального законодательства на структуру расследования преступлений // Уголовное судопроизводство: проблемы теории, нормотворчества и правоприменения : сб. науч. тр. Вып. 2. Рязань, 2007. С. 147.

некоторым нормам закона, но при этом законодательно закрепляется, что УПК РФ является главным нормативным правовым актом в сфере уголовного судопроизводства, и некоторые коллизии в нем по отношению к другим законам, связанные с принципом законности, не являются противоречиями.

Вместе с тем, ч. 2 ст. 7 УПК РФ не относит прокурора, следователя и дознавателя к числу субъектов, компетентных определять приоритет применения норм УПК РФ при производстве по уголовному делу. Полагаем, что данная ситуация недопустима, поскольку принципы уголовного судопроизводства действуют не только в судебном, но и в досудебном производстве. Следовательно, не только суд, но и указанные должностные лица, при производстве по уголовному делу должны руководствоваться положениями ч. 2 ст. 7 УПК РФ, поскольку именно следователь и дознаватель являются основными правоприменителями на этапе досудебного производства по уголовному делу.

Во-вторых, в ч. 4 ст. 7 УПК РФ определяются основные требования к постановлению: законность, обоснованность и мотивированность. Однако УПК РФ не раскрывает данных понятий, не содержит четких характеристик и требований к ним, за исключением отдельных видов постановлений (ст.ст. 146, 171, 185, 195, 213 УПК РФ). Отсюда следует: в правоприменительной практике не существует единства в оформлении описательно-мотивировочной части постановлений.

Все это негативно влияет на протекание процесса уголовного судопроизводства, вызывает трудности при доказывании и рассмотрении дела в суде, увеличивает срок уголовного судопроизводства и снижает КПД раскрываемости дел.

Таким образом, законность находится в тесной связи с другими принципами уголовного процесса и соотносится с ними как общее и частное, поскольку нарушение любого принципа – это всегда одновременно и нарушение принципа законности. Достижение целей уголовного судопроизводства возможно только при точном и неуклонном соблюдении требований уголовно-процессуального закона. Уголовное судопроизводство – это особый вид государственной деятельности, затрагивающей права и законные интересы граждан. Поэтому осуществление данной деятельности в рамках закона имеет особое значение. С одной стороны, это обеспечивает получение и возможность дальнейшего использования доказательств, с другой – защищает права и свободы граждан, втянутых в орбиту уголовного судопроизводства.

К ВОПРОСУ ОБ УЧРЕЖДЕНИИ ИНСТИТУТА СЛЕДСТВЕННОГО СУДЬИ В СУДЕБНОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Д. Р. Даниелян¹

Проблема учреждения института следственного судьи в судебной системе Российской Федерации уже длительное время находится в центре внимания законодателя и отечественных ученых. На законодательном уровне первые упоминания об этом институте можно обнаружить в Концепции судебной реформы, где на следственных судей возлагаются «контрольные функции в тех случаях, когда под угрозу ставятся свободы и права человека»; и отмечается, что «фигура следственного судьи не аналогична фигуре нынешнего следователя, который не состоит при судебном ведомстве и при всей своей возможной независимости в Следственном комитете не может выполнять судебную по существу функцию в состязательном расследовании»².

Председатель Конституционного Суда Российской Федерации В. Д. Зорькин поддерживает институт следственных судей, поскольку он помогает продвинуться в решении системных проблем, по которым граждане или суды регулярно направляют обращения в Конституционный Суд Российской Федерации: нарушение разумных сроков судопроизводства в части предварительного расследования; чрезмерная длительность содержания под стражей; неэффективность судебной проверки действий (бездействия) органов предварительного расследования в порядке ст. 125 УПК РФ; нарушение права потерпевшего на доступ к правосудию и защиту его интересов; злоупотребление органами уголовного преследования тайной предварительного расследования; ограничение права обвиняемого на защиту на досудебных стадиях процесса, в том числе на своевременный допуск защитника; возвращение дела судом прокурору для исправления недостатков предварительного расследования в порядке ст. 237 УПК РФ; ис-

¹ Соискатель кафедры права ФГБОУ ВПО «Московский педагогический государственный университет» (МПГУ), юрисконсульт ГБУ ДПО «Московский учебно-спортивный центр» Москомспорта. © Даниелян Д. Р., 2016.

² Постановление ВС РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 1991. – № 44, ст. 1435.

пользование результатов оперативно-разыскной деятельности в уголовном судопроизводстве¹.

К числу сторонников института следственного судьи относится профессор Т. Москалькова, утверждающая, что «суды не обладают в настоящее время достаточным инструментарием для проверки сведений, принимаемых в расчет при вынесении решения о заключении обвиняемого под стражу», а Президент ФПА Г. Резник считает введение института следственных судей «уравниванием возможностей сторон» и возможностью формирования полноценных судебных доказательств. Судья Конституционного Суда Российской Федерации в отставке Т. Морщакова отмечает по данному вопросу, что речь идет о судьях, которые должны выделяться из общего корпуса федеральных судей и заниматься «исключительно отдельно от рассмотрения уголовных дел решением вопроса о законности действий органов расследования и тем, чтобы признавались в установленном законом порядке материалы как стороны обвинения, так и стороны защиты в качестве доказательств»².

В России, обращаясь к институту «следственного судьи», нередко апеллируют к Уставу уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г., предусматривающему институт «судебного следователя». Не вдаваясь в этимологические аспекты вопроса, отметим, что это были «следователи, обязанные исследовать событие преступления, установить и сохранить весь тот фактический материал, на основании которого должны затем разрешиться вопросы о предании суду, а также о виновности подсудимого». Функции судебного следователя соединяли в себе одновременно функции «обвинения, защиты и собственно судебские»³. Во многом создатели дореволюционного законодательства обращались к опыту Франции, где собственно был создан и получил развитие институт следственного судьи.

На наш взгляд, для определения места следственного судьи в судебной системе и его полномочий следует также обратиться к опыту Франции и Германии, в том числе их современному законодательству. Следственный судья возник как элемент новой системы предвари-

¹ Зорькин В. Д. Конституция живет в законах. Резервы повышения качества российского законодательства // Российская газета. – 2014. – № 6560. – 18 дек.

² Лазарев В. О формировании института следственных судей. URL: <http://www.advgazeta.ru/rubrics/8/1553>; URL: <http://pravo.ru/news/view/113199/>.

³ Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса. Введение. Ч. 1 Судостроительство. М., 2008. С. 302.

тельного следствия, введенной Кодексом уголовного расследования 1808 г., и просуществовал вплоть до вступления в силу УПК Франции 1958 г. Согласно ст. 72 УПК Франции следственный судья обладает правами в стадии предварительного расследования, а также некоторыми правами во время дознания¹. Это дает основание утверждать, что следственный судья относится к числу органов предварительного следствия и не является специализированным судебным органом по контролю за актами органов предварительного следствия. Функционально следственный судья во многом зависим от Прокурора Республики, так как может приступать к делу после заполнения последним соответствующего «требования о производстве предварительного следствия». Также Прокурор «предписывает следственному судье производство таких действий, которые, по его мнению, целесообразны в интересах наилучшего отправления правосудия»².

В судебной системе Германии, в отличие от Франции, в результате ряда реформ была воплощена идея создания именно специального судьи, разрешающего юрисдикционные вопросы. Специальный судья решает вопросы по заключению обвиняемого под стражу или его временному помещению в психиатрический стационар; подтверждает законность обыска в помещении, проведенного без судебного решения полицией и др. Судья уполномочен проверять законность и обоснованность актов полиции и прокуратуры, связанных с расследованием. Назначение специального судьи на должность осуществляет президиум суда, состоящий из президентов суда и до десяти избранных судей суда.

В настоящее время в России рядом отечественных авторов разработана Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации³, и в проекте УПК содержится достаточно подробное определение института следственного судьи. Так, под ним понимается «федеральный орган судебной власти (суд), функционирующий независимо от системы судов общей юрисдикции и реализующий в досудебном уголовном производстве комплекс юрисдикционных и следственных функций, связанных с разрешением по существу потенциального или имеющегося спора сто-

¹ Головкин Л. В. Дознание и предварительное следствие в уголовном процессе Франции. М., 1995. С. 26.

² Быкова Е. Следственный судья во Франции // Российская юстиция. – 1994. – № 6. – С. 59.

³ URL: <http://www.iuaj.net/node/1766/>.

рон относительно применения существенных мер процессуального принуждения, обеспечения прав и законных интересов участников процесса, депонирования по требованию сторон предположительно легитимных доказательств по делу, которые к моменту уголовного судопроизводства могут быть утрачены для процесса доказывания».

На наш взгляд, стоит согласиться с авторами Доктринальной модели о необходимости автономного функционирования следственного судьи от суда, рассматривающего и разрешающего уголовное дело по существу, однако совмещение юрисдикционных и следственных функций в рамках одного органа уже показало на примере Франции свою несостоятельность. В связи с этим требуется максимально освободить институт следственного судьи от следственных функций, обеспечить систему проверки решений самого специализированного судьи.

Не менее важным является вопрос гарантий деятельности следственного судьи, чтобы следственные судьи назначались на должность именно Президентом Российской Федерации на тот же срок и при тех же условиях, что и иные федеральные судьи; кабинет следственного судьи функционировал автономно, а не в здании районного (городского) суда¹.

Таким образом, подводя итоги, отметим ряд положений: институт следственного судьи относится к числу специализированных судебных органов; в компетенцию следственного судьи входят исключительно юрисдикционные вопросы. Наличие следственных функций в компетенции следственного судьи создает препятствие для эффективного судебного контроля; организационные и процессуальные гарантии независимости специализированных судей не могут быть ниже, чем у судей судов общей юрисдикции; система проверки решений следственного судьи должна носить подлинно независимый характер. Это может быть самостоятельное подразделение на уровне апелляционной инстанции.

¹ Ковтун Н. Н. Судебный следователь и следственный судья – разные субъекты правовых отношений. URL: http://www.iuaj.net/node/486#_ftn25.

ВОЗБУЖДЕНИЕ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ПО ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

*С. В. Ермаков¹
Ж. А. Баусова²*

В условиях кризисных явлений в экономике и экономических санкций борьба с преступлениями экономической направленности является актуальной задачей для правоохранительных органов.

Статистические данные ФКУ «ГИАЦ МВД России» на протяжении последних трех лет отражают динамику снижения числа зарегистрированных преступлений экономической направленности (в 2012 г. их доля в общем количестве зарегистрированных преступлений составляла 7,5 %; в 2013 – 6,4 %; в 2014 – 5,0 % соответственно). За 9 месяцев 2015 г. отмечается рост числа зарегистрированных преступлений экономического характера. По сравнению с январем–сентябрем 2014 г. на 3,3 % возросло число преступлений экономической направленности, выявленных правоохранительными органами. Всего выявлено 96,7 тыс. преступлений данной категории. Удельный вес этих преступлений в общем числе зарегистрированных составил 5,5 %. Материальный ущерб от указанных преступлений (по окончанным уголовным делам) составил 169,69 млрд руб. Тяжкие и особо тяжкие преступления в общем числе выявленных преступлений экономической направленности составили 63,4 %³. Вместе с тем, при наличии тенденции снижения зарегистрированных преступлений нельзя однозначно констатировать, что правоохранительным органам удалось достичь значительных успехов в профилактике данных преступлений. По нашему мнению, снижение зарегистрированных преступлений экономической направленности, являющихся в большей своей части латентными, наоборот, может свидетельствовать о снижении активности в борьбе с данными преступлениями.

Одним из направлений совершенствования данной деятельности является повышение качества расследования данных преступлений.

¹ Доцент кафедры предварительного расследования Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук. © Ермаков С. В., 2016.

² Курсант Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя. © Баусова Ж. А., 2016.

³ URL: <https://mvd.ru/fol101762/item/6629353/>.

Считаем, что первоочередное внимание здесь нужно уделять стадии возбуждения уголовного дела. В зависимости от того, как быстро последует реакция правоохранительных органов на информацию, указывающую на признаки преступления экономической направленности, насколько всесторонне будет проведена проверка этой информации и своевременно возбуждено уголовное дело, зависят исход предварительного расследования и судебная перспектива этого дела.

Такой оперативности в борьбе с преступлениями экономической направленности сложно достичь ввиду того, что среди особенностей возбуждения уголовного дела по преступлениям экономической направленности следует отметить необходимость серьезной аналитической работы и, как следствие, получение значительного объема содержательной информации, позволяющей сделать вывод о наличии законных поводов и основания для возбуждения уголовного дела. Сложность представляет и то, что массив изучаемых документов относится к сфере гражданского, налогового, банковского и иных отраслей права, что, безусловно, требует от лица, производящего доследственную проверку, соответствующих знаний и подготовки.

Существенно влияет на качество расследования преступлений экономической направленности несовершенство уголовно-процессуального закона применительно к вопросам доследственной проверки возбуждения уголовных дел данной категории. Слабая законодательная разработка проверочных, следственных и иных процессуальных действий, используемых при рассмотрении сообщений о преступлениях, подтверждается результатами проведенного нами исследования среди практических работников, обучающихся на Факультете повышения квалификации и переподготовки Московского университета МВД России имени В.Я.Кикотя.

При интервьюировании работников следственных и оперативных подразделений Москвы и Московской области были выявлены следующие проблемы, возникающие на стадии возбуждения уголовного дела.

1. Проблема достаточности собранных материалов в ходе предварительной проверки по преступлениям экономической направленности для принятия решения о возбуждении уголовного дела. Органы предварительного расследования мотивируют свой отказ в принятии решения о возбуждении уголовного дела недостаточностью данных, собранных оперативным сотрудником, указывают на отсутствие от-

дельных документов, дополнительных объяснений, справок, документов из банков и т. п., а зачастую требуют представить им готового подозреваемого с признательными показаниями. Однако установление виновности, как известно, не входит в задачу проверки сообщений о преступлениях¹.

Приказом Следственного департамента МВД России 26 октября 2011 г. № 55 от «Об организации ведомственного контроля при рассмотрении материалов проверки в порядке статей 140–145 УПК РФ о преступлениях экономической коррупционной направленности» применительно к вопросам возбуждения уголовных дел введены дополнительные к УПК РФ внутриведомственные требования к деятельности в рамках данной стадии. В частности, при поступлении материалов в следственные подразделения соответствующий руководитель следственного органа готовит заключение по результатам изучения материала проверки, чтобы признать повод и достаточные основания к возбуждению уголовного дела.

В результате такого подхода нарушаются процессуальные сроки, предусмотренные для возбуждения уголовного дела, утрачиваются важные доказательства, которые могли бы в дальнейшем способствовать раскрытию преступления.

Вместе с тем, к учету не принимается то обстоятельство, что получение отдельных документов оперативным путем и в рамках доследственной проверки невозможно и может быть осуществлено только после возбуждения уголовного дела. Так, например, в законе не предусмотрена ответственность за неявку в орган дознания для дачи объяснений, ввиду чего получить объяснения в ходе доследственной проверки не всегда представляется возможным.

Затягивание сроков принятия решения о возбуждении уголовного дела и, соответственно, запоздалое избрание мер пресечения, наложения арестов на имущество по преступлениям экономической направленности может приводить к тому, что виновные лица успевают скрыться, в том числе и за границей, а также принять меры, препятствующие последующему возмещению материального ущерба.

2. Дублирование проверочных мероприятий до возбуждения уголовного дела и в дальнейшем в ходе производства предварительного расследования.

¹ Макаренко М. М., Ермаков С. В. Возбуждение уголовного дела: проблемные вопросы // Российский следователь. – 2015. – № 6. – С. 27.

При расследовании преступлений экономической направленности типичными следственными действиями являются выемки и допросы. При этом, как мы отметили выше, до возбуждения уголовного дела со значительными проблемами добываются документы. В данном случае речь идет не только об оригиналах, но и о получении копий или выписок. После возбуждения уголовного дела производится изъятие оригиналов документов в ходе выемок или обысков. Кроме того, в ходе доследственной проверки сначала получают объяснения, затем после возбуждения уголовного дела допрашивают по тем же фактам, что ведет к необоснованному увеличению трудозатрат.

3. Ограниченный круг следственных действий, возможных до возбуждения уголовного дела по признакам преступлений экономической направленности. Так, набор следственных действий, предусмотренных ч. 1 ст. 144 УПК РФ, может быть достаточен для установления признаков общеуголовных преступлений, но не для преступлений экономической направленности. В связи с этим начала складываться практика расширительного толкования данной нормы относительно истребования (изъятия) предметов и документов при проведении доследственной проверки по признакам преступлений экономической направленности. Процедура истребования (изъятия), порядок фиксации результатов ее проведения не нашли отражения в уголовно-процессуальном законе¹. Так, под изъятием документов и предметов «в порядке, установленном настоящим Кодексом», на практике стали понимать и их выемку.

4. Недостаточный срок для проверки сообщений по преступлениям экономической направленности, если проверка проводится по заявлению. Это вызвано как значительными объемами добываемых сведений, так и большой загруженностью сотрудников, вызванной в большинстве случаев необходимостью рассматривать огромный массив заявлений, по которым выносятся постановления об отказе в возбуждении уголовного дела. Это в свою очередь снижает качество проведения доследственной проверки по реальным преступлениям.

Предлагаем расширить спектр процессуальных средств, применяемых на этапе проверки сообщения о преступлении, предусмотрев в ч. 1 ст. 144 УПК РФ возможность проведения до возбуждения уголовного дела также выемки и допроса. Данное положение, несомнен-

¹ Артемова В. В. Проблемные аспекты реализации истребования и изъятия предметов и документов на этапе возбуждения уголовного дела // Российский следователь. – 2014. – № 3. – С. 3–5.

но, будет способствовать экономии сил и средств как оперативных подразделений, так и следственных органов, исключит необходимость дублирования проверочных действий следственными действиями в ходе дальнейшего расследования.

Несомненно, произойдет изменение роли следователя, которая может свестись лишь к обязанности завершить уже фактически начатое органами дознания «расследование», а именно: возбудить уголовное дело, правильно избрать меры процессуального принуждения, обеспечить наложение ареста на имущество, собрать дополнительные доказательства, предъявить официальное обвинение лицу, завершить расследование и направить дело в суд. Полагаем, что существует необходимость дальнейшего совершенствования стадии возбуждения уголовного дела для обеспечения экономии сил и средств правоохранительных органов, рационального их использования.

НОВОЕ В ИНСТИТУТЕ НАЛОЖЕНИЯ АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО

А. Н. Заливин¹

Федеральным законом от 29 июня 2015 г. № 190-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в УПК РФ введена ст. 115.1, регулирующая порядок продления срока ареста, наложенного на имущество лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми по данному уголовному делу, или лицами, несущими по закону материальную ответственность за их действия.

Отметим, что здесь также закреплено обязательное условие продления срока ареста, наложенного на имущество. Такое условие имеет место, когда не отпали основания применения рассматриваемой меры процессуального принуждения. Названное правовое положение предполагает наличие у суда обязанности, по меньшей мере, рассмотреть данный вопрос – вопрос о наличии на момент принятия решения о продлении срока ареста, наложенного на имущество, фактических оснований (доказательств) применения к лицу, не являющемуся подозреваемым, обвиняемым или лицом, несущим по закону

¹ Доцент кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент. © Заливин А. Н., 2016.

материальную ответственность за действия подозреваемого, обвиняемого, данной меры процессуального принуждения.

Если при рассмотрении указанного вопроса суд установит отсутствие фактических оснований применения к лицу искомой меры процессуального принуждения, срок ареста, наложенного на имущество, продлен быть не может. Сама мера процессуального принуждения подлежит отмене.

В ч. 2 ст. 115.1 УПК РФ указано: «В случаях истечения установленного судом срока ареста, наложенного на имущество лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми или лицами, несущими по закону материальную ответственность за их действия, или приостановления предварительного следствия по основаниям, предусмотренным частью первой статьи 208 настоящего Кодекса, следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора не позднее чем за 7 суток до истечения срока ареста, наложенного на имущество, или до приостановления предварительного следствия возбуждает перед судом по месту производства предварительного расследования ходатайство о продлении срока ареста, наложенного на имущество, о чем выносит соответствующее постановление. В постановлении о возбуждении ходатайства излагаются конкретные, фактические обстоятельства, свидетельствующие о необходимости продления срока ареста, наложенного на имущество, и сохранения ограничений, которым подвергается арестованное имущество, а также указывается срок, на который предполагается продлить арест, наложенный на имущество. К постановлению прилагаются материалы, подтверждающие обоснованность ходатайства».

Заложенная в нее идея ясна, но формулировка вряд ли безупречна. Профессор А. П. Рыжаков отмечает, что в ней дважды речь идет как о приостановлении предварительного следствия (как об одном из оснований продления срока ареста, наложенного на имущество), так и о моменте, за 7 суток до наступления которого орган предварительного расследования должен обратиться в суд с соответствующим ходатайством. Исходя из содержания ч. 2 ст. 115.1 УПК РФ, таким органом предварительного расследования может стать не только следователь, но и дознаватель. Последний решение о возбуждении перед судом ходатайства о продлении срока ареста, наложенного на имущество, возбуждает с согласия прокурора. Однако дознаватель не вправе производить предварительное следствие. Соответственно им не может быть вынесено постановление о приостановлении предварительного

следствия. Данное обстоятельство указывает на то, что под предварительным следствием в ч. 2 ст. 115.1 УПК РФ, как, впрочем, и в ч. 5 той же статьи закона, подразумевается собственно не только предварительное следствие, но и дознание. То же самое можно сказать и об употреблении выражения «предварительное следствие» в ч. 6 ст. 208, ч. 1 ст. 209 УПК РФ¹.

Круг участников судебного заседания по рассмотрению ходатайства о продлении срока ареста, наложенного на имущество, урегулирован ч. 4 ст. 115.1 УПК РФ. Здесь указано, что «при рассмотрении судьей настоящего ходатайства в судебном заседании вправе участвовать прокурор, следователь, дознаватель, потерпевший, гражданский истец, подозреваемый, обвиняемый, их защитники и (или) законные представители, а также лицо, на имущество которого наложен арест. Неявка без уважительных причин указанных лиц, своевременно извещенных о месте и времени судебного заседания, не является препятствием для рассмотрения такого ходатайства, за исключением случаев, когда их явка признана судом обязательной».

О возможности участия в судебном заседании должностных лиц, осуществляющих ведомственный контроль за деятельностью следователя (дознателя и др.), в ч. 4 ст. 115.1 УПК РФ ничего не указано. Это обстоятельство может стать существенным препятствием на пути участия руководителя следственного органа, а тем более начальника подразделения дознания (начальника органа дознания), в процессе рассмотрения ходатайства (если, разумеется, судья посчитает участие таковых в судебном заседании ненужным). В случае, если судья не возражает против такого участия, он имеет возможность допустить до рассмотрения ходатайства любого ходатайствующего об этом участника (субъекта) уголовного процесса.

В соответствии с ч. 4 ст. 115.1 УПК РФ при рассмотрении судьей ходатайства о продлении срока ареста, наложенного на имущество, в судебном заседании вправе участвовать «потерпевший, гражданский истец». Под потерпевшим и гражданским истцом здесь подразумеваются лица, признанные таковыми путем вынесения следователем (дознателем и др.) специального постановления. В этой связи полагаем: у физического лица, которому преступлением причинен физический, имущественный и (или) моральный вред, который пока еще

¹ Рыжаков А. П. Продление срока ареста, наложенного на имущество // Советник юриста. – 2015. – № 10. – С. 36–38.

не признан потерпевшим или гражданским истцом, право принять участие в рассмотрении судом указанного ходатайства отсутствует.

Следуя логике ч. 4 ст. 115.1 УПК РФ, участвовать в судебном заседании по рассмотрению ходатайства о продлении срока ареста, наложенного на имущество, вправе и «лицо, на имущество которого наложен арест». Но здесь ничего не говорится о возможности принять участие в таковом его представителя.

Прямо в УПК РФ это не указано, между тем думается, что заложенная в ч. 1 ст. 48 Конституции Российской Федерации идея, а тем более прямое указание на то Конституционного Суда Российской Федерации в постановлении от 21 октября 2014 г. № 25-П «По делу о проверке конституционности положений ч. 3 и 9 ст. 115 УПК РФ в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью «Аврора малоэтажное строительство» и граждан В. А. Шевченко и М. П. Эйдлена» позволяет лицу, на имущество которого наложен арест, иметь представителя. При рассмотрении ходатайства о наложении ареста на имущество лица его статус аналогичен статусу подозреваемого (обвиняемого), на имущество которого налагается арест. Подозреваемый (обвиняемый) же наделен правом участия в судебном заседании по рассмотрению ходатайства о наложении ареста на имущество и тогда, когда это имущество ему не принадлежит. В этой связи полагаем, что вряд ли может быть оправдан отказ в удовлетворении ходатайства представителя лица, на имущество которого наложен арест, о его участии в рассмотрении соответствующего ходатайства.

Решениям, которые могут быть приняты судьей по итогам рассмотрения ходатайства о продлении срока ареста, наложенного на имущество, посвящена ч. 5 ст. 115.1 УПК РФ. Одно из таких решений выносится в связи с приостановлением предварительного расследования. В этой связи обращаем внимание на следующее обстоятельство. Продлевая срок ареста, наложенного на имущество, перед приостановлением предварительного расследования судья не вправе сохранить ограничения, связанные с владением и пользованием арестованным имуществом. Распоряжение арестованным имуществом может им быть ограничено не полностью, а лишь в части отчуждения или уничтожения этого имущества. Изменить ограничения, связанные с владением, пользованием, распоряжением арестованным имуществом, судья не вправе по собственной инициативе. Без поступления к нему соответствующего ходатайства органа предварительного рас-

следования суд не имеет возможности не только продлить срок ареста, наложенного на имущество, но и разрешить иные, связанные с данным ходатайством вопросы.

В соответствии с ч. 6 ст. 115.1 УПК РФ при решении вопроса о продлении срока ареста, наложенного на имущество, о сохранении ограничений, которым подвергается арестованное имущество, лицо или орган, в производстве которого находится уголовное дело, а также суд обязаны обеспечить соблюдение разумного срока применения данной меры процессуального принуждения в отношении имущества лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми или лицами, несущими по закону материальную ответственность за их действия. При определении разумного срока ареста, наложенного на имущество, учитываются обстоятельства, указанные в ч. 3.2 ст. 6.1 УПК РФ. «Вопрос о присуждении компенсации за нарушение разумного срока применения данной меры процессуального принуждения в отношении имущества лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми или лицами, несущими по закону материальную ответственность за их действия, решается судом в порядке, установленном федеральным законом. Вопросы, связанные с возмещением имущественного вреда, причиненного нарушением разумного срока применения данной меры процессуального принуждения, разрешаются в порядке гражданского судопроизводства».

Заметим, что Конституция Российской Федерации и Конвенция о защите прав человека и основных свобод, как следует из основанных на их требованиях правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации и Европейского Суда по правам человека, обязывают государство обеспечить эффективную защиту, включая судебную, права собственности лицам, чье имущество длительное время находится под арестом, в том числе изначально наложенным в не терпящих отлагательства случаях. Уже поэтому устанавливаемые во исполнение судебного решения о наложении ареста на имущество ограничения правомочий владения, пользования и распоряжения могут быть оспорены в судебном порядке, с тем чтобы, как указал Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 31 января 2011 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положений ч. 1, 3 и 9 ст. 115, п. 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ и абз. 9 п. 1 ст. 126 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Недвижимость-М», общества с ограниченной ответственностью «Соломатинское хлебопри-

емное предприятие» и гражданки Л. И. Костаревой», по прошествии времени суд проверил соразмерность ограничения прав собственника и рассмотрел возможность (при наличии к тому оснований) возвращения ему имущества во владение и пользование или возможность полной отмены данной меры процессуального принуждения. Такого рода проверка может быть осуществлена неоднократно. Сначала при продлении срока ареста, наложенного на имущество, а затем в ходе рассмотрения апелляционных и (или) кассационных жалоб (представлений) на принятое судом решение о продлении срока ареста, наложенного на имущество, сохранении или изменении ограничений, связанных с владением, пользованием, распоряжением арестованным имуществом.

ИНСТИТУТ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ СРОКОВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ И КНР: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

В. К. Захарова¹

Современный Уголовно-процессуальный кодекс Китайской Народной Республики (далее – УПК КНР) обратил институт процессуальных сроков в традиционную форму. В ст.ст. 79 и 80 УПК КНР указан способ исчисления сроков – часами, сутками и месяцами. Сравнивая общее понятие исчисления сроков в УПК КНР и УПК РФ, можно выделить некоторые отличительные особенности китайской системы, вынесенной законодателем в отдельную главу 8 «Сроки и вручение». Например, в российском уголовном процессе не существует положения об исключении времени на дорогу, потраченного должностным лицом, проводящим расследование и надзор по уголовному делу (ст. 79 УПК КНР). Кроме того, интересно положение, установленное ст. 80 УПК КНР о том, что срок не считается истекшим, если заявления или другие документы были сданы на почту до истечения срока.

Рассматривая понятие сроков в УПК РФ и УПК КНР, нельзя обойти стороной особенности их исчисления при расследовании уголовного дела. В обоих кодексах законодатель определил общий срок расследования уголовного дела – два месяца.

¹ Адъюнкт Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя. © Захарова В. К., 2016.

Однако китайский законодатель установил более тщательный контроль над продлением сроков расследования уголовного дела по сравнению с отечественным законом. В КНР должностные лица, контролирующие расследование уголовного дела, входят в уголовный процесс сразу, не дожидаясь продления сроков расследования на три месяца. При этом строго оговорено, что продление срока расследования уголовного дела до трех месяцев осуществляется лишь «в случае сложности дела, по которому производство предварительного следствия невозможно завершить в установленный срок с санкции народной прокуратуры вышестоящей ступени» (ст. 124 УПК КНР). В свою очередь, в ч. 4 ст. 162 УПК РФ законодатель, не определив специальные условия продления сроков расследования уголовного дела до трех месяцев, лишь ограничился формулировкой: «...срок предварительного следствия может быть продлен до трех месяцев руководителем соответствующего следственного органа». По нашему мнению, китайская трактовка закона более удачна, поскольку стимулирует должностных лиц, проводящих расследование, к оперативности проведения следственных и процессуальных действий, ограждает участников уголовного процесса от затягивания сроков расследования уголовного дела.

Дальнейшее продление сроков расследования уголовного дела как в российском, так и в китайском уголовно-процессуальных законах, допускается лишь в исключительных случаях. В ч. 4–6.1 ст. 162 УПК РФ установлены следующие условия: расследование уголовного дела представляет особую сложность; возобновление производства по приостановленному или прекращенному уголовному делу; возвращение уголовного дела прокурором для производства дополнительного следствия; возвращение прокурором уголовного дела следователю в связи с выявлением судом новых или вновь открывшихся обстоятельств, являющихся основанием для предъявления обвиняемому обвинения в совершении более тяжкого преступления. В первом случае срок расследования уголовного дела может быть продлен до 12 месяцев, а в дальнейшем – только в исключительных случаях. В остальных, ранее описанных условиях, продление осуществляется руководителем следственного органа еще на один месяц, а в дальнейшем – по общим правилам продления сроков.

По нашему мнению, понятие, описанное в ч. 5 ст. 162 УПК РФ, – «расследование уголовного дела представляет особую сложность», весьма оценочное, поэтому законодателю необходимо описать кон-

кретные ситуации, требующие продления сроков предварительного следствия. Например, дополнить ч. 5 данной статьи словами «большое количество потерпевших, эпизодов, обширная география совершенного преступления, назначение комплексных экспертиз». В этом случае более удачно звучит трактовка ст. 126 УПК КНР, в которой законодатель подробно оговаривает условия, при которых необходимо продление уголовного дела: чрезвычайно сложные дела, рассматриваемые в отдаленных районах с очень малоразвитыми путями сообщения; важные дела о преступных группах; чрезвычайно сложные дела о преступлениях, совершенных при побеге; чрезвычайно сложные дела, затрагивающие широкий круг лиц, сопряженные с трудностями со сбором доказательств, уголовные дела, в которых подозреваемый в совершении преступления может быть приговорен к наказанию в виде лишения свободы на срок свыше десяти лет. В этом случае в КНР срок продлевается еще на два месяца, когда в аналогичных случаях отечественный законодатель позволяет продлевать предварительное следствие еще на девять месяцев.

Однако институт исчисления процессуальных сроков как в российском, так и в китайском уголовном процессе требует доработки в части срока продления уголовного дела свыше трех месяцев. Представляется целесообразным продлевать процессуальный срок не сразу до трех, шести и 12 месяцев, как прописано УПК РФ, или до трех, шести, восьми месяцев – УПК КНР, а в пределах этих сроков – каждый раз на один месяц при условии обязательного регулирования процессуальной деятельности со стороны установленных законом лиц. Таким образом, если 3-месячный срок исчерпан, а следующий порог – до шести месяцев, то продлевать не сразу до полугода, а до четырех месяцев, а потом – до пяти, а затем уже до шести месяцев (и т. д.). Такой подход позволит осуществлять достаточно жесткий контроль над тем, насколько активно и профессионально работает следователь, и обеспечить соблюдение разумного срока уголовного судопроизводства в досудебной стадии.

Сроки расследования уголовного дела как в России, так и в Китае ограничены сроками содержания под стражей: по УПК РФ – 18 месяцев, по УПК КНР – восьми месяцев. Тем не менее, как и в российской, так и в китайской правовой действительности встречаются случаи расследования чрезвычайно важных уголовных дел, при которых необходимо продление процессуальных сроков свыше срока нахождения под стражей. В России продление срока осуществляют руково-

дители следственных органов соответствующего уровня. Китайский законодатель при продлении сроков «вследствие чрезвычайных причин, расследовании особо важных и сложных дел» вовлек в процессуальный контроль не только высших должностных лиц Верховной народной прокуратуры, но и должностных лиц Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП), занимающихся законодательной деятельностью. По нашему мнению, представляет определенный интерес, хотя, безусловно, усложняет и удлинняет процедуру продления процессуального срока.

В уголовном процессе Китая точность установления личности подозреваемого напрямую влияет на сроки расследования уголовного дела. Об этом свидетельствует положение ст. 128 УПК КНР: «Если подозреваемый в совершении преступления не говорит своего действительного имени, адреса и его личность не установлена, то сроки производства предварительного следствия и содержания под стражей исчисляются со дня установления личности лица; однако не допускается приостановление расследования и сбора доказательств в отношении преступных деяний лица». Уместно упомянуть, что в отечественном уголовном процессе установление личности не влияет на сроки предварительного следствия. Однако практика идет по пути обязывания органов, проводящих расследование, установить личность подозреваемого. В ином случае суд, избирающий меру пресечения, может отказать в ходатайстве следователя об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу.

Подводя итог, можно отметить, что уголовный процесс КНР во многом перекликается с российским Законом. Однако законодатель КНР закрепил более жесткий, чем в России, механизм соблюдения сроков предварительного следствия, препятствующий чрезмерному продлению сроков предварительного следствия. Это и прокурорский контроль, начиная с продления до трех месяцев, и вовлечение должностных лиц Постоянного комитета ВСНП как участников контроля над процессуальными сроками, а также ограничение продления сроков – не более восьми месяцев, что не характерно для российского уголовно-процессуального законодательства, где окончательные сроки расследования уголовного дела не определены законодательно. По нашему мнению, обоюдный анализ норм права Китая и России позволит законодателям усовершенствовать институты процессуальных сроков и устранить некоторые встречающиеся пробелы.

РОЛЬ И МЕСТО АПЕЛЛЯЦИИ В ДОСТИЖЕНИИ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ЦЕЛЕЙ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

О. А. Калякин¹

Судебная власть призвана обеспечивать реализацию конституционного принципа, согласно которому человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанностью государства (ст. 2 Конституции Российской Федерации).

В свое время, в конце 1980-х – начале 1990 гг., приступая к судебной реформе, во главу угла ставилась именно защита прав и законных интересов граждан. Необходимость обеспечения этой защиты диктовалась нормами международного права и прежде всего Всеобщей декларацией прав человека и Европейской конвенцией по защите прав человека и основных свобод, а также иными основанными на них международно-правовыми актами. Так, в соответствии с п. 5 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах каждый, кто осужден за какое-либо преступление, имеет право на то, чтобы его осуждение и приговор были пересмотрены вышестоящей судебной инстанцией согласно закону. А согласно п. 13.9 Итогового документа Венской встречи 1986 г. представителей государств – участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе государства – участники Совещания обязались обеспечивать следующие эффективные средства правовой защиты: право лица апеллировать к судебным органам; право на справедливое и публичное разбирательство в разумные сроки в независимом и беспристрастном суде, включая право выдвигать юридическую аргументацию и быть представленным адвокатом по своему выбору; право быть быстро и официально уведомленным о решении, принятом по любой апелляции, включая юридические основания, на которых основывалось решение позволить лицу эффективно воспользоваться другими доступными средствами правовой защиты.

В период проведения преобразований в судебной сфере в 1989–1990 гг. считалось, что в качестве эффективного средства правовой

¹ Доцент юридического факультета Приднестровского государственного университета имени Т.Г. Шевченко. © Калякин О. А., 2016.

защиты может выступить действующий институт советского уголовного процесса – пересмотр в порядке надзора вступивших в законную силу судебных решений¹. Однако сами по себе институты пересмотра судебных решений в порядке надзора² и в порядке кассации³, как и вся тогдашняя система уголовного судопроизводства, не отвечали указанным в международно-правовых актах требованиям, что привело к необходимости поиска более эффективных средств судебной защиты.

Начало преобразований в сфере организации и деятельности суда в России было положено в 1991 г., когда 5 сентября 1991 г. Съезд народных депутатов РСФСР принял Декларацию прав и свобод человека и гражданина. Декларация впервые закрепила право на судебную защиту как право абсолютное и принадлежащее каждому лицу.

Но еще летом 1991 г. в подкомитете по судебной реформе Комитета по законодательству Верховного Совета РСФСР началась работа над Концепцией судебной реформы, которая была одобрена 24 октября 1991 г. постановлением № 1801-1 Верховного Совета РСФСР. В ней в качестве важнейшей гарантии прав личности предусматривалось право на полный пересмотр дела в вышестоящей (кассационно-апелляционной) инстанции по жалобе лица⁴.

Следует отметить, что еще до принятия Концепции судебной реформы, при подготовке к Первому съезду судей РСФСР стали высказываться предложения о восстановлении апелляционного производства. Так, судьи Московской области предложили восстановить апелляционные суды на принципе разрешения дел по существу в двух судебных инстанциях⁵. Тогда же Рабочая группа Оргкомитета по подготовке Съезда судей РСФСР внесла на обсуждение следующие предложения по содержанию и порядку проведения судебной реформы – Предложения по концепции судебной реформы, в которых предлагалось восстановление апелляционных судов⁶. Эту же идею

¹ Клочков В. О рассмотрении дел в порядке надзора // Советская юстиция. – 1990. – № 3. – С. 8–9.

² Петрухин И. Л. Правосудие: время реформ. М.: Наука, 1991. С. 205.

³ Петрухин И. Л. О реформе уголовного судопроизводства // Судебная реформа: проблемы и перспективы. М.: Институт государства и права РАН, 2001. С. 115–116.

⁴ Концепция судебной реформы в Российской Федерации /сост. С.А. Пашин. М.: Республика, 1992. С. 48, 51–52, 98.

⁵ Советская юстиция. – 1991. – № 16. – С. 11.

⁶ Советская юстиция. – 1991. – № 16. – С. 22–24.

поддержал 18 октября 1991 г. в своем выступлении на Первом съезде судей РСФСР Председатель Верховного Суда РСФСР В. М. Лебедев¹.

Следующим важнейшим шагом стало закрепление Конституцией Российской Федерации важнейших принципов судопроизводства. В том числе в ч. 3 ст. 50 Конституции Российской Федерации было закреплено право каждого осужденного за преступление на пересмотр приговора вышестоящим судом в порядке, установленном федеральным законом.

Федеральным законом от 7 августа 2000 г. № 119-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» был введен институт апелляции – появился новый двенадцатый раздел («Пересмотр приговоров и постановлений мирового судьи, не вступивших в законную силу»). Пересмотр приговоров и иных постановлений, постановленных мировыми судьями, был закреплен и УПК РФ.

А в соответствии с Федеральным законом от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» и Федеральным конституционным законом от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» апелляционное обжалование было распространено на приговоры судов всех звеньев, наряду с этим существенно изменились кассационное и надзорное производства. Так, российское уголовное судопроизводство в некоторой степени приблизилось к европейским стандартам.

В этой связи важно отметить, что Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 27 ноября 2012 г. № 26 «О применении норм Уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» отметил, что установление единого для всех судов общей юрисдикции апелляционного порядка проверки судебных решений по уголовным делам связано с необходимостью повышения гарантированного Конституцией Российской Федерации и федеральными законами уровня судебной защиты прав, свобод и законных интересов граждан и организаций, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства.

¹ Лебедев В. Судебная реформа – путь к демократии // Советская юстиция. – 1991. – № 23–24. – С. 3.

Таким образом, введение и развитие современного института апелляции в отечественном уголовном судопроизводстве тесно связаны с реализацией важнейших целей уголовного судопроизводства, закрепленных в Конституции Российской Федерации и ст. 6 УПК РФ.

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ СООТНОШЕНИЯ ПРАВОВЫХ СТАТУСОВ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ И ЗАЩИТНИКА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ

М. А. Карпушов¹

В УПК РФ нет определения такого субъекта, как представитель. Ряд уголовно-процессуальных норм лишь указывает на лиц, которые могут выступать в данном статусе (п. 12 ст. 5, ч. 1 ст. 45, ч. 1 ст. 55 УПК РФ).

В теории уголовного процесса предлагается использовать определение «представитель» по аналогии с гражданским законодательством, позиционируя представителя как участника, который действует при производстве по уголовному делу от имени и в интересах представляемого участника².

В то же время этот вопрос требует дополнительной проработки и учета специфики и особенностей предмета правового регулирования в сфере уголовно-процессуального представительства.

В ч. 1 ст. 49 УПК РФ защитник определяется как лицо, осуществляющее в установленном УПК порядке защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых и оказывающее им юридическую помощь.

На досудебных этапах уголовного судопроизводства в качестве защитников допускаются адвокаты, которые по предъявлении ордера на участие в уголовном деле и удостоверения установленного образца осуществляют функцию защиты.

Вместе с тем, адвокат в уголовном процессе может участвовать и в качестве представителя потерпевшего, гражданского истца, частного обвинителя (ч. 1 ст. 45 УПК РФ), гражданского ответчика (ст. 55 УПК РФ), свидетеля (п. 6 ч. 4 ст. 56 УПК РФ).

¹ Адъюнкт Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.
© Карпушов М. А., 2016.

² Мельников С. А. Представительство в современном российском уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2002. С. 5.

Согласно ст. 7 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокаты обязаны честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами; исполнять требования закона об обязательном участии адвоката в качестве защитника по назначению органов предварительного следствия.

В случаях осуществления профессионального представительства адвокат-представитель так же, как и защитник, оказывает квалифицированную юридическую помощь представляемому лицу. Кроме того, оба этих участника действуют в интересах представляемых лиц.

Можно предположить, что осуществлять защиту прав доверителя, не являясь при этом представителем его интересов, невозможно, равно как и представлять его интересы, не защищая их.

На этом основании в некоторых исследованиях ученых-процессуалистов защитник и представитель фактически отождествляются.

Так, в юридической литературе представлены точки зрения, согласно которым защитник в уголовном процессе выступает как представитель обвиняемого, поскольку действует в интересах обвиняемого и охраняет его права¹, а ограничение пределов самостоятельности защитника по наиболее важным вопросам в уголовном процессе волей подзащитного не позволяет рассматривать защитника в качестве самостоятельной стороны процесса².

Кроме того, с учетом изменений, внесенных в содержание ст. 144 УПК РФ Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ, лица, участвующие в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, т. е. до возбуждения уголовного дела, не наделенные по смыслу закона определенным процессуальным статусом, тем не менее, вправе пользоваться услугами адвоката, который по смыслу закона может выступать и как защитник (п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ) лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, и как представитель иных заинтересованных лиц, круг которых не конкретизирован.

¹ Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М., 1968. С. 245–246.

² Тарло Е. Г. Проблемы профессионального представительства в судопроизводстве России : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. С. 15.

В зависимости от характера процессуальных интересов отдельных участников уголовного процесса, наряду с оказанием юридической помощи, в теории уголовного процесса выделяют и функцию представительства¹.

В связи с этим можно предположить, что, исходя из общих целей и задач, процессуальная деятельность защитника подозреваемых и обвиняемых, а также лиц, в отношении которых проводится проверка сообщения о преступлении, представляет собой специфическую форму реализации функции представительства в уголовном судопроизводстве.

В уголовно-процессуальном законодательстве прослеживается явная тенденция сблизить правовые статусы представителя и защитника. Так, внесенные Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ в ст. 42, ст. 45 УПК РФ изменения связаны с увеличением объема полномочий представителя потерпевшего, гражданского истца, частного обвинителя. Потерпевший и его представитель, равно как и защитник, обвиняемый и подозреваемый, получили право знакомиться по окончании предварительного расследования со всеми материалами уголовного дела, выписывать из него любые сведения и в любом объеме, снимать копии с материалов уголовного дела, знакомиться с постановлением о назначении судебной экспертизы и заключением эксперта, получать копии важнейших постановлений процессуальных действий и решений, затрагивающих их права и законные интересы.

В то же время невозможно не учитывать и специфику функции защитника подозреваемого, обвиняемого, которая связана с особенностями процессуального статуса подзащитного, ограничением его прав и свобод при осуществлении уголовного преследования.

Нельзя исключать и тот факт, что появление защитника в истории уголовного процесса в той или иной степени связано с необходимостью публичной защиты подозреваемого, обвиняемого в отличие от представителей, которые изначально вовлекались в процесс с целью возможной физической замены какой-либо стороны в определенных законом случаях².

¹ Алексеев Н. С., Даев В. Г., Кокорев Л. Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж. 1980. С. 54.

² Корнеев А. А. Зарождение и развитие института адвокатуры досудебной реформы 1864 г. // Адвокатская практика. – 2005. – № 4. – С. 12.

Нет необходимости доказывать, что подозреваемый и обвиняемый вряд ли способны в условиях существенного ограничения их прав и свобод самостоятельно и эффективно противостоять уголовному преследованию. В связи с этим, на наш взгляд, знак равенства между процессуальными статусами защитника и представителя ставить преждевременно.

Защитник – более независимый и процессуально самостоятельный субъект по сравнению с представителем. Его вовлечение в уголовное судопроизводство, назначение, замена, случаи обязательного участия, основания для отвода четко регламентированы в УПК РФ. Аналогичные положения правового статуса представителя и законного представителя четко не прописаны.

Уголовно-процессуальный закон предоставил защитнику широкий круг полномочий (ч. 1 ст. 53 УПК РФ). Он свободен в выборе тактики защиты подозреваемого и обвиняемого и может осуществлять ее любыми всеми не запрещенными законом способами и средствами, в том числе независимо от воли подозреваемого, обвиняемого, а также в случаях отказа от его помощи (ч. 2 ст. 52 УПК РФ). Представители и законные представители ограничены теми же правами, что и представляемые ими лица (ч. 3 ст. 45 УПК РФ).

Расходы на оплату труда защитника в случае его назначения следователем, дознавателем или судом обеспечиваются за счет казны (ч. 5 ст. 50 УПК РФ), затраты в обязательных случаях участия профессиональных представителей за счет средств федерального бюджета не компенсируются.

В досудебном производстве в качестве защитников допускаются только адвокаты. Представителями могут быть как адвокаты, так и иные лица; законными представителями – только ограниченный круг лиц (п. 12 ст. 5 УПК РФ), которые не оказывают квалифицированную юридическую помощь. Так, законодатель, придавая особый статус способам реализации конституционного права на оказание квалифицированной юридической помощи, с очевидностью выделяет защитника из числа участников, наделенных правом представлять интересы иных правообладателей.

Таким образом, правовые статусы защитника и представителя близки по целям и задачам, которые они осуществляют при обеспечении и защите прав доверителей. Защитник, как и представитель, реализует в том числе функцию представительства, однако особенности правового положения защитника позволяют, по нашему мнению,

говорить о нем как о самостоятельном участнике уголовно-процессуальных отношений, наделенном специфическими полномочиями.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ: ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ И РАССЛЕДОВАНИЯ

*М. М. Макаренко¹
А. Ю. Мысягина²*

Следственная практика показывает, что при раскрытии и расследовании коррупционных преступлений правоприменитель сталкивается с определенными проблемами. В числе прочих сложности у следователей вызывают вопросы квалификации деяний должностных лиц либо лиц, которые таковыми являются фактически, ввиду того, что в ходе деятельности юридических лиц допускаются многочисленные нарушения, в том числе и на стадии процедуры документального оформления при назначении на должность.

Так, например, в ходе расследования уголовного дела в одном из субъектов Российской Федерации было установлено, что гражданин М. был принят на работу директором одного из муниципальных учреждений неуполномоченным на то лицом. После изменения названия организации новый приказ о приеме гр. М. на работу вынесен не был. Фактически гр. М. исполнял организационно-распорядительные и административно-хозяйственные функции. В дальнейшем, являясь руководителем организации, он присвоил себе денежные средства возглавляемого юридического лица в размере 100 тыс. руб. Действия гр. М. были квалифицированы по ч. 3 ст. 160 УК РФ как хищение, совершенное с использованием служебного положения.

Практика свидетельствует о том, что подобных примеров достаточно много в деятельности следственных органов по всей России. Безусловным является и то, что в своем большинстве надзирающие прокуроры придерживаются позиции, согласно которой действия обвиняемого необходимо квалифицировать по ч. 1 ст. 160 УК РФ.

¹ Доцент кафедры предварительного расследования Московского университета МВД России имени В.Я.Кикотя, кандидат юридических наук, доцент. © Макаренко М. М., 2016.

² Курсант Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя. © Мысягина А. Ю., 2016.

Такая позиция представляется нам небесспорной. Полагаем, что факт нарушения процедуры документального оформления при назначении должностных лиц не является препятствием для квалификации деяний как коррупционных преступлений, ибо их совершение «облегчено» фактическим должностным положением подозреваемого (обвиняемого).

В этой связи считаем, что в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» необходимо внести соответствующее разъяснение, которое позволит квалифицировать описанное деяние как преступление, совершенное с использованием служебного положения.

Определенную специфику имеет и деятельность следователя по возмещению ущерба, причиненного хищением бюджетных средств. Высокая степень латентности данных преступлений обусловлена, как правило, наличием коррупционной составляющей и, как следствие, изощренностью способов сокрытия и легализации денежных средств виновными лицами.

Принимая во внимание существующие проблемы, считаем целесообразным рекомендовать следователю уже на стадии проведения доследственной проверки ориентировать оперативных сотрудников осуществлять сбор информации о наличии-отсутствии у лиц, в отношении которых проводится проверка, недвижимого имущества, денежных средств на счетах в банках и т. д. Это необходимо для того, чтобы в ходе предварительного следствия по уголовному делу имелась возможность изъять похищенное или применить иные меры обеспечительного характера.

В ходе расследования следователю необходимо оперативно решить вопрос о представителе потерпевшего. Поскольку похищенные средства являются бюджетными, то налицо отсутствие реального потерпевшего (т. е. физического лица, которому причинен ущерб), а также конкретной организации, которая была бы заинтересована в возвращении похищенного для пополнения своих оборотных средств и получения возможности продолжения своей нормальной хозяйственной деятельности.

Следует помнить, что негативным последствием непризнания или несвоевременного признания потерпевшим представителя госзаказчика или иного уполномоченного лица, а в дальнейшем – гражданским истцом может быть отказ суда в наложении в соответствии со

ст. 115 УПК РФ ареста на имущество подозреваемого, обвиняемого в целях возмещения причиненного преступлением ущерба и обеспечения возможной конфискации в порядке, предусмотренном ст. 104.1 УК РФ.

Вместе с тем, в соответствии с изменениями, внесенными в ст. 42 УПК РФ Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ, решение о признании потерпевшим по уголовному делу принимается незамедлительно с момента возбуждения уголовного дела и оформляется постановлением дознавателя, следователя, судьи или определением суда. Нам представляется обоснованной сложившаяся практика признания в качестве потерпевшего представителя главного распорядителя бюджетных средств или распорядителя бюджетных средств¹.

В ходе работы по возмещению ущерба необходимо тесное взаимодействие с подразделениями Росфинмониторинга, использование его информационных ресурсов для установления значимых обстоятельств расходования похищенных средств, в том числе и на стадии доследственной проверки. Взаимодействие с Росфинмониторингом позволяет не только обнаружить похищенные средства, но и выявить возможные способы их легализации. Процессуальным закреплением полученной информации является назначение и производство судебной финансовой экспертизы, в ходе которой выясняется происхождение криминальных доходов.

В заключение отметим, что эффективность действий следователя по расследованию преступлений, имеющих коррупционную составляющую, во многом будет зависеть от оперативности, грамотно выбранной стратегии и тактики расследования.

¹ Макаренко М. М., Ермаков С. В. Организация работы по возмещению ущерба по уголовным делам о посягательствах на бюджетные средства // Правовые и экономические проблемы финансовых расследований : сборник статей. М. : Высшая школа государственного аудита МГУ имени М.В. Ломоносова, 2015. С. 49.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СВИДЕТЕЛЬСКОГО ИММУНИТЕТА СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

А. Р. Маламагамедова¹

С течением времени в жизнь общества все больше проникали и в конечном итоге окончательно укоренились общечеловеческие принципы общежития, идеалы, провозглашенные мировыми конфессиями. Нормы международного права и отечественные нормативные правовые акты максимально перенимают нормы гуманизма, человеколюбия, свободы, справедливости, провозглашенные в их религиозных писаниях.

Современные реалии заставляют даже тех, кто привык иначе осуществлять уголовно-процессуальную деятельность, ставить во главу угла личность, как высшую ценность. К сожалению, сегодняшняя политика в правоохранительных органах хоть и негласно, но все же поддерживает «палочную» систему отчетности, подталкивая своих сотрудников к пренебрежительному отношению к человеку, заставляя любыми путями и в скорейшие сроки добиваться «раскрытия» (пусть и мнимого) преступлений. Данная тенденция, естественно, приводит к повышению количества, но губительно сказывается на качестве уголовного судопроизводства. В связи с этим, учитывая, что уровень духовной, этической культуры сотрудников правоохранительных органов не всегда отвечает необходимым критериям, так важно, чтобы нравственно-конфессиональные элементы были закреплены законодательно, носили императивный характер. Возможно, сделав соблюдение прав человека, уважение его достоинства обязанностью должностных лиц, постепенно эти нормы сформируют новое поколение правоприменителей, для которого эти принципы станут само собой разумеющимися.

С целью обеспечения прав личности, стоя на страже охраняемой законом тайны, уголовно-процессуальный кодекс создает условия, исключаящие получение доказательств от лиц, которым подозреваемый (обвиняемый) сообщил определенные сведения, рассчитывая на сохранение их в тайне в силу профессиональной деятельности этих

¹ Адъюнкт Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.
© Маламагамедова А. Р.

лиц (адвокату, защитнику, священнослужителю). Вслед за Конституцией Российской Федерации, УПК РФ дает лицу право не свидетельствовать против самого себя и своих близких родственников. Отсутствие данных установлений могло бы создать определенный конфликт с общепризнанными нормами морали и нравственности, могло бы подорвать веру человека в лиц, к которым он обращается за помощью юридической либо по религиозным соображениям, с целью обретения душевного покоя.

Свидетельским иммунитетом законодатель наделил также священнослужителей об обстоятельствах, ставших им известными из исповеди (п. 4 ч. 3 ст. 56 УПК РФ). Данная норма, несомненно, наделена глубоким нравственным, сакральным подтекстом, так как священнослужитель для человека, который к нему обращается, выступает связующим звеном с «высшими» силами. Раскрываясь священнику на исповеди, человек должен быть уверен, что сказанное никогда не будет подвергнуто огласке.

На стаже тайны исповеди стоит Номоканон (от греч. закон – правило, свод законов православной церкви)¹ издания 1639 г., правило № 120 которого предусматривает прямой запрет разглашения сведений, ставших известными в ходе исповеди: «Духовный отец, аще кому грех исповесть исповедавашагося иматье питемию, три лета да есть празден, токмо да причащается в месяц единою, и да творит на всяк день поклонов сто. Гражданский же закон глаголет ископати язык сзади сицевому. Аще епископ или иерей исповесть грех на сына своего духовнаго, на исповеди от него слышаныи, никако же подобает веритисицевому свидетельству, по правилу 133-го, собора Карфагенскаго. Святейший патриарх Лука запрещение положи, на игумена обители Гиротрофия, сушаго архиепископа Ираклийскаго еже не литургисати зане свидетельства на духовное свое чадо»². Данная норма гласит что «за открытие греха исповедовавшегося духовный отец запрещается на три года в служении, и каждый день должен класть сто поклонов»³.

Каждая религия так же, как и право, оказывает регулирующее воздействие на своих последователей, которых в нашем государстве с

¹ Толковый словарь русского языка Д. Н. Ушакова. URL: <http://encdic.com/ushakov/Nomokanon-36415.html>.

² Номоканон при Большом Потребнике. URL: <http://www.agioskanon.ru/nomokanon/#120>.

³ Православная энциклопедия «Азбука веры». URL: http://azbyka.ru/dictionary/18/tayna_ispovedi.shtml.

каждым годом становится все больше. Аналогично правовым нормам конфессиональные установления становятся ориентирами для тех, кто в них верит.

Церковь, способная приказывать, судить, оправдывать или побуждать к совершению какого-либо акта, есть то же самое, и что гражданское государство, состоящее из людей, исповедующих христианство, и такое государство называется гражданским в силу того, что его подданные – христиане¹.

В течение множества столетий различные конфессии оказывали свое влияние на становление позитивного светского права России. Отражение нравственно-конфессиональных элементов в уголовно-процессуальных нормах – явное тому доказательство. При этом важно отметить, что современное законодательство еще не почерпнуло все возможные положительные тенденции религиозных писаний.

Наиболее очевидная норма УПК РФ, связанная с религиозными канонами, – это п. 4 ч. 3 ст. 56 УПК РФ, предоставляющая свидетельский иммунитет священнослужителю об обстоятельствах, ставших ему известными из исповеди.

По нашему мнению, необходимость наличия в УПК РФ нормы, стоящей на страже тайны исповеди, носит нравственный характер, охраняя столь деликатную и личную сферу жизни человека, как отношение к религии и общение со священнослужителем. Однако в ходе исследования выявлено неоднозначное отношение сотрудников правоохранительных органов к данной норме. Так, 56 % опрошенных нами следователей сообщили, что не считают необходимым и обоснованным наличие в УПК РФ нормы, позволяющей священнослужителю не давать показания об обстоятельствах, ставших ему известными в ходе исповеди. Среди сотрудников прокуратуры показатели иные: 73 % опрошенных признают наличие данной нормы в УПК РФ – обоснованной и необходимой.

В ходе общения с опрошенными и выяснения причин данного мнения установлено, что желание сократить круг лиц, пользующихся свидетельским иммунитетом, продиктовано исключительно целью получить максимальное количество доказательств по уголовному делу. По нашему мнению, «профессиональная деформация» ряда сотрудников сводит их деятельность к принципу: «цель оправдывает

¹ Гоббс Т. Левиафан // Избранные произведения. М. : Мысль, 2001. С. 459–464.

средства». Будь их воля, свидетельский иммунитет вовсе был бы исключен как институт уголовно-процессуального права. Мы считаем данный факт отрицательным показателем. Установление истины, безусловно, – одна из важнейших целей уголовного судопроизводства, но пренебрежение принципами морали и нравственности приведет к разрушению существующего сегодня уголовно-процессуального закона, долгие годы строящегося по принципам правового государства и демократического гражданского общества.

Несмотря на то, что законодатель и пытался учесть религиозные права личности, анализ уголовно-процессуальных норм позволяет сделать вывод, что ориентировано это было лишь на христиан.

Большинство опрошенных нами правоприменителей полагают иначе, а именно: 85 % опрошенных сотрудников следственных подразделений и 80 % сотрудников прокуратуры не считают, что УПК РФ ориентирован только на лиц, исповедующих христианство. 9 % опрошенных сотрудников следствия и 2 % от числа опрошенных сотрудников прокуратуры полагают, что это именно так и 6 % и 18 % соответственно затруднились дать ответ.

Мы полагаем, что такие результаты опроса обоснованы лишь тем, что большинство сотрудников следствия не задумывались над нормами УПК РФ в контексте их соответствия или несоответствия религиозным писаниям. В обоснование своего мнения приведем следующие доказательства.

Так, п. 4 ч. 3 ст. 56 УПК РФ гласит, что «не подлежат допросу в качестве свидетелей священнослужители – об обстоятельствах, ставших им известными из исповеди».

Во-первых, субъект, который законодателем наделяется иммунитетом, – это священнослужитель. Большинство толковых словарей определяют данную категорию через христианскую религию.

Священнослужитель – служитель церкви, отправляющий богослужений и требы¹. Священнослужитель – в Православии – лицо, посвященное на особое служение Церкви². Священнослужитель – в православной и католической церкви: лицо, возведенное в духовный сан³. При этом на законодательном уровне определение данной категории не дается.

¹ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М. : Издательство «Азъ», 1992. С. 1647.

² URL: <https://ru.wikipedia>.

³ URL: <http://enc-dic.com/academic/Svjascennosluzhitelj-56768.html>.

Во-вторых, понятие «исповедь» представляет собой *христианский* обряд признания человека в своих совершенных грехах перед Богом, своего рода раскаяние, которое осуществляется перед лицом священнослужителя. Таким образом, законодатель закрепляет определенный свидетельский иммунитет священнослужителей-христиан.

Среди ученых также встречаются различные мнения относительно свидетельского иммунитета священнослужителей.

И. В. Смолькова пишет, что с правовой позиции тайна исповеди есть гарантия неприкосновенности личной жизни верующих¹. Это так, но непременно следует отметить, что только верующих христиан.

А. В. Пчелинцев затрагивает проблему соотношения служебного долга священнослужителя с его гражданским долгом. Речь идет о тех случаях, когда из исповеди священнослужителю становится известно о готовящемся тяжком или особо тяжком преступлении против личности либо общественной безопасности. По нашему мнению, он весьма обоснованно предлагает не превращать моральный долг священнослужителя в его юридическую обязанность, а отмечает важность урегулирования данного вопроса на уровне документов религиозных организаций².

Д. Татьяна и Л. Закирова предлагают внести изменения и дополнения в УПК РФ об исключительных случаях, при которых информация, ставшая известной священнику из исповеди, может быть им раскрыта по его волеизъявлению. К таким случаям следует отнести информацию о преступлении. При этом они полагают, что наиболее предпочтительным в интересах общества и государства было бы полное исключение священнослужителя из списка лиц, пользующихся свидетельским иммунитетом³.

По нашему мнению, еще допустимы дискуссии об исключительном допросе священнослужителя в случае, когда последний ходатайствует о даче показаний. Но исключать свидетельский иммунитет как институт уголовно-процессуального права все-таки недопустимо. Для верующих людей общение со священнослужителем носит сугубо

¹ Смолькова И. В. Проблемы охраняемой законом тайны в уголовном процессе : дис. ... д-ра юрид. наук. Иркутск, 1998. С. 122.

² Пчелинцев А. Абсолютна ли тайна исповеди // Законодательство и экономика. – 2011. – № 5. – С. 60.

³ Закирова Л., Татьяна Д. Проблемы тайны исповеди в уголовном процессе России // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2011. – № 3 (122). – С. 142.

личный, сакральный характер, и исключение данной нормы из УПК РФ будет совершенно безнравственным и вряд ли найдет одобрение у общественности.

На практике случаи применения свидетельского иммунитета в отношении священнослужителей достаточно редки: из 100 % опрошенных нами лиц все 100 % ответили, что никогда не применяли в своей практике данную процессуальную норму. Это вполне объяснимо. Исповедь представляет собой определенное таинство, это не открытое действие. О том, что происходило на исповеди, знают только священнослужитель и исповедующееся лицо. Поэтому должностным лицам, в редких случаях становится известно о том, что священнослужитель во время исповеди узнал какие-либо сведения, имеющие значение для уголовного дела. Но, тем не менее, такое вполне возможно, поэтому исключать норму, предоставляющую священнослужителю свидетельский иммунитет, было бы неправильно.

Н. Ю. Волосова отстаивает точку зрения, согласно которой круг сведений, доверенных на исповеди священнослужителю, не подлежит разглашению. Эти нормы проистекают из норм канонического права, где предусмотрена обязанность священнослужителя свято хранить тайну исповеди. Именно поэтому запрет на допрос священнослужителя следует рассматривать в качестве необходимого условия уважительного отношения к религиозным чувствам верующих¹.

Весьма интересным представляется и отношение самой церкви к разглашению сведений, ставших известными священнослужителю из исповеди: «Даже в целях помощи правоохранительным органам священнослужитель не может нарушать тайну исповеди. Священнослужитель призван проявлять особую пастырскую чуткость в случаях, когда на исповеди ему становится известно о готовящемся преступлении. Без исключений и при любых обстоятельствах, свято сохраняя тайну исповеди, пастырь одновременно обязан предпринять все возможные усилия для того, чтобы преступный умысел не осуществился. В первую очередь это касается опасности человекоубийства, особенно массовых жертв, возможных в случае совершения террористического акта или исполнения преступного приказа во время войны. Помня об одинаковой ценности души потенциального преступника и намеченной им жертвы, священнослужитель должен призвать испо-

¹ Волосова Н. Ю. О тайне исповеди и свидетельском иммунитете священнослужителя в уголовном судопроизводстве // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2015. – № 3 (178). – С. 94.

ведуемого к истинному покаянию, т. е. к отречению от злого намерения. Если этот призыв не возымеет действия, пастырь может, заботясь о сохранности тайны имени исповедующегося и других обстоятельств, способных открыть его личность, предупредить тех, чьей жизни угрожает опасность. В трудных случаях священнослужителю надлежит обращаться к епархиальному архиерею»¹.

С точки зрения христианства, признание своего греха и раскаяние в нем перед лицом представителя церкви влечет последующее «освобождение» человека от этого греха.

Ислам же смотрит на данный вопрос с точностью до наоборот. Рассказывать кому-либо о своих грехах для мусульманина считается неприемлемым. Один из хадисов гласит, что «посланник Аллаха (мир ему и благословение Аллаха) сказал: «Все члены моей общины будут помилованы, за исключением заявляющих во всеуслышание (о своих грехах). К таким людям относится человек, который согрешил ночью, но Всевышний Аллах покрыл его грех, а утром он сам говорит: «О такой-то! Я совершил вот такой грех». И получается так, что он проводит ночь под покровом своего Господа, а на утро сбрасывает покров Аллаха»².

Несмотря на отсутствие института исповеди в исламе, каждый верующий человек склонен к желанию выговориться, поделиться своими переживаниями с духовным лидером. Так и мусульманин в приватной беседе с имамом может открыть ему обстоятельства преступления, необязательно им совершенного. УПК РФ не оговаривает, что сведения, ставшие известными священнослужителю в ходе исповеди, должны быть получены именно от подозреваемого (обвиняемого), их может сообщить и свидетель, к примеру, родственник преступника. По сути, при таком положении дел имам не будет защищен Уголовно-процессуальным кодексом, так как такая беседа не считается исповедью. Данную недоработку можно отнести к существенному пробелу в законодательстве, который требует разрешения.

А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский также отмечают, что исповедь, как религиозный обряд, признается не всеми, но в основном христианскими вероисповеданиями. Исходя из конституционных принципов равенства религиозных объединений и равенства всех граждан неза-

¹ Основы социальной концепции Русской Православной Церкви // Информационный бюллетень. Отдел внешних церковных связей Московского патриархата. – 2000. – № 8. – С. 52, 53.

² Имам аль-Бухари. Достоверные предания. Умма, 2007. С.771–772.

висимо от отношения к религии (ч. 2 ст. 14, ч. 2 ст. 19 Конституции Российской Федерации), следует признать, что священнослужители нехристианских официально зарегистрированных религиозных организаций также должны пользоваться свидетельским иммунитетом в отношении конфиденциальных сведений, если они стали им известными от членов соответствующих конфессий в результате исполнения религиозных обрядов¹. Мы полагаем, что недостаточно лишь комментария данной нормы, неоднозначная формулировка статьи приводит к расхожему ее толкованию. По нашему мнению, в УПК РФ должны быть внесены изменения, с тем, чтобы обеспечить равенство личности, вне зависимости от вероисповедания, а именно:

1. В ст. 5 УПК РФ внести понятие «Священнослужитель» с целью разъяснения данной категории. Предлагаем свою формулировку:

Священнослужитель – это лицо, возведенное в духовный сан, служитель духовного культа, вне зависимости от конфессии, наделенный соответствующим духовным титулом, имеющий право на проведение богослужений, возглавление коллективных молитв, проведение религиозных обрядов, церемоний и иных законных действий в соответствии с исповедуемой им религией.

2. Изменить формулировку п. 4 ч. 3 ст. 56 УПК РФ, заменив «ставших ему известными в ходе исповеди» на «ставших ему известными при осуществлении им религиозных обрядов, церемоний и иной служебной деятельности от обратившегося к нему лица».

Подводя итог, хочется сказать, что нравственно-конфессиональные элементы уголовно-процессуальной формы основаны на человеколюбии – гуманности. При этом происходящие в последнее время изменения уголовно-процессуального законодательства также направлены на еще большую гуманизацию его норм. Деятельность законодателя устремлена к приведению уголовно-процессуальных норм в соответствие с международными стандартами, к гармонии с нормами морали и нравственности, что волей-неволей ведет к появлению все больших нравственно-конфессиональных элементов уголовно-процессуальной формы.

¹ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. Постатейный / под общ. ред. А. В. Смирнова. 3-е изд., перераб. и доп. М. : КНОРУС, 2007. С. 200.

ВОПРОСЫ УЧАСТИЯ ЗАКОННОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ МАЛОЛЕТНЕГО ПОТЕРПЕВШЕГО В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ПО ДЕЛАМ О ПОЛОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

И. В. Махова¹

С 1 января 2015 г. в законную силу в полном объеме вступил Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве».

На наш взгляд, пытаясь уравновесить процессуальные права подозреваемого (обвиняемого) и потерпевшего, законодатель неоправданно расширил права законного представителя несовершеннолетнего потерпевшего.

Часть положений указанного закона коснулась как процессуального статуса законного представителя несовершеннолетнего потерпевшего, так и процессуальных прав не достигших возраста 16 лет потерпевших, в отношении которых совершены преступления против их половой неприкосновенности.

Статья 45 дополнена ч. 2.1, которая предусматривает право несовершеннолетнего потерпевшего от указанных преступлений на участие в качестве его представителя адвоката, услуги которого оплачиваются государством. Однако данное право может быть реализовано потерпевшим только на основании ходатайства законного представителя.

Законный представитель получил право присутствовать не только на допросе несовершеннолетнего потерпевшего, но и при производстве очной ставки, предъявления для опознания, проверки показаний на месте. Все перечисленные следственные действия могут быть проведены только по результатам допроса малолетнего. Таким образом, верное, с тактической точки зрения, ограничение права законного представителя присутствовать на допросе малолетнего становится ничтожным в случае, если после допроса возникает необходимость в производстве указанных выше следственных действий, в ходе кото-

¹ Преподаватель кафедры криминалистики Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя. © Махова И. В., 2016.

рых недобросовестный законный представитель может оказать негативное влияние на малолетнего.

Требование об обязательном применении видеосъемки при производстве рассматриваемых следственных действий (ч. 5 ст. 191 УПК РФ) компенсируется необязательностью этого требования для законного представителя. Мнение малолетнего ребенка вряд ли будет приниматься в расчет, а законный представитель всегда может высказаться против.

Изменения, внесенные в части возможности отстранения законного представителя потерпевшего, содержат противоречащие друг другу нормы. Так, у лиц, ведущих расследование уголовных дел о преступлениях, совершенных в отношении несовершеннолетнего потерпевшего, появилась возможность отстранить законного представителя «от участия в уголовном деле, если имеются основания полагать, что его действия наносят ущерб интересам несовершеннолетнего потерпевшего» (ч. 2.2 ст. 45 УПК РФ).

Следователю впервые законодательно предоставлена возможность «не допустить к участию в допросе ... законного представителя ..., если это противоречит интересам несовершеннолетнего» (ч. 3 ст. 191 УПК РФ).

Относительно термина противоречия интересам несовершеннолетнего никаких разъяснений нам найти не удалось.

По мнению Верховного Суда Российской Федерации, к действиям, наносящим ущерб интересам несовершеннолетнего подсудимого, следует относить невыполнение обязанностей, вытекающих из статуса законного представителя, в том числе по воспитанию несовершеннолетнего, либо уклонение от участия в деле в качестве законного представителя, а равно злоупотребление процессуальными и иными правами, отрицательное влияние на несовершеннолетнего, создание препятствий для выяснения обстоятельств, имеющих значение для дела (постановление от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних»).

Однако приведенная цитата не дает ответа, в чем конкретно должны выражаться перечисленные действия. Например, какие именно препятствия для выяснения обстоятельств, имеющих значение для дела, должен создать законный представитель, в чем состоит невыполнение обязанностей, вытекающих из статуса законного представителя. Уголовно-процессуальное законодательство не дает на эти вопросы

прямого ответа, отсутствует и регламентация обязанностей законного представителя как участника уголовного судопроизводства.

В некоторых случаях законные представители под предлогом заботы о психологическом состоянии ребенка пытаются уклониться от производства следственных и судебных действий с участием малолетнего, не желая являться по вызовам следователя и суда. В результате в уголовных делах появляются не предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством различного рода заявления законных представителей об отказе от участия в производстве необходимых следственных действий с участием их детей¹.

Между тем меры процессуального принуждения к законному представителю как потерпевшего, так и обвиняемого, применены быть не могут (ч. 2 ст. 111 УПК РФ).

Представляется, что сформулированные О. Г. Карнаухова причины противодействия расследованию со стороны свидетелей могут быть распространены и на законных представителей малолетних потерпевших по делам о половых преступлениях, а именно: 1) нежелание тратить время на участие в следственных действиях; 2) негативное отношение к сотрудникам правоохранительных органов; 3) пассивная жизненная позиция; 4) желание скрыть собственные неблагоприятные поступки; 5) желание «выгородить» виновника (муж, сожитель, родственник)².

Поскольку в уголовно-процессуальном законодательстве нет упоминаний об обязанностях законного представителя малолетних и несовершеннолетних потерпевших, приходится говорить только о его правах, к которым, по-видимому, следует отнести:

– право принятия решения об участии малолетнего в следственных действиях, поскольку его вызов возможен только через законного представителя;

– право решать, в каких следственных действиях малолетний потерпевший может принимать участие, а в каких – нет, так как в пра-

¹ Махова И. В. Тактика следственных действий с участием законных представителей малолетних свидетелей и потерпевших // 150 лет Уставу уголовного судопроизводства России: современное состояние и перспективы развития уголовно-процессуального законодательства : сборник материалов международной научно-практической конференции. М.: Академия управления МВД России, 2014. С. 71–75.

² Карнаухова О. Г. Типичные способы противодействия расследованию со стороны свидетелей и потерпевших // Вестник криминалистики. – 2014. – № 3 (51). – С.48–53.

воприменительной практике в присутствии законного представителя проводятся все следственные действия, в которых принимают участие несовершеннолетние, а не только перечисленные в новой редакции ст. 191 УПК РФ;

– право принятия решения об участии в качестве представителя малолетнего потерпевшего от половых преступлений адвоката, услуги которого оплачиваются из средств государственного бюджета;

– право согласиться или нет с применением в ходе следственного действия видеозаписи и соответствующим образом повлиять на потерпевшего (ч. 5 ст. 191 УПК РФ), что прямо противоречит положению ч. 6 ст. 165 и ч. 5 ст. 166 УПК РФ, которые отдают прерогативу в принятии решения о применении любых технических средств следователю.

Подводя итог сказанному, приходится констатировать необходимость продолжения законодательного совершенствования процессуального статуса законного представителя несовершеннолетних и малолетних потерпевших, особенно пострадавших от преступлений против их половой неприкосновенности и половой свободы. Следует законодательно конкретизировать и закрепить ответственность законного представителя несовершеннолетнего в случаях умышленного игнорирования выполнения своих обязанностей по защите прав и законных интересов несовершеннолетнего в ходе уголовного судопроизводства.

ПРОГНОЗ ДАЛЬНЕЙШЕГО РЕФОРМИРОВАНИЯ ДОЗНАНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

*О. В. Мичурина¹
Е. В. Виноградова²*

В досудебном производстве России предварительное расследование традиционно реализуется в форме дознания или предварительного следствия. В свою очередь дознание может осуществляться не только в общем порядке, но и в сокращенной форме. Такая дифференциация обусловлена необходимостью ускорения порядка установления обстоятельств совершенного преступления, руководствуясь

¹ Профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор. © Мичурина О. В., 2016.

² Заместитель начальника отделения дознания Отдела МВД России по району Северное Медведково г. Москвы. © Виноградова Е. В., 2016.

следующими критериями: характер, степень общественной опасности и тяжесть преступления, сложность его расследования. Поэтому в одной из основных тенденций современной науки уголовного процесса – поиске оптимальных процедур досудебного производства, дознанию отводится не последняя роль.

По справедливому замечанию Л. В. Головки, «в иностранном праве дифференциация уголовного судопроизводства есть некая процессуальная данность, давно и бесспорно установленная законодателем а priori, чему в немалой мере способствует классификация преступных деяний, которая может быть трехчленной (преступления, проступки, правонарушения, как во Франции) или двухчленной (преступления и проступки, как в Германии). Научной проблемы здесь нет и быть не может»¹.

Для российского уголовного процесса это в достаточной мере дискуссионная проблема, имеющая и своих многочисленных оппонентов². Одно в этой ситуации бесспорно – дифференциация уже давно имеет место быть, так как является процессом объективным, продиктованным самой природой уголовного судопроизводства.

Изначально в первой редакции УПК РФ дознание задумывалось как упрощенная форма досудебного производства, имеющая более короткий срок расследования (15 суток) по сравнению со следствием, применяемая по уголовным делам, возбужденным по факту совершения малозначительных преступлений, по которым лицо, его совершившее, установлено. Однако правоприменительная деятельность обнаружила несостоятельность новой модели дознания, и не потому, что ее не устраивали ускоренность и упрощенность производства. В этих качествах всегда была и остается острая необходимость для практики. Практические работники и ученые подвергли резкой кри-

¹ Головка Л. В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб. : Изд-во «Юридический центр Пресс», 2002. С. 233–234.

² Гуляев А. П. Единый порядок предполагает дифференциацию // Социалистическая законность. – 1974. – № 3. – С. 36; Соловьев А. Б., Токарева М. Е. Дифференциация форм досудебного производства по уголовным делам // Прокурорская и следственная практика. – 1998. – № 3. – С. 145; Рустамов Х. У. Дифференциация форм уголовного процесса (современные тенденции и проблемы совершенствования) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1998; Великий Д. П. Единство и дифференциация уголовно-процессуальной формы: история, современность, перспективы : автореф. ... дис. канд. юрид. наук. М., 2001. С. 20–21 и др.

тике выбранный законодателем способ процедуры дознания, не отвечающий требованиям нормального функционирования в системе досудебного производства. Несогласованность многих правовых норм и отсутствие концептуального подхода в их выработке породили много проблем как процессуального, так и организационного плана. Наряду с насущной необходимостью принятия нового закона и реформированием дознания, его идея не была до конца продумана, по сути, законодательная регламентация дознания мешала выполнить ему свои задачи, превращая в несуразное дополнение к предварительному следствию, а в отдельных случаях даже как его помеху. Ускоренность и упрощенность дознания формально присутствовали, но в целом не играли нужной роли для предварительного расследования. Замысел разгрузить следователя для более успешной работы по тяжким и особо тяжким составам преступлений остался нереализованным. Следственный аппарат оказался завален уголовными делами, что привело к снижению эффективности его работы и в прямом смысле парализовало предварительное расследование.

Многие исследователи стали тогда говорить о дознании как наиболее проблемном институте уголовно-процессуального права из-за непроработанности его законодательного закрепления и отдаленности от нужд правоприменительной деятельности. Какие только эпитеты при этом не использовались, чтобы отразить всю остроту проблемы! Одни процессуалисты заявляли о «кризисе дознания»¹, другие называли его «экспериментом законодателя под названием «дознание»², употреблялись и другие яркие формулировки.

Ошибки и просчеты законодателя вызвали в науке уголовного процесса целую волну новых идей, связанных с реформированием дознания. Большинство ученых и практиков, которые затрагивали проблемные вопросы дознания и высказывали свое мнение о его модели, чаще всего были негативны в своих оценках. Одновременно ими вносились предложения, касающиеся совершенствования процедуры дознания. Если их условно обобщить, то, как правило, суть рекомендаций включала два важных изменения: дознание должно осуществляться не только по очевидным, а по всем преступлениям, ука-

¹ Маслѐнков С. Л. Дознание в уголовном процессе России: проблемы совершенствования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2004. С. 16.

² Кравчук А. Р., Кравчук Л. А., Ретюнских И. А. Вопросы совершенствования дознания сквозь призму следствия // Следователь. – 2004. – № 12. – С. 12.

занным в ч. 3 ст. 150 УПК РФ; срок дознания следует увеличить и предоставить возможность его продления¹. На тот момент это были самые актуальные из всех проблем дознания, требовавшие незамедлительного разрешения.

Из-за непродуманности в законе действенного механизма дознания и, как следствие, этого его проблемности некоторые процессуалисты предлагали упразднить дознание как одну из форм предварительного расследования с обязательным производством предварительного следствия по всем уголовным делам. При этом органы дознания планировалось наделить лишь правом возбуждения уголовных дел и производства неотложных следственных действий². Если перефразировать уместное в этой связи высказывание, смысл таких предложений сводился к одному: нет дознания, нет и его проблем.

Другие исследователи выход из сложившегося кризиса видели в устранении полномочий органа дознания по расследованию уголовных дел, с упразднением дознавателя в качестве субъекта уголовного судопроизводства, но при условии сохранения самого дознания, которое необходимо было перепоручить для осуществления следователю, наряду с производством предварительного следствия³.

Напомним, что на протяжении всей истории существования дознания с определенной периодичностью разгорались споры о его праве на существование и необходимости ликвидации. Причина таких дискуссий кроется, как правило, в противостоянии между сторонниками единой и дифференцированной процессуальной формы уголовного судопроизводства.

¹ Химичева Г. П. Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности. М., 2003. С. 43; Гаврилов Б. Я. Разграничение компетенции между следствием и дознанием: коллизии закона и ведомственная разобщенность // Уголовный процесс. – 2006. – № 1. – С. 75; Мичурина О. В., Вершинина Т. В. Отдельные проблемы института дополнительного расследования в уголовном судопроизводстве // Российский следователь. – 2007. – № 18. – С. 3.

² Нагаев Е. А., Эстерлейн Ж. В. Дознание и предварительное следствие: соотношение форм и возможные пути совершенствования // Процессуальная деятельность милиции : материалы научно-практической конференции. М., 2006. С. 165; Нечаев В. В. Организационно-правовые основы взаимодействия органов предварительного следствия и дознания : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2005. С. 15 и др.

³ Башинская И. Г. Проблемы правовой регламентации института подследственности в российском уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007. С. 24.

Между тем в ходе последующих нормативных корректив срок предварительного расследования в форме дознания был доведен до 30 суток с возможностью его дальнейшего продления. В какой-то мере законодатель был прав, увеличив срок дознания. Совершенно очевидно, что не может быть уголовных дел по важным преступлениям, находящимся в производстве следователей, и не очень важным, находящимся в производстве дознавателей. Комплекс процессуальных действий по уголовным делам, независимо от их квалификации, должен проводиться в полном объеме, иначе это может привести к ущемлению прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. Доказывание по всем уголовным делам производится по общим принципам, и это является гарантией правильного установления значимых обстоятельств и обеспечения прав участников.

Вместе с тем, такое реформирование имеет и обратную сторону. Дознание все больше теряет свои характерные особенности, а его процедура не упрощается, а все более усложняется. Многие авторы в этой связи обращают внимание на проблему смешения, сращивания дознания и предварительного следствия. Дознание, по замечанию В. М. Савицкого, – «уровненное по правовому режиму с предварительным следствием, есть фактически предварительное следствие»¹.

Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» были внесены изменения, формально вроде бы устранившие обозначенную выше проблему. Главой 32.1 УПК РФ определялся новый порядок досудебного производства – дознание в сокращенной форме. С тем, что такое дознание является более экономичным, мы не спорим, но эффективность или полезность уголовно-процессуальных институтов нельзя оценивать только с указанных позиций. Государство посредством правильно выбранной уголовной политики, которую нельзя рассматривать в отрыве от норм уголовно-процессуального законодательства, должно гарантировать справедливое правосудие, что становится возможным только на основе проверки и оценки всех собранных по уголовному делу доказательств. Сужение предмета доказывания образует неполноту и односторонность расследования, отражается на законности, обоснованности и мотивированности реше-

¹ Савицкий В. М. Очерк теории прокурорского надзора в уголовном судопроизводстве. М. : Наука, 1975. С.147.

ния по уголовному делу. Фактически исключая проверку из доказывания при производстве дознания в сокращенной форме, законодатель нарушает логику процесса доказывания по уголовным делам. В этом и состоит наиболее серьезная законодательная ошибка, которая отражается на всей перспективе уголовного дела. Эффект процессуальной экономии благодаря сокращению временных, материальных, интеллектуальных и иных затрат при подобном упрощении процессуальной формы вступает в противоречие с объективным установлением обстоятельств преступления, а также обеспечением прав и законных интересов участников процесса. Это совершенно недопустимо и ничем не может быть оправдано. Представляется, что институт дознания в сокращенной форме не избежит в ближайшее время серьезных корректировок, ведь изменения и уточнения отдельных норм гл. 32.1 УПК РФ вполне очевидны.

Какой же можно сделать прогноз дальнейшего реформирования дознания в отечественном уголовном судопроизводстве? Дознание в меньшей степени отягощено необходимыми процедурными формальностями по сравнению с предварительным следствием, поэтому не стоит спешить ратовать за полный отказ от него (как в обычном порядке, так и в сокращенном). Надо продолжать поиск наиболее рациональной его процедуры, точно соответствующей назначению уголовного судопроизводства. Институт дознания в отечественной концепции уголовного судопроизводства должен занять свое достойное место, и перспективы для этого у него имеются, хотя собственных сложностей, столь любимых отечественным уголовным судопроизводством, и ему хватает. Прав был В. М. Савицкий, «ставя диагноз» предшествующему уголовно-процессуальному закону – УПК РСФСР, что из-за многочисленных изменений и дополнений он превратился в эклектическую, внутренне противоречивую систему правил, грешащую несогласованностями, пробелами и другими структурными, терминологическими, стилистическими недостатками... Должен быть создан новый закон, построенный на идеологии безусловного приоритета прав человека, учитывающий прежний положительный опыт и использующий с коррекцией на нашу действительность процессуальные институты зарубежных стран¹.

Российский уголовный процесс испытывает необходимость в упрощении и ускорении не в меньшей мере, чем процесс западный. Со-

¹ Савицкий В. М. Уголовный процесс России на новом витке демократизации // Государство и право. – 1994. – № 6. – С. 96–97.

временная юриспруденция рассматривает такое ускорение и упрощение не столько через призму интересов государственной репрессии, сколько в качестве неотъемлемого субъективного права частного лица, вовлеченного в уголовно-процессуальную сферу. В этом смысле быстрое рассмотрение дела, не будучи антиподом его качественному рассмотрению, является не менее ценной гарантией прав личности, нежели любая из остальных гарантий, за судьбу которых тревожатся противники данного направления уголовно-процессуальной политики. Кроме того, упрощение и ускорение процесса есть объективная тенденция новейшего развития уголовно-процессуального права во всем мире, и вряд ли она по каким-то причинам теряет свою объективность в России¹.

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА РОССИИ И ГЕРМАНИИ

*О. В. Мичурина²
Т. А. Кулиниченко³*

В условиях экономического кризиса на первый план традиционно выходит вопрос экономии в целях более эффективного использования правовых и материальных средств государственных институтов, в том числе в сфере уголовного судопроизводства. Отсюда и необходимость создания такого процессуального механизма, который потребовал бы минимальных временных, материальных и иных затрат. При этом эффект процессуальной экономии не должен вступать в противоречие с обеспеченностью правами и законными интересами участников уголовного процесса. Логика здесь достаточно проста: процессуальная экономия не равнозначна экономии на процессуальных гарантиях. Реформирование уголовного судопроизводства с целью повышения эффективности досудебной его части, оптимизация (упрощение) процессуальной формы, сокращение процессуальных

¹ Головкин Л. В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб. : Изд-во «Юридический центр Пресс», 2002. С. 236.

² Профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор. © Мичурина О. В., 2016.

³ Старший доцент ОД УМВД России по Ленинскому району Московской области. © Кулиниченко Т. А., 2016.

сроков, снижение затратности самой процедуры должны уравновешиваться достаточной системой процессуальных гарантий. Как достичь такого равновесия? Попытаемся показать это на сравнительном анализе с наиболее рациональным, с точки зрения процессуальной экономии, досудебным производством Германии, лишившимся сложной процедуры предварительного следствия еще в 70-х годах прошлого века.

Изучение зарубежного права открывает перед юристом новые горизонты, позволяет лучше узнать право своей страны, ибо специфические черты его особенно отчетливо выявляются в сравнении с другими системами¹. Однако, решая вопрос об использовании зарубежных правовых институтов, следует исходить не только из выгодных теоретических положений, но и учитывать условия, а также традиции нашей страны.

Итак, уголовное судопроизводство Германии включает в себя: дознание (розыскные и следственные действия полиции и прокуратуры); решение вопроса об открытии судебного разбирательства (предание суду); судебное разбирательство; пересмотр приговоров в апелляционном и ревизионном порядках; исполнительное производство².

Как видно из этого перечня, в нем отсутствует стадия возбуждения уголовного дела, что значительно упрощает начало производства, так как оно связано лишь с проведением первоначальных следственных действий в рамках дознания. Да и сама стадия дознания уголовно-процессуальными нормами четко не регламентирована. Существенной спецификой обладает также доказывание в ходе дознания. В связи с этим в немецкой теории уголовного процесса выделяются строгое и свободное доказывание. Первое связано с судебной деятельностью и имеет процессуальную регламентацию, а второе применяется в основном полицией и не связано с процессуальной формой³.

Целью дознания является установление подозрения, а не изобличение обвиняемого. Поскольку понятию подозрения в германском уголовном процессе придается большое значение, то в теории разра-

¹ Ансель М. Методологические проблемы сравнительного права // Очерки сравнительного права. М., 1981. С. 38; Амбасса Л. Ш. Предварительное следствие в уголовном процессе России и Франции (сравнительно-правовое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 6.

² Бойльке В. Уголовно-процессуальное право ФРГ. Красноярск, 2004. С. 26.

³ Филимонов Б. А. Основы теории доказательств в германском уголовном процессе. М., 1994. С. 28–33.

ботана концепция подозрения, которая по существу определяет правовую природу, сущность предварительного расследования, его место и значение в системе германского уголовного процесса. По степени вероятности и функциональному назначению различаются три вида подозрения: простое (необходимое для начала дознания и представляющее собой минимальную вероятность совершения уголовно наказуемого деяния), достаточное (означающее наличие фактов, которые с учетом практического опыта указывают на возможность осуждения обвиняемого судом на основании безупречного доказывания) и серьезное (связано с решением вопроса о применении заключения под стражу, когда по состоянию на данный момент расследования подозрение является высоким и указывает, что обвиняемый совершил преступление и, вероятно, его осуждение судом). При этом процессуальное положение подозреваемого (обвиняемого) зависит от конкретного процессуального действия, проводимого в его отношении, и не имеет, в отличие от уголовно-процессуального законодательства России, закрепления, выраженного в общей форме. В Германии отсутствует законодательное закрепление общих прав подозреваемого (обвиняемого), тогда как в российском уголовном процессе они находятся в более выгодном положении.

Как мы указывали выше, дознание в Германии производится в форме так называемого «свободного доказывания», когда допускается не только осуществление следственных и процессуальных действий (например, допрос, а при обстоятельствах, не терпящих отлагательства, – выемка; обыск; задержание; издание постановления о розыске обвиняемого), но и широко применяются негласные оперативно-разыскные мероприятия (например, прослушивание телефонных переговоров; негласное фотографирование, зарисовка портретов лиц, интересующих полицию; проведение полицией негласного наружного наблюдения). При этом сотрудники полиции наделены одновременно оперативно-разыскными и процессуальными полномочиями, отчего там не возникает знакомая у нас ситуация, когда после возбуждения уголовного дела и выставления статистической карточки на раскрытое преступление оперативные подразделения теряют всякий интерес к судьбе уголовного дела и его конечный результат уже зависит только от процессуальной службы. Это важное замечание к рассуждению над тем, что процедура российского досудебного производства излишне усложнена запретом на возможность производства

одним лицом и оперативно-разыскной, и уголовно-процессуальной деятельности.

Кроме того, германская полиция, в отличие от российской, не называется в законе органом дознания (им является прокуратура), но на практике именно она самостоятельно проводит дознание в полном объеме и потом передает материалы в прокуратуру. Существенная специфика состоит в том, что полицейские, участвующие в уголовном процессе, рассматриваются как вспомогательные служащие прокуратуры¹. Задачей дознания является выяснение вопроса о наличии подозрения, чтобы судить о возможности возбуждения публичного обвинения. Но в большинстве случаев в уголовном процессе Германии дознание завершается не возбуждением публичного обвинения, а прекращением дела (прекращается примерно 60 % всех возбужденных уголовных дел). Уголовное дело может быть прекращено по процессуальным основаниям (например, истечение сроков давности), материальным основаниям (оказалось, что деяние не является уголовно наказуемым) и фактическим основаниям (подозрение не нашло подтверждения по материалам дела)².

Уголовно-процессуальный механизм реализации досудебного производства в Германии менее сложен, чем в России, хотя бы по причине отсутствия института предварительного следствия и органов, его осуществляющих, а также наличия одного-единственного органа предварительного расследования – органа дознания (нормативно в лице прокуратуры, а фактически – полиции). Отсюда в оценке эффективности досудебного производства Россия значительно проигрывает, и вот почему. Мы имеем более многочисленную систему органов предварительного расследования, разъединенную к тому же еще и по различным ведомствам. Но если с перечнем следователей все как-то более-менее четко сформулировано у нас в законе, то от-

¹ В Баден-Вюртемберге полиция и прокуратура договорились заменить это название на «Ermittlungsbeamte» – служащие расследования (Die Polizei. – 1999. – № 1. – S. 2).

² Гуценко К. Ф., Головки Л. В., Филимонов Б. А. Уголовный процесс западных государств. М., 2002. С. 446. В связи с изложенными обстоятельствами невозможно избежать их комментария в сравнении с аналогичной практикой в России. Ведь подобные масштабы прекращенных уголовных дел (от всех оконченных производством) были бы просто катастрофой в рамках нашей уголовно-процессуальной деятельности, если учитывать принятую на практике позицию, что прекращение уголовного дела – есть результат неудачно проведенного расследования.

носителем системы органов дознания остается много сложностей, вызванных неудачной законодательной техникой.

Во-первых, в уголовно-процессуальном законе нет четкого перечня органов дознания. Чтобы узнать, кто подразумевается в п. 1 ч. 1 ст. 40 УПК РФ под фразой «а также иные органы исполнительной власти, наделенные... полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности», необходимо обратиться уже к норме другого закона, а именно ст. 13 Закона об оперативно-розыскной деятельности. Подобный способ не совсем удобен для правоприменения. Желательно включить в п. 1 ч. 1 ст. 40 УПК РФ исчерпывающий перечень всех органов исполнительной власти, наделенных полномочиями на осуществление оперативно-розыскной деятельности и являющихся одновременно органами дознания.

Во-вторых, по замыслу российского законодателя, для того, чтобы обладать статусом органа дознания, совершенно не обязательно быть носителем всех его процессуальных полномочий, и тем более полномочий по производству дознания. Достаточно осуществлять лишь часть из них. К примеру, капитаны морских и речных судов, руководители геологоразведочных партий и зимовок, главы дипломатических представительств и консульских учреждений Российской Федерации, перечисленные в ч. 3 ст. 40 УПК РФ, не производят самого дознания, а выполняют лишь отдельные процессуальные полномочия органа дознания (возбуждение уголовного дела и производство неотложных следственных действий). Уже это дает основание называть их органами дознания. При этом вполне очевидно, что они наделяются полномочиями органа дознания эпизодически и при определенных условиях лишь потому, что никто другой, кроме них, не может осуществить уголовно-процессуальную деятельность в дальнем плавании, в местах нахождения геологоразведочных партий и зимовок, а также иных местах, которые удалены от расположения органов предварительного расследования.

В-третьих, исходя из формулировок «дознание – форма предварительного расследования, осуществляемого дознавателем (следователем) ...» (п. 8 ст. 5 УПК РФ), «дознание производится: следователями ..., дознавателями (следователями) ...» (пп. 7, 8 ч. 3 ст. 151 УПК РФ), можно констатировать, что дознаватель (орган дознания) – не единственный субъект дознания. Таковым является еще и следователь. Но если в отношении органа дознания и его должностного лица – дознавателя – не возникает никаких возражений относительно того,

что они упоминаются в законе в качестве такового, то фигурирование следователя в этой группе выглядит весьма сомнительно. Следователь не может руководствоваться в своей деятельности процессуальным режимом дознания: сокращенным сроком расследования, составлением итогового процессуального документа – обвинительного акта, утверждением его у начальника органа дознания и пр. Что же тогда кроется за подобными формулировками закона?

В самой первой редакции УПК РФ не содержалось предписаний о том, что следователь уполномочен на производство дознания, они были внесены позже, а затем часть из них вновь исключена. Традиционно принято считать, что предварительное следствие осуществляется следователем, а дознание – органом дознания в лице дознавателя. Этим и рядом других признаков указанные формы предварительного расследования всегда разграничивались между собой. Орган дознания может возбуждать уголовное дело и производить по нему неотложные следственные действия даже тогда, когда производство предварительного следствия обязательно, т. е. по уголовным делам, которые входят в компетенцию следователя. Но вряд ли можно сказать, что в этот момент он осуществляет предварительное следствие.

По уголовным делам, подследственным дознавателям, следователь тоже может осуществлять предварительное расследование, но только в форме предварительного следствия. Часть 4 ст. 150 УПК РФ предусматривает, что «по письменному указанию прокурора уголовные дела, указанные в пункте 1 части третьей настоящей статьи, могут быть переданы для производства предварительного следствия». Абсурдным было бы считать, что следователь осуществляет дознание, равно, как и другое утверждение, что орган дознания производит предварительное следствие. Поэтому положения закона (п. 8 ст. 5, пп. 7 и 8 ч. 3 ст. 151 УПК РФ) о производстве следователями дознания не только противоречат традиционным воззрениям, но и совершенно нежизнеспособны, в связи с чем должны быть исключены.

Подобные неточности в нормативных формулировках порождают сложности при решении вопроса о подследственности, формальности при производстве следственных действий, необходимость излишнего взаимодействия и координации органов предварительного расследования. Зачем нам такое большое количество органов дознания? Зачем нам органы дознания, которые дознания как такового не осуществляют? Зачем упоминать следователя в качестве должностного лица,

производящего дознание? Не проще ли было бы как-то все это унифицировать?

Кроме того, опыт Германии, впрочем, как и других европейских государств, показывает, что упрощение процедуры досудебного производства должно восприниматься как явление совершенно нормальное и необходимое. Этим не ущемляются права участников, напротив, цели уголовного судопроизводства достигаются с наименьшими затратами, увеличивается его эффективность и действенность, а, самое главное, в значительной степени ускоряется реализация конституционных прав граждан на доступ к правосудию и судебную защиту в разумные сроки. Не призывая к ликвидации российского предварительного следствия, мы считаем, что отечественный уголовный процесс нуждается в более упрощенной процедуре досудебного производства по уголовным делам о преступлениях небольшой тяжести, которая бы максимально сокращала промежуток времени между моментом совершения преступления и принятия по нему соответствующего судебного решения при соблюдении законных прав и интересов всех участников уголовного судопроизводства. Однако вряд ли следует рассматривать такое производство в качестве дознания, в понимании его именно как формы предварительного расследования. Как только мы станем считать его формой предварительного расследования, то оно сразу же приобретет весь комплекс процессуальных процедур и потеряет свою эффективность. Отсюда под этот критерий не подходит даже дознание в сокращенной форме, регламентированное гл. 32.1 УПК РФ. Это должно быть какое-то особое досудебное производство, осуществляемое органом дознания в специальном процессуальном режиме до возбуждения уголовного дела. Похожий порядок был предусмотрен УПК РСФСР в виде протокольной формы досудебной подготовки материалов, но современный законодатель по неизвестным причинам поспешно от него отказался.

ПЕРСПЕКТИВА УНИФИКАЦИИ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЫ СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ НАД ОРГАНАМИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

*В. Н. Парфёнов¹
А. А. Козлова²*

Процессуальной формой судебного контроля над органами предварительного расследования прежде всего следует считать судебное заседание по рассмотрению жалоб и ходатайств, поступающих в установленном порядке в суд в ходе досудебного производства по уголовному делу.

Существуют, по меньшей мере, три разновидности такого судебного разбирательства. Первые две – предусмотренные ст. 125 (по рассмотрению жалоб) и 108 (по рассмотрению вопроса об избрании меры пресечения) УПК РФ носят состязательный характер. Третья, связанная с дачей разрешения на производство следственного действия, ограничивающего конституционные права и свободы граждан, участия стороны защиты не предполагает.

Следует также выделить порядок проведения судебного заседания по решению вопроса о временном отстранении подозреваемого или обвиняемого от должности (ст. 114 УПК РФ). Указанная процедура не опирается ни на одну из упомянутых ранее «классических» форм судебного контроля. В то же время предусматриваемые ст. 114 УПК РФ правила явно недостаточны для надлежащей регламентации порядка проведения судебного заседания.

Судебный порядок рассмотрения жалоб (ст. 125 УПК РФ) требует более подробного регулирования в части регламентации прав участников данного производства, возможности и порядка исследования материалов, предварительного ознакомления с ними, необходимости ведения протокола судебного заседания, предоставления его сторонам и пр. Также детализация не помешает порядку решения вопроса об установлении определенного срока на ознакомление обвиняемого с материалами уголовного дела по окончании расследования (ч. 3

¹ Старший преподаватель кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук. © Парфёнов В. Н., 2016.

² Курсант Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя. © Козлова А. А., 2016.

ст. 217 УПК РФ). В последнем случае даже сложно понять, состязательный ли характер должно носить данное заседание или нет. Необходимо учесть и новеллы законодательства, предусматривающие особенности рассмотрения отдельных категорий жалоб (ст. 125.1 УПК РФ).

Согласно УПК РФ в порядке, предусмотренном ст. 108, осуществляется принятие судебных решений об избрании и продлении заключения под стражу, домашнего ареста, залога, о применении принудительной меры воспитательного воздействия, о переводе лица, к которому в качестве меры пресечения применено содержание под стражей, в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях.

Каждая из норм, ссылающихся на ст. 108 УПК РФ, предусматривает свои специальные правила, что вполне обосновано. Однако из действующей регламентации не всегда понятно, что следует считать теми общими правилами, которые регулируют процедуру принятия судебного решения.

В настоящее время в Государственную Думу Российской Федерации внесены два законопроекта, связанные с вопросами ограничения конституционных прав и свобод граждан в досудебном производстве. Первый из них предусматривает дополнение УПК РФ еще одной мерой пресечения, а именно: ст. 106¹ УПК РФ (Запрет определенных действий). Данная мера также предполагает судебный порядок ее избрания, ссылаясь на ст. 108 УПК РФ в части регламентации процедуры. При этом исключается применение положений заключения под стражу, связанных с видом и размером наказания, квалификацией преступления, возрастом подозреваемого или обвиняемого, и с учетом особенностей, предусмотренных настоящей статьей. То есть авторы законопроекта в понятие порядка принятия судебного решения включают еще и его основания, что едва ли допустимо¹.

Второй Проект федерального закона предполагает возможность избрания такой меры пресечения, как помещение в центр временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел (ст. 107¹ УПК РФ). Данная мера должна применяться

¹ Проект федерального закона № 900722-6 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части избрания и применения мер пресечения в виде залога, запрета определенных действий и домашнего ареста) // URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=900722-6&02> (дата обращения: 10.11.2015).

также по судебному решению в порядке, предусмотренном ст. 108 УПК РФ¹.

Указанные обстоятельства приводят к мысли о перспективе создания единой, универсальной в той степени, в которой это возможно, процессуальной формы судебного заседания по вопросам, возникающим в ходе досудебного производства. Представляется, что оно должно быть урегулировано общими нормами, с сохранением специальных требований к порядку принятия того или иного промежуточного судебного решения.

Сходная регламентация наблюдается применительно к судебному заседанию, проводимому в соответствии со ст. 165 УПК РФ. В данной норме предусмотрены общие требования к судебному порядку получения разрешения на производство следственных действий, ограничивающих конституционные права и свободы граждан.

С использованием этой же процедуры при приоритетном применении специальных норм УПК РФ разрешаются вопросы о наложении ареста на имущество, о реализации, утилизации или уничтожении вещественных доказательств, о помещении подозреваемого или обвиняемого, не содержащегося под стражей, в медицинскую организацию, оказывающую медицинскую помощь в стационарных условиях, или в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, для производства судебно-медицинской или судебно-психиатрической экспертизы.

Однако и положения ст. 165 УПК РФ нельзя охарактеризовать как в полной мере охватывающие все аспекты соответствующего судебного заседания.

Представляется, что унифицированные правила для единой судебно-контрольной процедуры должны быть закреплены в отдельных нормах уголовно-процессуального закона (возможно, в отдельной главе). Они должны включать в себя требования:

– к содержанию и реквизитам документов, инициирующих судебно-контрольную процедуру (жалоба, постановление следователя или дознавателя о возбуждении перед судом ходатайства);

¹ Проект федерального закона № 679268-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части расширения перечня категорий несовершеннолетних, помещаемых в центры временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел» // URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=679268-6&02> (дата обращения: 10.11.2015).

– к кругу участников судебного заседания, их правам (с закреплением права потерпевшего на участие в рассмотрении вопросов о мерах пресечения и жалоб);

– к порядку подготовки данного судебного заседания (вызовы в судебное заседание, сроки начала);

– к порядку проведения судебного заседания (структура судебного разбирательства, возможность и порядок исследования в суде материалов, представленных сторонами, порядок и объем ознакомления сторон с данными материалами);

– к порядку окончания судебного заседания (изготовление протокола, предоставление его сторонам разъяснения права на обжалование);

– к порядку обжалования промежуточных решений, принятых по результатам судебного-контрольных процедур, порядку и ограничениям на повторное рассмотрение жалоб и ходатайств, относящихся к одному и тому же предмету.

Таким образом, установление единой процессуальной формы судебного заседания приведет к универсализации и детализации всего порядка судебного контроля в досудебном производстве, что будет способствовать более эффективной работе судебных органов, а также надлежащему обеспечению прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

РАЗВИТИЕ И МОДЕРНИЗАЦИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА СЛЕДОВАТЕЛЯ

В. В. Пушкарев¹

Уголовно-процессуальный статус участников уголовного судопроизводства представляет собой постоянную систему элементов. При этом их содержание довольно часто претерпевает различные изменения под воздействием совокупности исторических, политических и социально-правовых факторов, которые прямо влияют на нормативное выражение статуса конкретного участника уголовного процесса.

В этой связи одной из наиболее значимых и дискуссионных проблем в указанной области юридического знания, имеющих актуаль-

¹ Доцент кафедры предварительного расследования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук. © Пушкарев В. В., 2016.

ное научное и практическое значение, является вопрос о процессуальном статусе следователя. Он не теряет своей актуальности на протяжении последних 150 лет, поскольку правильное определение и полноценная регламентация процессуального статуса следователя призваны обеспечить качество предварительного следствия. Анализ норм о процессуальном статусе следователя, в том числе с позиций историко-правового метода исследования, позволит зафиксировать его сущность и содержание на различных этапах развития уголовно-процессуального законодательства, установить направления его дальнейшего развития и совершенствования.

Согласно Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. судебный следователь наделялся процессуальной независимостью и самостоятельностью, отделялся от органов исполнительной власти посредством закрепления основных положений его процессуального статуса как носителя судебной власти. В качестве уголовно-процессуальной функции судебного следователя указывалось осуществление независимого и беспристрастного предварительного исследования обстоятельств преступления в рамках реализации судебной власти. Называлась основная задача судебного следователя. Она заключалась в необходимости поиска, сбора и закрепления всех изобличающих и оправдывающих обвиняемого фактов и доказательств, обеспечивающих вынесение судом правосудного решения по делу. Устанавливались права и обязанности судебного следователя. Были закреплены нормы об ответственности судебного следователя, провозгласившие особый порядок удаления от должности – не иначе как с преданием суду и особый порядок привлечения к дисциплинарной ответственности, которые обеспечивали процессуальную независимость судебных следователей.

Проведенный анализ первых актов советской власти, регулирующих уголовное судопроизводство, в их развитии показал, что процессуальный статус следователя постоянно изменялся. Первоначально четкой концепции организации органов предварительного расследования не было. Предварительное следствие осуществлялось коллегиальным способом в следственных комиссиях. При появлении фигуры единоличного народного следователя постепенно конкретизировался его процессуальный статус и последовательно увеличивался объем его процессуальной самостоятельности. По УПК РСФСР 1922 г. следователь стал действительно самостоятельным участником досудебного производства. Однако уже к 1923 году (по УПК РСФСР 1923 г.) его

процессуальная самостоятельность и независимость были существенным образом ограничены. Происходило это в процессе расширения полномочий прокурора по процессуальному руководству и прокурорскому надзору за предварительным следствием. Следователи превратились «в порученцев прокурора, технических исполнителей»¹.

Не изменилась эта ситуация и с принятием УПК РСФСР 1960 г. В нем (ст. 127) провозглашалась процессуальная самостоятельность следователя при принятии решений о направлении следствия и производстве следственных действий при производстве предварительного следствия, за исключением случаев, когда законом предусмотрено получение санкции от прокурора и оговаривалось, что следователь несет полную ответственность за их законное и своевременное проведение. Однако все следователи, независимо от их ведомственной принадлежности, действовали под неограниченными полномочиями прокурора. Процессуальная фигура начальника следственного отдела, обладавшего к тому же и административными полномочиями в отношении подчиненных следователей, еще более ограничивала их процессуальную самостоятельность. В процессуальном статусе следователя фактически смешивались функции обвинения, защиты и разрешения дела под надзором прокурора. Основной задачей называлось быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных и обеспечение правильного применения закона с тем, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден. При этом следователь обязан был принять все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, выявить как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а также смягчающие и отягчающие его ответственность обстоятельства. Однако в каждом случае обнаружения признаков преступления следователь в пределах своей компетенции, равно как и суд, прокурор и орган дознания, обязан был возбудить уголовное дело и принять все предусмотренные законом меры к установлению события преступления, лиц, виновных в совершении преступления, и к их наказанию.

В настоящее время при провозглашении в ст. 15 УПК РФ принципа состязательности сторон и последовательной его реализации была

¹ Рагинский М., Тарасов-Родионов П. Предварительное следствие за 20 лет // Советское государство и право. – 1955. – № 4. – С. 39.

закреплена такая модель досудебного производства, когда следователь превратился в носителя обвинительной власти и в силу требований п. 45 ст. 5, ст. 21 УПК РФ обязан осуществлять функцию обвинения (уголовного преследования).

Таким образом, в результате проведенного ретроспективного анализа становится очевидной историко-правовая преемственность уголовно-процессуальных норм, регламентирующих процессуальный статус следователя. Кроме того, обнаруживается устойчивая система элементов, через содержание которых он получает нормативное выражение. Становится возможным сформулировать понятие уголовно-процессуального статуса следователя, под которым предлагается понимать установленную нормами уголовно-процессуального права систему элементов, определяющих функцию, задачи, компетенцию и ответственность следователя.

К значимым признакам самого уголовно-процессуального статуса следователя, характеризующего его именно как систему элементов, относятся следующие.

Во-первых, выделенная структура процессуального статуса следователя позволяет описывать все особенности деятельности следователя в уголовном судопроизводстве.

Во-вторых, при серьезной модификации содержания системных элементов уголовно-процессуального статуса следователя, а именно уголовно-процессуальной функции, задач его деятельности, ответственности и компетенции, определяющей объем самостоятельности следователя в досудебном производстве, структура процессуального статуса следователя остается постоянной.

В-третьих, процессуальный статус следователя соотносится с процессуальными статусами иных участников уголовного судопроизводства и способен влиять на их содержание.

В-четвертых, выявленная способность системы элементов процессуального статуса следователя к модификации своего содержания позволяет предвидеть, каким образом будет реагировать предлагаемая модель процессуального статуса следователя в случае, если ее элементы будут подвержены определенным изменениям.

Таким образом, представленная структура процессуального статуса следователя и выявленные особенности многообразной вариативности содержания его системных элементов предполагают необходимость изложения ст. 38 УПК РФ в такой редакции, которая бы полноценно отражала структуру процессуального статуса следователя и

значимое содержание его системных элементов. При этом следует исходить из положения о том, что процессуальная самостоятельность или независимость следователя есть основополагающая идея уголовного судопроизводства и должна найти отражение в системе его принципов.

ОЦЕНКА РЕЗУЛЬТАТОВ ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ДЛЯ ОПОЗНАНИЯ, ПРОВЕДЕННОГО С УЧАСТИЕМ ЛИЦ, ИМЕЮЩИХ ДЕФЕКТЫ ПСИХИКИ

Е. Ю. Самолаева¹

Изучение личности современного преступника позволило сделать вывод об увеличении среди них числа лиц, страдающих различными видами психических расстройств, которые могут усугубляться на фоне употребления алкоголя и психоактивных веществ. Наиболее типичные виды преступлений, совершаемые данной категорией лиц - насильственные преступления против личности, собственности, здоровья населения.

Иные участники уголовного судопроизводства (например, потерпевший, свидетель) также могут страдать не очевидными на первый взгляд психическими расстройствами, не исключающими вменяемости. Ведущими специалистами в области психиатрии, оценка общего состояния психического здоровья населения нашей страны дана достаточно критичная². Также выявлению числа лиц, имеющих дефекты психики, способствовало увеличение числа назначения судебно-психиатрических экспертиз по основаниям, предусмотренным ст. 196 УПК РФ (в первую очередь по делам о преступлениях в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ).

Не вызывает сомнений, что участники уголовно-правовых отношений (в статусе подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего или

¹ Доцент кафедры предварительного расследования Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук. © Самолаева Е. Ю., 2016.

² Так, по мнению Зураба Кекелидзе (главного психиатра Минздрава России, директора Государственного научного института судебной и социальной психиатрии имени В.П. Сербского), в Российской Федерации «в помощи психиатров в той или иной степени нуждаются не менее 14 % россиян, что составляет более 20 млн чел.». URL: <http://doctorpiter.ru/articles/8083/> (дата обращения: 12.12.2013.).

свидетеля), имеющие дефекты психики, требуют особого подхода к выбору тактики работы с ними при осуществлении расследования по уголовным делам.

Таким образом, вопрос тактики и методики производства расследования преступлений с лицами, имеющими дефекты психики, актуальны, требуют особого внимания и разработки соответствующих научных рекомендаций и предложений в законодательство.

В юридической литературе встречается мнение, что наличие психических отклонений может препятствовать правильному восприятию и передаче признаков наблюдавшихся ими объектов, что исключает их участие в данном следственном действии¹. Мы полагаем, что психические недостатки, нарушающие познавательные процессы, могут снижать возможности опознающего, но не должны выводить полученные результаты из числа доказательств².

Считаем, что сложности производства и оценки результатов следственного действия в основном связаны с недостаточным использованием методических рекомендаций по тактике производства следственных действий с указанной категорией лиц, а также отсутствием законодательной регламентации производства следственных действий с участием лиц рассматриваемой категории.

Обратим внимание на производство одного из следственных действий, широко используемого в ходе расследования большинства преступлений, – предъявление для опознания. Его особенностью является то, что опознающий воспроизводит первоначально в ходе допроса воспринимавшуюся им при определенных обстоятельствах информацию об объекте (описывает его), а затем в ходе опознания отождествляет предъявляемый объект с ранее воспринимавшимся, устанавливает сходство с ним либо его отсутствие.

Данное следственное действие характеризуется сложностью его организации и производства (особенно при предъявлении для опознания живых лиц), наличием множества факторов, влияющих на оценку его результатов (процессуальное положение опознающего, его отношение к опознаваемому лицу, психическое и физическое состояние в момент его восприятия опознающим, степень выраженно-

¹ Цветков П. П. Предъявление для опознания в советском уголовном процессе. Л. : Изд-во ЛГУ, 1962.

² Самолаева Е. Ю. Тактика предъявления для опознания людей (уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты) : учебно-практическое пособие. М. : ЦОКР МВД России, 2008.

сти индивидуальных признаков опознаваемого и др.). Кроме того, результаты проведения предъявления для опознания нередко являются решающими для расследования.

При оценке практики производства данного следственного действия наблюдаются такие типичные ошибки, как отсутствие либо недостаточно подробное выяснение у потенциального опознающего на предшествующем опознанию допросе признаков внешности интересующего следствие лица; неправильный выбор тактики при организации этого следственного действия в части оценки процесса формирования показаний опознающего лица; объекты, среди которых предъявлялся опознаваемый, подбирались с нарушением установленных уголовно-процессуальным законом норм и криминалистических рекомендаций и др.

Наличие психических недостатков, не исключающих вменяемости, не является препятствием для участия потерпевшего, свидетеля, подозреваемого или обвиняемого в предъявлении для опознания. Как правило, психические недостатки, нарушающие познавательные процессы, лишь снижают возможности активного участия в производстве сложных следственных действий, а не выводят их результаты из ряда доказательств.

Из допускаемых при производстве такого опознания ошибок можно отметить прежде всего отсутствие взаимодействия с лицами, участвующими в производстве по уголовному делу. Психологический контакт, необходимый при производстве всех следственных действий, должен устанавливаться не в ходе предъявления для опознания, а ранее, еще при предшествующих ему допросах.

Помимо этого следователь должен знать тактические приемы психологического воздействия на лиц, имеющих психические недостатки, в целях получения достоверного результата как в ходе предъявления для опознания, так и иных следственных действий. При этом такое воздействие ни в коем случае не должно ущемлять права ни этих лиц, ни других участников уголовного процесса. Оно должно побуждать их только к добросовестному выполнению своих прав и обязанностей как свидетеля, потерпевшего или иного участника.

В этих целях перед предъявлением для опознания лиц, страдающих психическими недостатками, необходимо установить особенности их памяти, мышления, состояния органов чувств (зрения, слуха). У психически неполноценных лиц следует выяснить, что они лучше запоминают (цифры, даты, форму предметов, цвет, фасон одежды). В

ходе допроса необходимо проверять их ответы путем постановки контрольных вопросов. Если перед началом опознания следователь не выяснит эти обстоятельства и не будет знать психических особенностей обвиняемого, это может привести к усложнению расследования, возникновению противоречий и ложных версий.

Поскольку у лиц с нарушением познавательных процессов восприятие объектов, вещей и лиц может быть неполным, отрывочным, они не всегда правильно понимают поведение участников предъявления для опознания (впрочем, как и иных следственных действий). Предъявление для опознания с их участием следует проводить особенно осторожно. Необходимо помнить об их быстрой утомляемости, нередко недлительной концентрации внимания, возможной раздражительности, а также возможности срыва следственного действия. Если подобное происшествие произошло, опознание следует на время прекратить и продолжить позже в составе тех же участников (а главное, опознаваемых) либо вообще отменить его проведение. Кроме того, лица рассматриваемой категории, как правило, легко ранимы, обидчивы, часто замыкаются в себе и в своих переживаниях. Незначительное замечание может стать причиной возникновения психологического барьера во взаимоотношениях со следователем.

Следует также иметь в виду, что лица, страдающие психическими заболеваниями, могут искажать информацию (в том числе намеренно), скрывать наличие заболевания (стремятся доказать, что они здоровы), а также, наоборот, – склонны преувеличивать болезненные явления.

Для правильного выбора тактики производства опознания следует также воспользоваться информацией, полученной при принятии решения о его проведении (из допросов, выемок, личных наблюдений и т. д.).

Для определения психического или физического состояния потерпевшего, свидетеля, обвиняемого или подозреваемого, если оно вызывает сомнение в способности данного лица правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, и давать показания, по основаниям пп. 3, 3.2, 4 ст. 196 УПК РФ, может быть назначена судебная психиатрическая экспертиза. Если экспертизой будет установлено, что данное лицо не способно в силу физических или психологических недостатков произвести опознание или дать показания в отношении интересующего следствие объекта или может нанести ему психологическую травму, то опознание вообще проводить не следует.

Кроме того, прежде чем предъявлять для опознания объект психически больному человеку, следователь обычно запрашивает у леча-

щего врача справку о том, может ли указанное лицо по состоянию здоровья принимать участие в предъявлении для опознания. Эта справка приобщается к уголовному делу. И только если решение данного вопроса одним врачом вызывает сложность, для решения данного вопроса могут быть поставлены вопросы перед экспертом в рамках судебно-психиатрической экспертизы.

Назначение экспертизы должно быть обязательным при наличии у опознающего лица психических недостатков, препятствующих ему выступать в качестве опознающего. Результаты такого предъявления для опознания могут потерять свое доказательственное значение.

Полагаем также, что в случае необходимости срочно провести опознание и с учетом длительности его проведения экспертиза может быть назначена после его производства с последующей оценкой результатов предъявления для опознания. При этом результаты опознания и предшествующего ему допроса рекомендуется записывать дословно, а также производить их видео- и звукозапись. Эти данные могут иметь большое значение при даче экспертами заключений.

Некоторые особенности участия в уголовном судопроизводстве лиц, достигших возраста 16 лет, но страдающих расстройством или отстающих в психическом развитии, предусмотрены в уголовно-процессуальном законодательстве. Так, в соответствии с нормами ст. 191 УПК РФ (Особенности проведения допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний на месте с участием несовершеннолетнего), а также ст. 425 УПК РФ (Допрос несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого) при проведении допроса указанной категории несовершеннолетних лиц обязательно должны присутствовать педагог или психолог.

Данное требование распространяется и на проведение предъявления для опознания, проводимого с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля (ч. 1 ст. 191 УПК РФ). Рекомендуется также производство видеофиксации хода и результатов следственных действий, проводимых с участием рассматриваемой категории лиц (кроме случаев, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством, в частности, ч. 5 ст. 191 УПК РФ, когда несовершеннолетний потерпевший (свидетель) или его законный представитель против этого возражает).

При производстве следственных действий необходимо также обеспечить участие защитника в случаях, предусмотренных ст. 51 УПК РФ.

Сложности в оценке результатов предъявления для опознания могут быть связаны и с ситуацией, когда лицом с дефектами психики является опознаваемый. Здесь существует возможность срыва им производства следственного действия, например, внезапным объявлением, что это его опознают.

Для недопущения этого и получения не подвергающихся сомнению доказательств следователю необходимо предварительно предпринять соответствующие меры, в частности, решить вопрос о проведении предъявления для опознания с участием указанных лиц в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым, поскольку обстановка производства следственных действий в данном случае должна быть максимально спокойной, бесконфликтной, исключающей возможность оказания на опознающего со стороны опознаваемого или его знакомых и родственников психологического воздействия.

Таким образом, все указанные обстоятельства, касающиеся участия вышеупомянутых категорий лиц, должны быть оценены лицом, производящим расследование, в результате чего сделан вывод о достоверности, недостоверности или неопределенности результатов предъявления для опознания.

Полагаем, что ни по одному уголовному делу расследование и судебное разбирательство не могут быть успешными, если не будут выяснены и учтены индивидуальные свойства опознающего, как страдающего психическими недостатками, так и не страдающего ими, и в отношении кого такие недостатки не обнаружены. Это необходимо не только для успешного осуществления процессуальных действий, но и для обеспечения и защиты их прав и законных интересов. Сложность при этом нередко заключается и в большом разнообразии психических недостатков.

В то же время знание основ психологии следователями (дознавателями), эффективное использование разрабатываемых методик проведения следственных действий с рассматриваемой категорией граждан, соблюдение установленных законом норм могут повлиять на результаты производства расследования по всему уголовному делу.

ФОРМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ХОДЕ ПРОВЕРКИ СООБЩЕНИЙ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

*В. А. Саморока¹
М. Ю. Бекетов²*

Как правило, уголовные дела о преступлениях экстремистской направленности возбуждаются на основе материалов, полученных в ходе оперативно-разыскной деятельности подразделений по противодействию экстремизму. Поэтому от взаимодействия сотрудников данных подразделений со следователями и дознавателями, осуществляющими в соответствии с положениями УПК РФ проверку сообщений о готовящихся и совершенных преступлениях, от качества предоставленных результатов ОРД во многом зависит принятие указанными должностными лицами обоснованного решения о возбуждении уголовного дела и правильная квалификация преступления.

Субъектами взаимодействия как в ходе проверки сообщений о преступлениях экстремистской направленности (до возбуждения уголовного дела), так и при расследовании преступлений данного вида (после возбуждения уголовного дела) являются следователи, дознаватели и органы дознания, так как именно они являются участниками уголовного судопроизводства в соответствии с положениями УПК РФ.

Выполнение поручений следователя, дознавателя о производстве оперативно-разыскных мероприятий. Данная процессуальная форма взаимодействия основывается на следующей уголовно-процессуальной норме – при проверке сообщения о преступлении следователь, дознаватель вправе давать органу дознания обязательные для исполнения письменные поручения о проведении оперативно-разыскных мероприятий (ч. 1 ст. 144 УПК РФ).

Следует отметить, что результаты ОРД представляются оперативными подразделениями следователю, дознавателю как в результате выполнения его поручения о производстве оперативно-разыскных

¹ Доцент кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент. © Саморока В. А., 2016.

² Доцент кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент. © Бекетов М. Ю., 2016.

мероприятий, так и в инициативном порядке, и в этом случае содержащиеся в них сведения могут сами по себе являться сообщением о преступлении. В связи с этим в п. 1 Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд¹, указывается, что данной Инструкцией определяется порядок представления оперативными подразделениями органов, осуществляющих ОРД, результатов ОРД органу дознания и следователю при наличии в них достаточных данных, указывающих на признаки преступления, а также представление результатов ОРД при выполнении поручения дознавателя, следователя о производстве оперативно-розыскных мероприятий по находящимся в их производстве материалам проверки сообщений о преступлениях.

Согласно п. 6 указанной Инструкции результаты ОРД представляются в виде рапорта об обнаружении признаков преступления или сообщения о результатах ОРД.

Сообщение о результатах ОРД предоставляется в тех случаях, когда поступившее в одной из форм, предусмотренных ч. 1 ст. 140 УПК РФ, сообщение о преступлении уже зарегистрировано. Причем сообщение о результатах ОРД может представляться подразделениями по противодействию экстремизму как ответ на поручение следователя (дознателя) о производстве оперативно-розыскных мероприятий, так и в инициативном порядке. В последнем случае рассматриваемое сообщение о результатах ОРД необходимо направлять должностному лицу, которое занимается процессуальной проверкой сообщения о совершенном или готовящемся преступлении в порядке, предусмотренном ч. 1 ст. 144 УПК РФ.

Следователь, дознаватель должны указать в своем письменном поручении: цель производства данных мероприятий, вопросы, подлежащие выяснению, а также иную информацию, необходимую для их выполнения (например, свои пожелания, связанные со способом их проведения, – гласно или негласно они должны проводиться). Сотрудники оперативного подразделения сами определяют, сколько и каких именно оперативно-розыскных мероприятий они должны провести для достижения поставленной цели.

¹ Приказ МВД России, Минобороны России, ФСБ России, ФСО России, ФТС России, СВР России, ФСИН России, ФСКН России, СК России от 27 сентября 2013 г. № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд».

В п. 2.7 приказа Следственного комитета Российской Федерации от 12 июля 2011 г. № 109 «О мерах по противодействию экстремистской деятельности» указывается, что в письменных поручениях и информациях, направляемых в органы, осуществляющие ОРД, следует указывать на необходимость проведения всего комплекса оперативно-разыскных мероприятий.

Согласно п. 4 ч. 2 ст. 38 и п. 1.1 ч. 3 ст. 41 УПК РФ следователь, дознаватель уполномочены давать органу дознания в случаях и порядке, установленных УПК РФ, обязательные для исполнения письменные поручения о производстве отдельных следственных действий, о производстве иных процессуальных действий, а также получать содействие при их осуществлении.

В соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ при проверке сообщения о преступлении могут производиться следственные (производство судебной экспертизы; осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов; освидетельствование) и иные процессуальные действия (получение объяснений; получение образцов для сравнительного исследования; истребование документов и предметов, изъятие их в порядке, установленном УПК РФ).

В законе конкретно не указано, в чем именно должно заключаться содействие органа дознания следователю, дознавателю. Полагаем, что подобное взаимодействие может выражаться в обеспечении сотрудником органа дознания условий для успешного проведения следственного действия, либо в непосредственном его участии в работе следователя, дознавателя.

В УПК РФ не определяется форма обращения следователя, дознавателя к органу дознания за содействием при осуществлении следственных и иных процессуальных действий. В то же время поручения следователя, дознавателя, предусмотренные п. 4 ч. 2 ст. 38 и п. 1.1 ч. 3 ст. 41 УПК РФ, даются следователем органу дознания только в письменном виде. Думается, что в данном случае также более целесообразна письменная форма требования следователя, дознавателя о содействии.

Непроцессуальные формы взаимодействия носят в основном организационный характер. Порядок их реализации регламентируется федеральными законами, указами и распоряжениями Президента Российской Федерации, постановлениями Правительства Российской Федерации, нормативными правовыми актами МВД России, совместными межведомственными актами.

В качестве организационных форм взаимодействия подразделений по противодействию экстремизму со следователями, дознавателями при проверке сообщений о преступлениях экстремистской направленности могут быть названы: 1) обмен информацией; 2) проведение совместных целевых мероприятий для выявления и пресечения преступлений, а также устранения причин и условий, способствующих их совершению; 3) издание совместных приказов, указаний, планов координационной деятельности.

О необходимости использования всех форм межведомственного взаимодействия, включая оперативный обмен необходимой информацией, разработку согласованных планов деятельности по противодействию экстремизму, издание совместных организационно-распорядительных документов, создание межведомственных рабочих (экспертных) групп для проработки отдельных вопросов, совместное изучение и распространение положительного опыта работы, проведение межведомственных совещаний, конференций, семинаров, занятий и других мероприятий говорится в п. 2.9 приказа Следственного комитета Российской Федерации от 12 июля 2011 г. № 109 «О мерах по противодействию экстремистской деятельности».

Конкретная форма взаимодействия следователя, дознавателя с подразделениями по противодействию экстремизму в ходе проверки сообщений о преступлениях экстремистской направленности или определенная совокупность таких форм должны избираться в каждом случае индивидуально. При этом учитываются особенности преступления, сообщение о котором проверяется, содержание и форма данного сообщения, необходимость получения дополнительных данных, указывающих на признаки преступления.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ОБЖАЛОВАНИЯ, ПРОВЕРКИ И ПЕРЕСМОТРА СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ – ВАЖНЫЙ ЭЛЕМЕНТ СТРАТЕГИИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА (ТЕЗИСЫ)

М. В. Скляренко¹

1. Для науки уголовного процесса важен комплексный подход к анализу сущности, содержания и форм реализации системы обжалования, проверки и пересмотра судебных решений в области уголовного процесса (далее – Система). Систему следует анализировать не только как важную составляющую судебной деятельности, но и как совокупность уникальных общественных отношений в сфере разрешения различных конфликтов.

2. Система – это не только способность конкретных судебных инстанций к выполнению каких-либо действий, но и качество, присущее развитому обществу, посредством системы судебных органов разрешать социально-политические и экономические конфликты.

3. Система – это разновидность судебных, особых государственно-властных отношений, возникновение и существование которых обусловлено способностью социума генерировать механизмы разрешения конфликтов, возникновение которых обусловлено деятельностью низших судебных инстанций, на основе норм права, обеспечиваемая мощью государства.

Такая Система обладает рядом сущностных характеристик: она реальна, для нее характерны все видовые, родовые признаки и черты, свойственными любой иной системе разрешения конфликтов; как любое иное социальное явление анализируемая Система существует только в динамике; в пределах своей компетенции сильнее любой организации или индивида, обладающих той же компетенцией на территории конкретного государства; одновременно она носит частно-правовой и публично-правовой характер; проявляется в правоприменительной, правотолковательной и правотворческой сфере; не существует вне нормативного регулирования; опосредуется в правосудии (процессах), его результатах (судебных актах); является источником права. Для нее, в частности, характерны особые способы формирова-

¹ Советник Верховного Суда Российской Федерации. © Скляренко М. В., 2016.

ния процедурных норм (судебный прецедент) и их трансформации (судебная практика).

Неизбежная в условиях судебно-правовой реформы правотворческая деятельность Системы противоречива: ей под силу как оживлять «спящие нормы», так и умерщвлять реально действующие предписания.

4. Основой функционирования данной Системы является взаимодействие ее компонентов, которое проявляется в уникальных судебно-властных отношениях. В этом случае речь идет об общественных отношениях, возникающих в процессе реализации судами высших инстанций в установленных законом случаях и в установленной законом форме государственной власти при разрешении конфликтов, возникающих в процессе взаимодействия между субъектами права. Особенность данной разновидности судебно-властных правоотношений заключается в следующем. Если суд первой инстанции принимает решение по делу, поступившему в суд, то суды вышестоящих инстанций наряду с этим осуществляют проверку деятельности нижестоящих инстанций.

5. Вышеозначенные судебно-властные отношения обладают следующими признаками: 1) возникают в процессе реализации высшими судами (судьями) своих функций; 2) имеют в качестве обязательного субъекта суд (судью) апелляционной, кассационной или надзорной инстанции; 3) всегда публичны, поскольку осуществляются только от имени государства; 4) их назначение – защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; 5) их цель – разрешение конфликтов путем применения судами (судьями) норм права; 6) отличаются особой процессуальной формой; 7) характеризуются специфическим правовым режимом обеспечения законности и правовой защиты.

6. Генезис Системы в каждом отдельно взятом государстве, как правило, проходит эволюцию от ее выделения из совокупности прав и обязанностей главы государства (монарха) его особого права и его особой обязанности (особой публичной функции) – проверки и пересмотра первичных судебных решений до создания наднациональных судебных структур, которые являются гарантом следования национальных правовых систем общепризнанным мировым стандартам в сфере правосудия.

Общая тенденция в развитии Системы такова: от простого – единоличного разрешения главой государства рядовых споров – к слож-

ному – относительно самостоятельной и независимой от других властных структур государства судебной системе, непосредственному участию народа в отправлении правосудия.

За время своего существования современная Система приобрела ряд новых положительных качеств: 1) создание механизма обжалования в суд теоретически всех решений и действий (бездействия) органов государственной власти гражданами; 2) современная российская судебная система гораздо более независима и самостоятельна, чем таковая времен СССР; 3) постепенно начинает работать механизм ее саморегуляции, несмотря на то, что большинство российских судей по своему правовому мировоззрению – позитивисты, нормативисты, в недрах судебского корпуса постепенно вызревает признание за судьями права на собственное усмотрение при наличии пробелов в законе, его внеправовом характере.

7. Эффективность Системы зависит от определенных объективных и субъективных условий, определяемых характером взаимосвязей, а именно таких, как: рациональное судоустройство; оптимальная судебная процедура; высокий профессиональный уровень судей и служащих аппарата суда; совершенство механизма судебного управления; соответствие функционирования суда ожиданиям общества.

Измерение эффективности системы обжалования, пересмотра судебных решений в уголовном процессе возможно при условиях, если определены: стандарты качества судебной системы, в содержании которых выделены критерии эффективности и система их показателей; методика сбора, анализа и оценки информации; состав экспертной группы, которая будет осуществлять оценку качества судебной системы; степень влияния каждого показателя на общую эффективность судебной системы; методология соотношения качественных и количественных показателей, количественного выяснения оценочных понятий качественных показателей.

8. Принципы функционирования Системы могут быть определены как общие правовые положения, отражающие функциональное назначение суда в обществе, способствуют достижению задач, стоящих перед ним, определяют структурное построение судебной системы и процедуры отправления правосудия. Они прямо закреплены в конституционных и иных нормативных актах или вытекают из их содержания и правовой природы самой судебной власти.

Правовая природа принципов функционирования Системы обжалования, проверки и пересмотра судебных решений раскрывается через их

основные характеристики: они отражены в общих правовых нормах, закрепляющих или регулирующих все правоотношения, складывающиеся в процессе организации и деятельности судебной власти, обслуживают содержание других норм законодательства, обеспечивающих действие юридических механизмов реализации принципов судебной власти, выступают разновидностью принципов, в частности, таких, как регламентирующие организацию и деятельность органов государственной власти, и аккумулируют в себе все их сущностные черты.

Принципы Системы, которые заключаются в том, что они: а) служат фундаментом для построения судебной системы и процедуры рассмотрения дел судом; б) выступают критериями легитимности судебной власти для общества; в) являются стандартом законности и справедливости судебного решения по конкретному делу, поскольку их нарушение является основанием для его отмены в вышестоящих судебных инстанциях.

Принципы Системы в зависимости от своего содержательного назначения и сферы внедрения подразделяются на: а) основополагающие, что отделяет важнейшие сущностные черты института судебной власти (верховенство права, законность, справедливость, гуманизм, равенство граждан перед законом и судом, а также независимость, самостоятельность, полнота, транспарентность судебной власти); б) принципы построения органов судебной власти, которые отражают системно-структурные ее характеристики (доступность правосудия, компетентность суда, право человека на пересмотр судебного решения, постановленного по делу); в) процедурные, в которых содержатся основные требования к судебному производству (сопоставительность, гласность, разумность сроков судебного разбирательства, государственный язык судопроизводства, коллегиальное и единоличное судебное разбирательство, участие народа в отправлении правосудия, обеспечение права лица на правовую помощь, обязательность и мотивированность судебных решений).

Основополагающие принципы функционирования Системы – это исходные положения, выражающие сущность судебной власти как специфического (правового) регулятора общественных отношений, определяют общую направленность судостройства и судопроизводства. Они выполняют системообразующую функцию в развитии национального процессуального и судостроительного законодательства. При этом термины «принципы правосудия» и «принципы судопроизводства» равнозначны, их содержание охватывает основные принципы процедуры рассмотрения дел судом; конструкция «принцип судебной власти» отражает институциональное оформление и процедурную сущность струк-

турно обособленной части (ветви) государственной власти, которую представляет собой власть судебная; их действие распространяется на организацию судебной системы и на процесс реализации судом властных полномочий, поэтому эти принципы судебной власти являются составляющими ее организации и деятельности.

9. Следует признать, что без совокупности специальных апелляционных и кассационных судов дальнейшее развитие уголовного процесса в области обжалования, проверки и пересмотра судебных постановлений будет тормозиться.

К ВОПРОСУ О ДОКАЗЫВАНИИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О НЕИСПОЛНЕНИИ ОБЯЗАННОСТЕЙ ПО ВОСПИТАНИЮ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО

*Е. И. Смык¹
И. Б. Качурина²*

Уголовно-процессуальное доказывание – это познавательная деятельность, урегулированная нормами уголовно-процессуального закона. С точки зрения уголовного процесса, оно является одинаковым по всем категориям уголовных дел³.

Уголовно-процессуальное доказывание включает в себя соби­рание, проверку и оценку доказательств, кроме того, формирование определенного знания об объекте расследования или, иначе говоря, установление объективной истины⁴.

Собирание доказательств является одним из ключевых элементов процесса доказывания, и оттого, насколько качественно будут собра-

¹ Адъюнкт Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя. © Смык Е. И., 2016.

² Заместитель начальника по учебной и научной работе экспертно-криминалистического факультета Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя. © Качурина И. Б., 2016.

³ Власова С. В. К вопросу о доказывании по делам, связанным с неисполнением обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2013. – № 22. – С. 36

⁴ Вышинский А. Я. Теория судебных доказательств в советском праве. 3-е изд., доп. М., 1955. С. 226; Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Элькинд П. С. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. Воронеж, 1978. С. 198; Белкин А. Р. Теория доказывания : научно-методическое пособие. М., 1999. С. 1–2.

ны доказательства, зависит и процесс расследования по уголовному делу. Доказательства по уголовному делу собираются путем проведения дознавателем следственных и иных процессуальных действий в соответствии с УПК РФ.

При расследовании уголовных дел, связанных с неисполнением обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, подлежат доказыванию:

1) обстоятельства события преступления, а именно:

– время совершения неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, т. е. конкретный промежуток времени, когда было совершено преступление, предусмотренное ст. 156 УК РФ. По делам данной, категории как показывает судебно-следственная практика, данного рода преступление совершается как в вечернее, так и в дневное время;

– место совершения преступления. В данном случае место совершения неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего будет зависеть от субъекта, на которого законом возложены обязанности по его воспитанию. Если субъектом воспитания является воспитатель детского учреждения, то местом совершения данного преступления будут являться детские сады, дошкольные воспитательные учреждения. Если субъектом является учитель, то местом совершения неисполнения обязанностей нередко выступают школы. Исходя из анализа судебно-следственной практики, неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего чаще всего происходит в домах, квартирах, т. е. по месту жительства ребенка. Сюда же можно отнести дачи, частные дома, подъезды домов, детские площадки, парки, улицы, дворовые площадки;

2) предмет преступного посягательства. Непосредственным предметом преступного посягательства по делам о неисполнении обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего является само несовершеннолетнее лицо, а именно: его здоровье, жизнь, свобода, достоинство, нормальное физическое, психическое, нравственное, духовное и социальное развитие¹;

3) способ совершения преступления (способ подготовки, совершения и сокрытия преступления). Как правило, по делам о неисполнении обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего способ со-

¹ Филиппов А. Г. Криминалистика : учебник / под общ. ред. А. Г. Филиппова. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Высшее образование, 2011. С. 419.

вершения преступления является неполноструктурным, т. е. отсутствует подготовка к совершению преступления.

Способ совершения преступления является одним из ключевых элементов, подлежащих доказыванию, так как он играет определяющую роль в формировании информации о содеянном и лице, его совершившем, и других обстоятельствах совершенного преступления. И поэтому познание способа совершения преступления можно рассматривать как метод практической деятельности, как один из путей установления истины по уголовному делу, расследование которого может, в частности, идти от установления способа совершения преступления к его раскрытию. Каждый способ совершения преступления оставляет только ему присущие следы, являющиеся признаками его применения;

4) обстоятельства, способствующие совершению преступления, т. е. это то, что конкретно побудило лицо совершить преступление, взгляды и привычки лица, совершившего преступление, послужившие базой для возникновения мотива и умысла, в том числе, например, привычка к употреблению алкоголя, наркотических средств, помимо этого ближайшее бытовое окружение лица.

Немаловажным является установление виновности лица в совершении преступления, формы его вины и мотивы. Для установления умысла лица, совершившего преступление, необходимо в первую очередь допросить самого несовершеннолетнего потерпевшего, подвергнувшегося жестокому обращению;

5) обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого лица. По делам о неисполнении обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего особое внимание необходимо обратить на семейный, социальный статус подозреваемого, на наличие или отсутствие судимости, содержание характеристик с места работы и места жительства.

При сборе характеризующих сведений необходимо приобщить к материалам проверки копии паспорта подозреваемого лица, свидетельства о рождении ребенка, а также выяснить, не было ли лишено лицо родительских прав. Если проверка проводится в отношении должностного лица, то к материалам проверки необходимо также приобщить выписку из приказа о назначении на соответствующую должность педагога, директора, завуча, воспитателя, врача. К материалам проверки следует приобщить копии Устава (Положения) учреждения, где должностное лицо работает, сведения о наложении дисциплинарных взысканий по месту работы, копию должностной

инструкции, утвержденной руководителем организации, с отметкой об ознакомлении с ней должностного лица¹;

б) характер и размер вреда, причиненного преступлением, а именно: какой вред (физический, психический, нравственный) причиняется несовершеннолетнему;

7) обстоятельства, исключаящие преступность и наказуемость деяния;

8) обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание;

9) обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания.

Состав преступления, содержащийся в ст. 156 УК РФ, устанавливает, что неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего непременно должно быть сопряжено с жестоким обращением с ним², в связи с чем, кроме вышеперечисленных обстоятельств, доказыванию подлежит и наличие в действиях виновного лица признаков жестокого обращения с несовершеннолетним.

Согласно п. 11 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 мая 1998 г. № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» жестокое обращение – это физическое или психическое насилие, применяемое в отношении несовершеннолетнего (нанесение побоев, умышленное причинение вреда здоровью без хулиганских побуждений, связывание, сексуальные домогательства и т. п.), издевательство над его личностью (лишение пищи, тепла, воды). Жестокое обращение с детьми может проявляться в применении к несовершеннолетним недопустимых способов воспитания (в грубом, пренебрежительном, унижающем человеческое достоинство обращении с детьми, оскорблении или эксплуатации детей).

Хотелось бы отметить, что обстоятельства, подлежащие доказыванию на разных стадиях расследования по уголовному делу, могут уточняться и детализироваться.

¹ Кормилина Е. В. Мероприятия, проводимые на стадии возбуждения уголовного дела при расследовании преступлений, связанных с неисполнением обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего // Вестник СевКавГТИ. – 2011. Вып. 11. – С. 110.

² Власова С. В. К вопросу о доказывании по делам, связанным с неисполнением обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2013. – № 22. – С. 37.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ МВД РОССИИ В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

В. Ю. Сняtkова¹

Международное сотрудничество, являясь важной формой противодействия преступности, базируется на взаимосогласованных в договорном порядке процедурах. Принято значительное количество как многосторонних, так и двусторонних договоров, база которых постоянно расширяется.

Основной проблемой в процессе предварительного следствия и сбора доказательств с участием органов иностранных государств выступает проблема государственной юрисдикции. Известно, что по общему правилу следственные органы могут выполнять те или иные процессуальные действия исключительно в пределах своего государства. Указанные действия на территории иностранного государства могут проводиться исключительно с его согласия и лишь в порядке специального поручения.

Объем правовой помощи, предусматриваемый международными договорами России, широк. Одной из самых распространенных форм взаимодействия является направление запроса о правовой помощи. Проанализировав Европейскую конвенцию о взаимной правовой помощи по уголовным делам, Конвенцию о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, двусторонние договоры, а также УПК России, можно выделить следующие условия, обязательные при подготовке и направлении в иностранное государство запроса об оказании правовой помощи по уголовным делам: наличие возбужденного уголовного дела; необходимость производства процессуальных действий по делу; надлежащее оформление запроса; надлежащий субъект; компетентность субъектов, направляющих запрос; надлежащий орган, в который направляется запрос.

Однако даже при выполнении всех вышеперечисленных условий следователи сталкиваются с неисполнением сторонами взятых на се-

¹ Врио начальника СУ УМВД России по Мурманской области. © Сняtkова В. Ю., 2016.

бя обязательств. В конечном итоге это приводит к невозможности принятия окончательных решений по уголовным делам.

Так, в производстве следственных органов Мурманской области находилось уголовное дело в отношении гражданина Грузии, который занимался на территории Российской Федерации незаконным оборотом наркотических средств. Впоследствии этот человек паспорт утратил, на неоднократные запросы об оказании правовой помощи об установлении его личности Грузия, учитывая политическую ситуацию и обострение взаимоотношений с Россией, не отвечала. В результате личность лица, совершившего преступление, фактически не установлена. В итоге в 2015 г. данный гражданин Грузии, о котором идет речь, вновь совершил тяжкое преступление против личности на территории Российской Федерации, однако в связи с невозможностью идентификации его персональных данных к уголовной ответственности не привлечен.

Аналогичная ситуация складывается сегодня с исполнением запросов об оказании правовой помощи, направляемых в Украину, Генеральная прокуратура которой постоянно направляет в адрес органов предварительного расследования России информацию о невозможности их исполнения в настоящее время. Так, следственными органами Мурманской области с 2014 г. не принято решение о направлении в суд одного из уголовных дел о незаконном обороте оружия на территории России, так как значительное количество заводоизготовителей вооружения в советское время находилось на территории именно этой республики бывшего СССР.

Безусловно, данные действия по меньшей мере являются неправомерными. Взаимные обязательства по противодействию преступности не могут ставиться в зависимость от политической ситуации, однако отсутствие в нормах международного права положений о применении к неисполнителям обязательств санкций, неурегулированный порядок обжалования таких действий приводят к тому, что каждый третий запрос не выполняется, а это сводит на нет взаимные усилия правоохранительных органов по борьбе с преступными посягательствами.

Дополнительной проработки требуют проблемы, связанные с процедурой сбора доказательств по уголовным делам. В каждой стране регламентирующие его нормы имеют свою специфику. Уголовно-процессуальное законодательство России существенно отличается от уголовного процесса США, Великобритании и ряда других европей-

ских государств, где процесс не формализован и либо существует в юридических прецедентах, либо каждый раз процедура принимается самим судом. Это приводит к тому, что полученное на территории иностранных государств доказательство может существенно отличаться по своей процессуальной форме, порядку собирания, закрепления и фиксации от доказательств, полученных на территории России.

Указанные обстоятельства порождают серьезные препятствия для правоприменения, поскольку возникает вполне закономерный вопрос: имеют ли юридическую силу доказательства, полученные на территории иностранного государства в соответствии с национальным уголовно-процессуальным законодательством, если они не отвечают требованиям сбора, оценки и фиксации доказательств на территории Российской Федерации?

Анализ судебной и следственной практики показывает, что до настоящего времени единого алгоритма принятия решений по оценке таких доказательств не выработано. В каждом конкретном случае правоприменитель решает эту проблему, исходя из общих требований, предъявляемых к доказательствам, полученным на территории Российской Федерации. В результате часть доказательств признается недопустимой.

Так, в Российскую Федерацию для осуществления уголовного преследования гражданина России было передано уголовное дело, возбужденное правоохранительными органами Украины по факту совершения открытого хищения чужого имущества и причинения тяжкого вреда здоровью. На момент передачи дела срок расследования составил более шести месяцев, в дальнейшем на территории России он неоднократно продлевался. На Украину в соответствии с требованиями прокуратуры и позицией суда, изложенной в постановлении о возвращении дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения, было направлено три запроса об оказании правовой помощи. Общий объем предоставленной в рамках взаимодействия информации составил более 200 листов процессуальных документов. Несмотря на это, дело в суд для рассмотрения по существу так и не было направлено, оно было прекращено в связи со смертью обвиняемого спустя семь лет с момента совершения преступления.

Еще одной темой для обсуждения должна стать такая часто применяемая в международной практике деятельности органов предварительного следствия МВД России форма сотрудничества, как выда-

ча лица для уголовного преследования. Механизм экстрадиции на сегодняшний день требует существенной правовой доработки.

Фактически экстрадиционная проверка – это совокупность уголовно-процессуальных действий, проводимых компетентными органами запрашиваемого государства в отношении лиц, находящихся в международном (межгосударственном) розыске, направленных на установление обстоятельств, которые могут повлиять на принятие решения о фактическом исполнении просьбы запрашивающего государства о выдаче.

Применительно к российскому уголовному судопроизводству такие процессуальные и организационные действия производятся органами прокуратуры. Порядок проведения проверки регламентирован указанием Генерального прокурора Российской Федерации от 18 октября 2008 г. № 212/35 «О порядке работы органов прокуратуры Российской Федерации по вопросам выдачи лиц для привлечения к уголовной ответственности или исполнения приговора и передачи лиц, совершивших общественно опасные деяния, для проведения принудительного лечения».

В настоящее время сложилась ситуация, когда международные договоры содержат лишь общие положения о порядке осуществления экстрадиции, многие вопросы законодательно не урегулированы, в том числе порядок и срок задержания, порядок исчисления сроков заключения под стражу, в том числе при выдаче лиц Российской Федерации в ходе экстрадиции. Кроме того, необходимо отметить, что договорными отношениями взаимодействующих сторон не определен объем документов, который обязана и может в интересах следствия предоставить запрашивающая сторона для решения вопроса о выдаче.

По сложным уголовным делам, по которым обвиняемыми являются лидеры или члены организованных преступных групп, предоставление таких материалов без гарантии о выдаче запрашиваемого лиц, при невозможности предъявления обвинения и допроса таких лиц в рамках запроса о правовой помощи, безусловно, может нанести вред интересам расследования.

По одному из уголовных дел, возбужденных в отношении организатора преступного сообщества, объем дополнительных запрошенных доказательств его причастности к совершению преступления составил более 300 листов, при этом сумма денежных средств, затраченных на перевод этих документов, превысила 80 тыс. руб. Несмотря на это, запрос по существу рассмотрен не был, лидер преступного сообщества не был выдан российской стороне, что негативно повлияло на

результаты рассмотрения в суде дела в отношении оставшихся на территории России членов сообщества, дало возможность финансировать из-за рубежа оказание давления на свидетелей. В практической деятельности такие примеры не единичны, а значит, в полной мере задача международного сотрудничества по борьбе с организованными формами преступности не выполняется.

Следует признать, что принципы российского уголовного процесса не противоречат принципам международного правового сотрудничества и способствуют реализации его целей. Однако можно сделать вывод о том, что существующих форм международного сотрудничества по уголовным делам явно недостаточно. Перечисленная проблематика требует выработки юридическим научным сообществом новых предложений по совершенствованию международно-правового сотрудничества.

ПРИЗНАНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ НЕДОПУСТИМЫМИ: К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА В СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНА РОССИИ

С. А. Сущенко¹

Допустимость доказательств в уголовном процессе является фактором, во многом обуславливающим их достоверность. Допускаемые нарушения иного характера, связанные с несоблюдением формальной процедуры получения доказательств, может повлечь такое последствие, как нарушение права подозреваемого, обвиняемого на защиту, т. е. несоблюдение одного из принципов уголовного судопроизводства, что автоматически должно исключать использование их в доказывании. Таким образом, обеспечение допустимости доказательств является одной из важнейших задач досудебных стадий уголовного судопроизводства.

Часть 1 ст. 75 УПК РФ установила признак недопустимости доказательств. В соответствии с этой правовой нормой недопустимыми являются доказательства, полученные с нарушением требований, установленных названным кодексом. Приведенная в ст. 75 УПК РФ формулировка объективно создает для стороны защиты вполне за-

¹ Адъюнкт Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя. © Сущенко С. А., 2016.

конную возможность злоупотребления многочисленным и неоднократным заявлением ходатайств об исключении практически каждого доказательства по формальным основаниям, что ведет к неоправданному затягиванию как предварительного расследования, так и судебных стадий. Недопустимыми могут быть признаны доказательства, имеющие дефекты чисто «технического» характера, при этом исправление «технического» дефекта доказательства практически невозможно. Возникает объективная необходимость более глубокого исследования содержания критериев признания доказательств недопустимыми и возможности введения в законодательство своего рода исключений из правила о недопустимости доказательств.

В этом смысле заслуживают внимания подходы к решению вопросов, связанных с недопустимостью доказательств, которые сложились в государствах основных правовых систем с долговременной историей развития уголовно-процессуального законодательства.

Например, УПК Франции содержит самое общее положение, касающееся исключения недопустимых доказательств. Статья 427 этого кодекса устанавливает: «За исключением случаев, когда закон предусматривает иное, преступление может быть доказано любым видом доказательств, которые судья оценивает в соответствии с его внутренней убежденностью». Обобщающее положение, подобное ч. 1 ст. 75 УПК РФ, в УПК Франции отсутствует. В вопросах допустимости доказательств суды ориентируются на позиции Европейского Суда по правам человека, о чем прямо говорится в исследовании Кассационного суда Франции 2004 г.¹ Хотя право Франции, в том числе и уголовно-процессуальное, не характеризуется как прецедентное, однако национальная судебная практика оценки допустимости доказательств по уголовным делам в значительной степени основана на толковании Кассационным судом Франции ситуаций по конкретным уголовным делам применительно к критериям ЕСПЧ, приводимым в его текущей судебной практике, а в последнее время – также в соответствующем руководстве ЕСПЧ². Таким образом, в случаях отсутствия прямой оговорки в законе о недопустимости того или иного дока-

¹ «La loyauté de la preuve (à travers quelques arrêts récents de la chambre criminelle)» // URL: https://www.courdecassation.fr/publications_26/rapport_annuel_36/rapport_2004_173/deuxieme_partie_tudes_documents_176/tudes_diverses_179/travers_quelques_6401.html.

² Practical Guide on Admissibility Criteria. The 3-th ed. // Council of Europe. – Strasbourg, 2014.

зательства в случае нарушения правил его получения у судьи остается определенная возможность личного усмотрения при решении вопроса об исключении доказательств в законе.

В УПК ФРГ, в отличие от УПК России, также нет специальной нормы, касающейся признания доказательств недопустимыми. В теории уголовно-процессуального права этого государства чаще всего недопустимость доказательств классифицируется на связанную с запретом: 1) предмета доказывания; 2) средства доказывания; 3) методов доказывания¹. Запрет предмета доказывания связан с преюдицией и погашенными судимостями; запрет средств доказывания обусловлен особым правовым статусом лица, в отношении которого проводится следственное или судебное действие (например, допрос лица, обладающего свидетельским иммунитетом, или имеющего по закону право отказаться от дачи показаний по личной или профессиональной причине). Запрет методов доказывания базируется на положениях § 136а о запрещенных методах допроса, при этом, в отличие от ст. 9 УПК РФ, названная норма УПК ФРГ не ограничивается общим указанием на недопустимость унижения человеческого достоинства, создания опасности для жизни и здоровья человека, а применения насилия, пыток и другого жестокого или унижающего человеческого достоинство обращения, а содержит достаточно детальный перечень запрещаемых действий (интересно, наряду с запретом пыток, физического или психического воздействия, рассматриваемая правовая норма прямо упоминает о недопустимости обмана, обещания не предусмотренных законом льгот, введения допрашиваемого в состояние гипноза и др.). К этой же группе недопустимых доказательств относятся такие, которые получены: с нарушением правил, специально установленных для производства отдельных следственных действий (например, требующих предварительного судебного разрешения или последующей безотлагательной судебной проверки); провокации со стороны полиции или иного правоохранительного органа; фальсификации доказательств. Абсолютно недопустимыми закон считает доказательства, полученные с нарушением права обвиняемого на защиту (§ 168с, 168d УПК ФРГ). В уголовном процессе ФРГ в подходах к оценке доказательств как недопустимых просматривается определенная общность с подходами российского УПК. Вместе с тем, имеются особенности в процедуре исключения недопустимых доказательств.

¹ Барабанов П. К. Уголовный процесс ФРГ. М. : Спутник+, 2014. С. 129.

Так, если решение об исключении доказательств по УПК РФ может иметь место как в стадии подготовки к судебному заседанию, так и в стадии судебного разбирательства в суде первой инстанции, в ФРГ исключение недопустимых доказательств возможно только в процессе судебного разбирательства в суде первой инстанции.

В США, как известно, не существует кодифицированного уголовно-процессуального закона; в каждом штате имеется свой уголовно-процессуальный кодекс, по правилам которого осуществляется уголовное судопроизводство в пределах юрисдикции штата; на федеральном уровне суды опираются на Федеральные правила о доказательствах (Federal Rules of Evidence) и Федеральные правила уголовного судопроизводства (Federal Rules of Criminal Procedure)¹, а также на отдельные нормы главы 18 Свода законов США (18 US Code). Суды первой инстанции штатов широко используют прецедентную практику соответствующих верховных судов, а федеральные суды – Верховного суда США. Общее правило об исключении доказательств (exclusionary rule) сформулировано в 1961 г. Верховным судом США в решении по делу Мэпп против штата Огайо (Mapp v. Ohio)².

Согласно этому решению сущность рассматриваемого правила состоит в том, что исключению подлежат любые доказательства, полученные полицией с нарушением правила их собирания, и такое правило необходимо для удержания сотрудников правоохранительных органов от нарушения конституционных прав личности (таким образом, правило носит определенную профилактическую направленность) и сохранения целостности судебной власти, т. е. направлено на то, чтобы «гарантировать, что суды не станут пособниками в деле нарушения конституционных прав личности, принимая к рассмотрению доказательства, которые были получены в результате таких нарушений, и принимая решения на основе неправомерно добытых доказательств»³.

Однако в уголовно-процессуальном праве США существует целый ряд изъятий из правила об исключении доказательств, например, в случаях так называемого «добросовестного заблуждения» («Good Faith» Exemption); изъятие, касающееся процессуально опороченных доказательств (impeachment evidence exemption); исключение, касающееся производных доказательств, которое в сущности является исключением из известной доктрины «плодов отравленного дерева»

¹ URL: <https://www.law.cornell.edu/rules/frcrmp>.

² 367 U.S. 634 (1961).

³ Бернам У. Правовая система США: 3-й вып. М. : Новая юстиция, 2006. С. 499.

(«fruits of the poisonous tree» doctrine) и др. Совокупность изложенных факторов с учетом еще и того, что верховные суды штатов зачастую создают несогласованные прецеденты, а прецеденты Верховного суда США обязательны для судов штатов лишь по вопросам федерального законодательства, объективно обусловило положение, при котором судьи судов как первой, так и апелляционной инстанции, имеют достаточно большую свободу личного усмотрения по оценке допустимости доказательств.

В Великобритании так же, как и в США, нет кодифицированного уголовно-процессуального закона. В исследуемом вопросе определяющее значение имеет прецедентная практика Апелляционного суда и Верховного суда, кроме того, в Великобритании началом уголовного процесса считается предъявление обвинения в суде. Предшествующая деятельность по расследованию преступлений в большей степени рассматривается как административная (не следует отождествлять содержание административной деятельности в России и Великобритании). Однако, несмотря на определенную общность государственных правовых систем, в Великобритании правило признания недопустимости доказательств основано на совершенно иной концепции, нежели в США. Ее сущность состоит в том, что суд основной целью правосудия должен считать установление истины и «открытие вины».

Правовую основу такой концепции образует ст. 78 Закона о полиции и доказательствах по уголовным делам¹, согласно которой суд, с учетом обстоятельств получения, не должен допускать те доказательства, которые могут оказать негативное влияние на справедливость судебного разбирательства. Такой подход означает приоритет защиты обвиняемого над защитой частной жизни. Вместе с тем, необходимо отметить, что процедурные вопросы, связанные с получением сведений, которые могут быть использованы в доказывании, урегулированы гораздо скрупулезнее, нежели в США и России. Достаточно сказать, что допрос как следственное действие регулируется не только статутами, но и так называемыми кодексами практики, формально являющимися нормами делегированного законодательства, исходящими от исполнительной власти. Данное обстоятельство существенно облегчает положение судьи при решении вопроса о допустимости доказательств.

¹ URL: [http:// www.legislation.gov.uk/ukpga/1984/60/contents](http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1984/60/contents).

Такое разнообразие взглядов на критерии и порядок признания доказательств недопустимыми представляет серьезный интерес для подробного научного исследования в целях выявления наиболее приемлемых правовых подходов к рассматриваемым вопросам и последующего использования полученных результатов для дальнейшего совершенствования отечественного уголовно-процессуального закона и, как следствие, оптимизации следственной и судебной практики.

ПОТЕРПЕВШИЙ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ПОНЯТИЕ И ЕГО ПРИЗНАКИ

П. В. Фадеев¹

Уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации называет в качестве основного признака понятия потерпевшего физический, материальный и моральный вред для физического лица; вред, причиненный имуществу и деловой репутации, – для юридического лица (ч. 1 ст. 42 УПК РФ). Однако такой подход существенно ограничивает права и законные интересы потерпевшего, не учитывает квалификацию и состав преступления, влечет за собой появление в литературе существенно различающихся между собой понятий потерпевшего.

По мнению Я. О. Мотовилокера, понятие вреда, о котором идет речь в уголовно-процессуальном праве, есть понятие материально-правовое, показывающее, какому охраняемому законом благу нанесен вред и кто является его субъектом². «Точное определение понятия вреда и четкое разграничение его видов, – считают Е. Н. Клещина и Д. В. Шаров, – влияет не только на квалификацию преступлений в уголовном праве, но и на правильность признания лица потерпевшим в уголовном судопроизводстве, поскольку вред, причиненный преступлением, является единственным основанием такого признания³. В настоящее время по данному вопросу можно выделить несколько

¹ Профессор кафедры предварительного расследования Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент. © Фадеев П. В., 2016.

² Мотовилокер Я. О. Понятие потерпевшего в советском уголовном процессе // Правоведение. – 1969. – № 3. – С. 48–50.

³ Клещина Е. Н., Шаров Д. В. Участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве : монография. М. : Юрлитинформ, 2012. С. 30

точек зрения. Одни авторы, используя предложенные законодателем физический, материальный, моральный вред, предлагают расширить понятие потерпевшего за счет замены или дополнения некоторых видов вреда. Так, А. В. Абабков считает, что указанные в ч. 1 ст. 42 УПК РФ физический, имущественный и моральный вред целесообразно дополнить психическим вредом¹. Некоторые ученые полагают необходимым расширить и заменить термины «имущественный вред» на «материальный»² или «экономический»³, а «моральный вред», – на «психический вред», «неимущественный вред» или «субъективные потери»⁴.

Другие юристы, отмечая невозможность определить указанными в законе видами вреда понятие потерпевшего, дополняют его другими свойствами. Так, по мнению В. П. Божьева, «потерпевшим в уголовно-процессуальном смысле слова является дееспособный гражданин, которому преступлением непосредственно причинен или мог быть причинен (если бы преступление было доведено до конца) моральный, физический или имущественный вред»⁵. Л. В. Брусницын предлагает более конкретизированное определение: потерпевшими признаются «физические и юридические лица, которым причинен физический, материальный и моральный вред преступлением или общественно опасным деянием невменяемого, а равно, если приготовлением к указанным деяниям или покушением на них была создана угроза причинения такого вреда»⁶.

Третья группа юристов полагает, что потерпевшим лицо становится не потому, что ему причин физический, имущественный или

¹ Абабков А. В. Процессуальное положение потерпевшего в уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 48–49.

² Булгаков Д. Б. Потерпевший в уголовном праве и его криминологическая характеристика : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2000. С. 14.

³ Голиков О. В. Совершенствование российского законодательства в сфере защиты потерпевшего в уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 92.

⁴ Сидоренко Э. Л. Отрицательное поведение потерпевшего и уголовный закон. СПб., 2003. С. 23–24; Кузнецова Н. В. Проблемы компенсации морального вреда в уголовном процессе : монография. Ижевск, 1999. С. 11.

⁵ Божьев В. П. Потерпевший в советском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1963. С. 4.

⁶ Брусницын Л. В. Обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию: мировой опыт и развитие российского законодательства (процессуальное исследование). М. : Юрлитинформ, 2010. С. 70.

моральный вред, а потому, что были нарушены его права и законные интересы. По их мнению, при определении потерпевшего следует физический, имущественный и моральный вред заменить на более широкое понятие: «нарушение прав и законных интересов», чтобы у правоприменителя не возникало необходимости уточнять, какой именно вред причинен преступлением и подпадает ли он под предусмотренные законом категории, необходимые для признания потерпевшим¹. На взгляд Е. М. Николаева, «под потерпевшим в уголовном процессе следует понимать любое физическое или юридическое лицо, чьи права и законные интересы нарушены, либо поставлены под угрозу нарушения в результате совершения преступления»².

Наиболее перспективной и заслуживающей внимание представляется точка зрения четвертой группы ученых, полагающих, что гражданин имеет целый ряд прав и законных интересов, предоставленных человеку Конституцией Российской Федерации, иными правовыми актами и не охватывающих вред, указанный в ч. 1 ст. 42 УПК РФ³. Так, по мнению С. А. Синенко, потерпевшими являются «физическое лицо, которому уголовно наказуемым деянием причинен физический, имущественный, моральный или иной вред, а также организация в случае причинения преступлением вреда ее имуществу и (или) деловой репутации или иного вреда»⁴.

Следует отметить, что в юридической литературе нет единого понимания иного вреда. Под ним понимают вред, входящий в преступные последствия деяния, совершенного виновным⁵, нарушение охраняемого законом интереса⁶, права и законные интересы физических или юридических лиц. Как полагают Е. Н. Клещина и

¹ Чекулаев Д. П. Потерпевший: доступ к правосудию и компенсация причиненного ущерба. М. : Юрлитинформ, 2006. С. 34.

² Николаев Е. М. Восстановление прав и законных интересов потерпевших в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Уфа. С. 8.

³ Ендольцева А. В. Институт освобождения от уголовной ответственности: проблемы и пути их решения. М., 2004. С. 102.

⁴ Синенко С. А. Обеспечение прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве: теоретические, законодательные и правоприменительные проблемы : автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. М., 2014. С. 11.

⁵ Гаджиева А. А. Понятие потерпевшего в уголовном праве: проблемы, дискуссии, обсуждения // Государство и право. – 2006. – № 4. – С. 106.

⁶ Кокорев Л. Д. Потерпевший от преступления. Воронеж, 1964. С. 8; Закатов А. А. Тактика допроса потерпевшего на предварительном следствии : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Одесса, 1971. С. 7.

Д. В. Шаров, при признании лица потерпевшим необходимо учитывать следующие основания: «физическое лицо признается потерпевшим при наличии достаточных оснований полагать, что преступлением ему причинен физический, имущественный и моральный вред либо иное ущемление его прав и законных интересов, охраняемых уголовным законом; юридическое лицо признается потерпевшим при наличии достаточных оснований полагать, что преступлением причинен вред его имуществу, деловой репутации либо иным правам и законным интересам, охраняемых уголовным законом»¹.

По мнению С. В. Анощенковой, принципиальной разницы между причинением вреда и нарушением прав потерпевшего нет. «Причинение вреда может выражаться в нарушении прав. Вред – это «материализованное» выражение нарушения прав, свобод и законных интересов потерпевших, результат посягательства на них, причем не всегда зримый»². В этом отношении представляет интерес понятие потерпевшего, предложенное Ю. А. Анишиной. По ее мнению, «потерпевшим по делам частного и частно-публичного обвинения является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также иной вред его правам и законным интересам, или имелась реальная угроза его причинения, а также юридическое лицо при совершении в отношении него преступлений, предусмотренных частью 1 статьи 146 и частью 1 статьи 147 УК РФ, в случае причинения ему имущественного вреда в крупном размере, предъявившие требование о возбуждении уголовного дела частного или частно-публичного обвинения»³.

Следует отметить, что использование в качестве основного признака понятия потерпевшего определенные законом и нарушенные преступлением материальные и нематериальные блага, в числе которых конкретные виды вреда, субъективные права и законные интересы участников уголовного судопроизводства, обусловлена международными и национальными нормами права, основными целями и задачами уголовного и уголовно-процессуального законодательствами, законными интересами лиц, пострадавших в результате преступления.

¹ Клещина Е. Н., Шаров Д. В. Участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве. С. 36–37, 48.

² Анощенкова С. В. Уголовно-правовое учение о потерпевшем / под ред. Н. А. Лопашенко. М.: Волтерс Клувер, 2006.

³ Анишина Ю. А. Обеспечение прав и законных интересов потерпевшего по уголовным делам частного и частно-публичного обвинения в досудебном производстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 17 – 18.

Так, в п. 1 Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью указывается: «Под термином «жертвы» понимаются лица, которым индивидуально или коллективно был причинен вред, включая телесные повреждения или моральный ущерб, эмоциональные страдания, материальный ущерб или существенное ущемление их основных прав в результате действия или бездействия, нарушающего действующие национальные уголовные законы, включая законы, запрещающие преступное злоупотребление властью».

Анализ уголовного и уголовно-процессуального законодательства указывает на необходимость правовой помощи потерпевшему не только в случаях получения им физического, имущественного или морального вреда, но и нарушения его прав и законных интересов. Например, в уголовном кодексе имеются формулировки, которые говорят о деяниях, повлекших существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций (ч. 2 ст. 142, ч. 1 ст. 203, ч. 1 ст. 285, ч. 1 ст. 286, ч. 1 ст. 288, ч. 2 ст. 292 УК РФ). Как указывается в УПК РФ, назначением уголовного судопроизводства является защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступления, защита личности от ограничения ее прав и свобод (пп. 1, 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ). «Вред, причиненный лицу в результате нарушения его прав и свобод судом, а также должностными лицами, осуществляющими уголовное преследование, – отмечается в ч. 4 ст. 11 УПК РФ, – подлежит возмещению по основаниям и в порядке, которые установлены настоящим Кодексом».

Такой подход позволяет при определении понятия потерпевшего, во-первых, не учитывать квалификацию преступления: «необходимо прибегать не только к толкованию норм уголовно-процессуального права, но и к анализу конкретного состава преступления»¹. Это связано с тем, что в понятие потерпевшего не вмещаются некоторые охраняемые уголовным законом интересы и права граждан (политические, трудовые), что осложняет работу правоприменителя².

Поэтому указание в понятии потерпевшего не только на установленные законом виды вреда, но и иное нарушение его прав и законных интересов, охраняемых уголовным законом, позволит охватить признаки различных составов преступлений.

¹ Божьев В. П. Избранные труды. М. : Юрайт, 2010. С. 102.

² Мотовиловкер Я. О. Вопросы теории советского уголовного процесса. – Томск, 1971. С. 97; Чекулаев Д. П. потерпевший: доступ к правосудию и компенсация причиненного ущерба. М. : Юрлитинформ, 2006. С. 33.

Во-вторых, учитывать законные интересы потерпевшего при неоконченном преступлении вне зависимости от фактического причинения вреда. В настоящее время вопрос о признании лица потерпевшим при неоконченном преступлении решается положительно только в случае причинения ему реального вреда. Так, в уголовно-процессуальном законодательстве подчеркивается, что вред преступлением должен быть причинен (ч. 1 ст. 42 УПК РФ), а при производстве по уголовному делу подлежат доказыванию характер и размер причиненного вреда (п. 4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ). Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 29 июня 2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» разъяснил, что «если совершенное преступление являлось неоконченным (приготовление к тяжкому или особо тяжкому преступлению или покушение на преступление), суду при решении вопроса о признании лица потерпевшим следует установить, в чем выразился причиненный вред. При этом не исключается возможность причинения такому лицу морального вреда в случаях, когда неоконченное преступление было направлено против конкретного лица».

Иными словами, при определении понятия потерпевшего указание на то, что вред мог быть причинен (если бы преступление было доведено до конца) или покушением создана угроза его причинения, не может иметь места, так как законодатель установил обязательность наличия не только реального вреда, но и его вид и размер. Данную точку зрения поддерживают некоторые ученые, указывая на отсутствие оснований признания лица потерпевшим, в случае, если приготовление или покушение на преступление не причинило ему вред¹.

Вместе с тем, любое неоконченное преступление, не причинившее вред по обстоятельствам, не зависящим от виновного, по своей сущности является общественно опасным деянием, посягающим на материальные и нематериальные блага, права и свободы человека и гражданина, собственность, общественный порядок и общественную безопасность, представляет опасность для личности, общества и государства. По мнению А. М. Ларина, «само покушение или приготовление к преступлению – это уже возникновение опасности и, следовательно, есть вред. И лицо, признанное потерпевшим, безусловно,

¹ Шейфер С. А., Лазарева В. А. Участие потерпевшего и его представителя на предварительном следствии : учебное пособие. Куйбышев, 1979. С. 14–15; Булгаков Д. Б. Потерпевший в уголовном праве и его криминологическая характеристика : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2000. С. 12 и др.

может быть заинтересовано в изобличении и наказании виновного, хотя бы для того, чтобы подобное посягательство не могло иметь место в последующем»¹.

В связи с этим непризнание лица потерпевшим при неоконченном преступлении, не причинившее вред по обстоятельствам, не зависящим от виновного, нарушает конституционное право потерпевшего на доступ к правосудию, игнорирует его законные интересы. Как отмечает Д. П. Чекулаев, «непризнание потерпевшим в случае отсутствия фактического причинения ему вреда (неважно, оконченным либо неоконченным является преступление) не в полной мере отражает интересы лица, в отношении прав и законных интересов которого планировалось совершение преступления»².

С другой стороны, отсутствие какого-либо вреда, за исключением морального, особенно при неоконченном преступлении, полностью зависит от субъективного усмотрения потерпевшего на происшедшее деяние, его психического состояния и эмоциональной напряженности после совершенного преступления. В такой ситуации лицо, пострадавшее от преступления, может быть не заинтересовано в изобличении и наказании виновного. В уголовном судопроизводстве зависимость от волеизъявления самого лица, пострадавшего от преступления, наблюдается при признании лица гражданским истцом (ст. 44 УПК РФ).

Поэтому при совершении неоконченного преступления, в случае отсутствия или только создания угрозы причинения конкретному лицу морального, физического или имущественного вреда (а в случае с юридическим лицом – причинением преступлением вреда его имуществу, деловой репутации) основанием для признания лица потерпевшим и, соответственно, возложение на него соответствующих прав и обязанностей, может быть не только причинение ему какого-либо вреда или угроза нарушения его прав, но и волеизъявление самого лица, подвергшегося посягательству³.

В-третьих, признавать лицо потерпевшим в случае причинения ему вреда общественно опасным деянием, запрещенным уголовным законом, а не только преступлением. Такая постановка вопроса обу-

¹ Защита прав потерпевшего в уголовном процессе (сравнительное исследование) / под ред. А. М. Ларина. М., 1993. С. 59.

² Чекулаев Д. П. Потерпевший: доступ к правосудию и компенсация причиненного ущерба. С.42–43.

³ Шадрин В. С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений. М., 2000. С. 164; Клещина Е. Н., Шаров Д. В. Участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве. С. 40–42.

словлена, с одной стороны, неразрывной связью причиненного потерпевшему вреда с совершенным общественно опасным деянием, с другой – отсутствием состава преступления, например, при совершении противоправного деяния лицом, находящимся в состоянии невменяемости или не достигшим возраста уголовной ответственности.

В соответствии с ч. 1 ст. 14 УК РФ преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное Уголовным кодексом под угрозой применения наказания. Именно этот термин законодатель использовал в ч. 1 ст. 42 УПК РФ, формулируя понятие потерпевшего. Однако действия лиц, находящихся в состоянии невменяемости, душевно больных, не достигших к моменту совершения преступления возраста уголовной ответственности, не могут именоваться преступлением, к ним не применяется уголовное наказание¹ и, соответственно, не может быть потерпевшего².

Вместе с тем, с точки зрения уголовного процесса, реально существует лицо, которое не только получило вред в результате общественно опасного деяния, запрещенного законом под угрозой применения наказания, но и имеет законные интересы, направленные на восстановление прав, обладает определенным правовым статусом. Как отмечает В. П. Божьев, «для признания гражданина потерпевшим необходимо, чтобы он претерпел такой вред, причинение которого запрещается нормой материального закона, по которой квалифицируется действие виновного, и чтобы вред был причинен именно тому лицу, нарушение интересов которого предусматривает данная норма»³. Следовательно, имеются все основания для признания лица потерпевшим и, соответственно, обеспечения его права на возмещение вреда в ходе уголовного судопроизводства, но без привлечения, например, невменяемого лица к уголовной ответственности, совершившего общественно опасное деяние, запрещенное Уголовным кодексом.

Об этом говорят многие ученые⁴, отмечается в решениях Верховного Суда Российской Федерации. Так, в п. 2 постановления Пленума

¹ Уголовное право России. Части Общая и Особенная : учебник / под ред. А. И. Рарога. 7-е изд., перераб. и доп. С. 119–120.

² Мартыненко Н. Э. Конфликт уголовно-правового и уголовно-процессуального статуса потерпевшего // Российский следователь. – 2012. – № 1. – С. 44 – 45.

³ Божьев В. П. Избранные труды. С. 105.

⁴ Шадрин В. С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений. С. 161; Клещина Е. Н., Шаров Д. В. Участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве. С. 48; Синенко С. А. Обеспечение прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве: теоретические, законодательные и правоприменительные проблемы. С. 46.

Верховного Суда Российской Федерации «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» содержится категоричное утверждение по данному вопросу: «Судам следует иметь в виду, что вред потерпевшему может быть причинен как преступлением, так и запрещенным уголовным законом деянием, совершенным лицом в состоянии невменяемости». Представляется, что такая позиция полностью согласуется с Декларацией основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью, в которой отмечается, что причинение вреда или существенное ущемление основных прав жертвы преступления осуществляются «в результате действия или бездействия, нарушающего действующие национальные уголовные законы».

Поэтому более предпочтительным представляется унифицировать в ч. 1 ст. 42 УПК РФ формулировку оснований для признания лица потерпевшим, дополнив слово «преступлением» словосочетанием «или запрещенным уголовным законом деянием». На основании вышеизложенного представляется обоснованным понятие потерпевшего изложить в следующей редакции: «1. Потерпевшим является физическое или юридическое лицо, которому преступлением или запрещенным уголовным законом деянием причинен физический, имущественный или моральный вред либо иной вред его правам и законным интересам».

СООТНОШЕНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ СУБЪЕКТОВ РАССЛЕДОВАНИЯ

И. И. Федулова¹

Главным назначением уголовного судопроизводства является защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений. Обеспечивается данная задача путем возложения обязанности на специально уполномоченных субъектов уголовно-процессуальной деятельности по выявлению, обнаружению и привлечению к уголовной ответственности лиц, совершивших преступления. Законодатель в тексте УПК РФ определил этих уполномоченных лиц, именовав их субъектами предварительного расследования.

¹ Преподаватель кафедры предварительного расследования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя. © Федулова И. И., 2016.

В уголовном судопроизводстве России существуют две формы предварительного расследования – предварительное следствие и дознание, каждая из которых имеет свои особенные отличительные черты. Указанные две формы различаются между собой, прежде всего, субъектами расследования. Субъектом производства дознания является дознаватель, но производить дознание в соответствии с п. 8 ст. 5 УПК РФ может и следователь. Субъектом предварительного следствия является следователь.

В литературе неоднократно высказывались различные точки зрения относительно соотношения процессуальных полномочий рассматриваемых субъектов расследования, однако единого мнения по данному вопросу до сих пор нет, что актуализирует проблему, предлагаемую к рассмотрению¹.

Следует отметить, что дознаватель, так же, как и следователь, отнесен законодателем к участникам уголовного судопроизводства со стороны обвинения. Вместе с тем, ученые-процессуалисты совершенно справедливо отмечают незаслуженное ограничение данных субъектов в их процессуальной самостоятельности по сравнению со следователем².

В соответствии с п. 1 ч. 3 ст. 41 УПК РФ дознаватель уполномочен самостоятельно производить следственные и иные процессуальные действия и принимать процессуальные решения, за исключением случаев, когда на это требуется согласие начальника органа дознания, согласие прокурора и (или) судебное решение. Если сравнить подобное положение закона, сформулированное применительно к следователю, то и этот субъект в соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ уполномочен самостоятельно направлять ход расследования, принимать решение о производстве следственных и иных процессуальных действий, за исключением случаев, когда в соответствии с УПК РФ требуется получение судебного решения или согласия руководителя следственного органа.

Дознаватель как субъект расследования обязан исполнять указания начальника органа дознания, начальника подразделения дозна-

¹ Авилов А. В. Процессуальное положение и компетенция дознавателя как субъекта доказывания // Общество и право. – 2010. – № 3; Анненкова А. Дознаватель и следователь: должны ли быть одинаковы процессуальные полномочия? // Законность. – 2015. – № 4.

² Гредягин И. В. Понятие и содержание процессуальной самостоятельности дознавателя // Общество и право. – 2010. – № 4.

ния, а также прокурора. Однако законодатель не регулирует ситуацию и не определяет полномочия дознавателя в случае, если от указанных должностных лиц дознавателю могут поступить противоположные указания.

Реализуя предписания УПК РФ, дознаватель практически все свои решения относительно хода расследования и выполнения тех или иных процессуальных действий согласовывает то с начальником подразделения дознания, то с начальником органа дознания, то с прокурором, а в отдельных случаях – и с несколькими должностными лицами одновременно, а также и с судом. Фактически резюмируется, что дознаватель не способен самостоятельно принять законное и обоснованное решение и все свои действия и решения должен постоянно согласовывать.

Заметим, что мы не отрицаем необходимости и целесообразности ведомственного контроля и прокурорского надзора как за производством дознания, так и за деятельностью дознавателя в целом. Однако, по нашему мнению, излишняя опека, боязнь оставить «без глаза» самостоятельного участника уголовного судопроизводства со стороны обвинения в отдельных случаях способствуют созданию условий, затрудняющих дознавателю в полной мере исполнять возложенные на него функциональные обязанности как субъекта расследования, а порой принижает его статус¹.

Некоторые авторы полагают, что дознаватели по сравнению со следователями имеют более низкий уровень профессиональной подготовленности, поскольку около 40 % дознавателей МВД России не имеют высшего образования, что снижает степень защищенности прав граждан, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства². На наш взгляд, такие рассуждения недостаточно обоснованы и неактуальны на сегодняшний день. Заметим, что в системе органов внутренних дел в соответствии с ч. 3 ст. 9 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» на должность дознавателя могут быть назначены лица, имеющие высшее юридическое образование.

¹ Есина А. С., Федулова И. И. К вопросу о процессуальной самостоятельности дознавателя // Вестник Московского университета МВД России. – 2013. – № 2. – С. 13.

² Анненкова А. Дознаватель и следователь: должны ли быть одинаковы процессуальные полномочия? // Законность. – 2015. – № 4. – С. 48.

В соответствии с ч. 1 ст. 165 УПК РФ в случаях, предусмотренных пп. 4–9, 10, 11 и 12 ч. 2 ст. 29 УПК РФ, следователь с согласия руководителя следственного органа, а дознаватель с согласия прокурора возбуждает перед судом ходатайство о производстве следственного действия, требующее судебного согласия, о чем выносится постановление. Таким образом, если дознавателю необходимо произвести выемку предметов и документов, содержащих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну, а также предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах граждан в банках и иных кредитных организациях, он должен согласовать свое ходатайство с прокурором, а потом обратиться в суд за разрешением. По результатам проведенного нами опроса 37 сотрудников подразделений дознания по г. Москве установлено, что процедура получения вышеуказанного согласия прокурора в среднем занимает от двух до четырех часов рабочего времени. При этом во всех случаях обращения дознавателя с подобными ходатайствами судья не отказывал в производстве процессуального действия.

Не вызывает сомнений тот факт, что, поддерживая ходатайство дознавателя в суд, надзирающий прокурор, изучая материалы уголовного дела, оценивая достаточность оснований для производства следственного действия, использует ситуацию для осуществления прокурорского надзора за производством дознания. Однако заметим, что прежде чем обратиться к прокурору, дознаватель вначале согласовывает ходатайство в суд с непосредственным начальником – начальником подразделения дознания, который так же, как и прокурор, использует данную ситуацию для осуществления процессуального контроля. Такая «двойная проверка» законности и обоснованности решений дознавателя о производстве следственного действия, требующего судебного согласия (т. е. проходящего и судебный контроль), – не много ли? Неужели недостаточно процессуального контроля? Есть ли необходимость затрачивать рабочее время на получение промежуточного процессуального решения – согласия прокурора – если окончательное решение по ходатайству принимает только суд?¹ У практических сотрудников подразделений дознания закономерно возникает вопрос: почему дознаватель не может согласовать свое ходатайство в

¹ Есина А. С., Федулова И. И. К вопросу о процессуальной самостоятельности дознавателя // Вестник Московского университета МВД России. – 2013. – № 2. – С. 14.

суд только с начальником подразделения дознания? Представляется, что реализация данного предложения более оптимизировала бы деятельность дознавателя. Во всяком случае затрат времени было бы потрачено гораздо меньше, а эффективность контроля за деятельностью дознавателя ни в коей мере не пострадала бы. Целесообразно дополнить положение ч. 1 ст. 165 УПК РФ в части, касающейся необходимости для дознавателя согласовывать ходатайства в суд только у начальника подразделения дознания.

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о полномочиях дознавателя по обжалованию решений и указаний надзирающего прокурора. В соответствии ч. 4 ст. 41 УПК РФ дознаватель в случае, когда он не согласен с указаниями надзирающего прокурора, вправе обжаловать их вышестоящему прокурору. Та же норма закона содержит положение о том, что обжалование данных указаний вышестоящему прокурору не приостанавливает их исполнения.

Следует признать, что законодательное регулирование подобной ситуации применительно к деятельности следователя более логично и последовательно. Так, в соответствии с п. 5 ч. 2 ст. 38 УПК РФ следователь с согласия руководителя следственного органа в порядке, установленном ч. 4 ст. 221 УПК РФ, вправе обжаловать решение прокурора об отмене постановления о возбуждении уголовного дела, о возвращении уголовного дела следователю для производства дополнительного следствия, о изменении объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или пересоставления обвинительного заключения и устранения выявленных недостатков.

В ч. 4 ст. 221 УПК РФ конкретно определен механизм и сроки подобного обжалования для следователя. При этом выполнение оспариваемого указания надзирающего прокурора приостанавливается.

Изучение правоприменительной практики по рассматриваемому вопросу позволяет сделать вывод о том, что дознаватели, как правило, не обжалуют решения вышестоящему прокурору, считая это бесперспективным занятием и не видя в этом целесообразности, поскольку указание надзирающего прокурора, которое вызвало спор, подлежит исполнению в любом случае.

По мнению Д. Васильева, расплывчатая формулировка полномочий дознавателя по обжалованию решений надзирающего прокурора, а также неясность в необходимости исполнения данных им указаний, которые фактически обжалованы вышестоящему прокурору, могут привести, например, к нарушениям процессуальных сроков содержа-

ния обвиняемого под стражей, а также гарантированного ему Конвенцией о защите прав человека и основных свобод права на рассмотрение дела судом в разумный срок¹. Следует согласиться с этим мнением и поддержать предложение о дополнении ст. 226 УПК РФ положением о том, что обжалование вышеуказанных решений прокурора дознавателем должно осуществляться в том же порядке, который установлен в ч. 4 и 5 ст. 221 УПК РФ для следователя (только с согласия начальника органа дознания).

Полагаем, назрела необходимость расширить процессуальные полномочия дознавателя, изменив отдельные положения УПК РФ в этой части. На наш взгляд, такие изменения могут значительным образом повысить эффективность производства расследования в форме дознания и укрепить процессуальный статус и самостоятельность дознавателя.

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ОКОНЧАНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ДОЗНАНИЯ СОСТАВЛЕНИЕМ ОБВИНИТЕЛЬНОГО АКТА И ОБВИНИТЕЛЬНОГО ПОСТАНОВЛЕНИЯ

*О. В. Химичева²
Н. А. Шнайдер³*

Действующий с 1 июля 2002 г. УПК РФ не отличается совершенством, поэтому не удивителен тот факт, что еще до его вступления в законную силу в отдельные статьи начали вноситься изменения с целью устранения ошибок и возникающих коллизий правовых норм.

Одним из спорных и проблемных является вопрос о порядке окончания производства по уголовному делу в форме дознания с обвинительным актом и обвинительным постановлением. Выделив в УПК РФ главы 32 «Дознание» и 32.1 «Дознание в сокращенной форме», законодатель подчеркнул отличие проведения расследования в форме предварительного следствия от производства расследования в

¹ Васильев Д. Полномочия дознавателя при возвращении уголовного дела прокурором // Законность. – 2010. – № 1. – С. 15.

² Начальник кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор. © Химичева О. В., 2016.

³ Слушатель Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, заместитель начальника ОД ОМВД России по району Ховрино г. Москвы. © Шнайдер Н. А., 2016.

форме дознания. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 223 УПК РФ дознание производится в порядке, установленном главами 21, 22, 24–29 УПК РФ, с изъятиями, установленными главой 32 УПК РФ, в то время как порядок окончания предварительного следствия с обвинительным заключением регламентируется положениями главы 30 УПК РФ, то есть положения ст. 215–220 УПК РФ не распространяются на производство дознания.

Тогда логично возникает вопрос: каков же порядок и сроки ознакомления с материалами уголовного дела по окончании производства дознания с обвинительным актом и обвинительным постановлением?

В соответствии с ч. 2 ст. 225 УПК РФ «обвиняемый, его защитник должны быть ознакомлены с обвинительным актом и материалами уголовного дела, о чем делается отметка в протоколе ознакомления с материалами уголовного дела», а следуя положениям ч. 3 ст. 225 УПК РФ, аналогичным правом пользуется потерпевший или его представитель, при наличии ходатайств которым «могут быть предоставлены для ознакомления обвинительный акт и материалы уголовного дела в том же порядке, который установлен частью второй для обвиняемого и его защитника». Только сам порядок, к сожалению, законодатель «забыл» или не счел нужным указать, хотя право доступа участников уголовного процесса к материалам досудебного производства является самостоятельным институтом уголовно-процессуального права, обладающим характерным только для него предметом и способом правового регулирования.

В УПК РФ фактически закреплен различный порядок ознакомления с обвинительным актом (обвинительным постановлением) и материалами уголовного дела при производстве дознания в общем порядке и при производстве дознания в сокращенной форме.

В отличие от окончания дознания в общем порядке, законодатель более четко регламентировал порядок окончания дознания в сокращенной форме, установив срок – трое суток для ознакомления с обвинительным постановлением и материалами уголовного дела обвиняемого и его защитника с момента вынесения обвинительного постановления без возможности продления указанного срока (ч. 4 ст. 226.7 УПК РФ). В этот же срок предоставляется возможность ознакомления с материалами уголовного дела потерпевшему и его представителю, т. е. они могут это сделать после ознакомления с материалами уголовного дела обвиняемого и его защитника, что, по нашему мнению, влечет нарушение права обвиняемого на защиту.

Следует также отметить, что ч. 9 ст. 226.7 УПК РФ позволяет продлить срок дознания в сокращенной форме до 20 суток, если нужно пересоставить обвинительное постановление, либо удовлетворить ходатайство, либо провести следственные или иные процессуальные действия. В эти же пять дополнительных суток дознаватель пересоставляет обвинительное постановление и предоставляет обвиняемому и его защитнику, потерпевшему и его представителю возможность ознакомления с пересоставленным обвинительным постановлением и дополнительными материалами уголовного дела и направляет уголовное дело с обвинительным постановлением, утвержденным начальником органа дознания, прокурору.

Поскольку при производстве дознания в общем порядке срок ознакомления с материалами уголовного дела не установлен, то дознаватель обязан предоставить обвиняемому и его защитнику столько времени, сколько им необходимо в рамках разумного срока. При этом срок ознакомления обвиняемого, в отношении которого производство по уголовному делу осуществляется с учетом положений ч. 2 ст. 224 УПК РФ, не ограничен.

Вместе с тем, законодатель, сконструировав ст. 225 УПК РФ «Обвинительный акт», не уточнил, когда именно данный процессуальный документ должен быть утвержден начальником органа дознания, а именно: до предъявления для ознакомления обвиняемому и его защитнику либо после выполнения требований ст.ст. 216, 217 УПК РФ? Нет соответствующих указаний и применительно к дознанию в сокращенной форме.

При рассмотрении данного вопроса стоит вспомнить, что обвинительный акт, как и обвинительное постановление, имеет двойное значение. С одной стороны, это процессуальные документы, придающие лицу статус обвиняемого, и именно из них лицо узнает о предъявленном ему обвинении. С другой стороны, обвинительный акт и обвинительное постановление – решения, завершающие производство по уголовному делу в форме дознания.

Ряд процессуалистов, таких как А. А. Резяпов, Л. Г. Татьяна¹, считают, что после ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела и обвинительным актом (обвинительным

¹ Татьяна Л. Г., Резяпов А. А. Отдельные вопросы окончания производства дознания по уголовным делам путем составления обвинительного акта и обвинительного постановления // Вестник Удмуртского университета. – 2013. – № 3. – С. 177–179.

постановлением), начальник органа дознания утверждает итоговый документ – обвинительный акт или обвинительное постановление, тем самым «ставя точку» в производстве дознания, после чего уголовное дело направляется прокурору.

Есть и другое мнение: поскольку обвинительный акт приобретает юридическую силу только после утверждения прокурором, который может в соответствии с ч. 2 ст. 226 УПК РФ исключить отдельные пункты обвинения, либо переквалифицировать обвинение на менее тяжкое, то выводы по уголовному делу, сделанные дознавателем в обвинительном акте, носят предварительный характер, поэтому процессуальный документ, составляемый дознавателем, следует называть «проект обвинительного акта»¹. С данным утверждением сложно согласиться, поскольку дознаватель по окончании дознания составляет обвинительный акт (обвинительное постановление) как итоговый процессуальный документ, в котором дает правовую оценку действиям лиц, определяет квалификацию содеянному противоправному деянию, излагает добытые доказательства, но никак «не проектирует» обвинение.

Если рассматривать обвинительный акт и обвинительное постановление как итоговые документы с формально-логической позиции, то при предъявлении для ознакомления обвиняемому и его защитнику, а также потерпевшему и его представителю данные процессуальные документы должны отвечать всем требованиям не только по содержанию, но и по форме, т. е. быть утверждены.

Для устранения противоречий, связанных с тем, в какой момент обвинительный акт или обвинительное постановление должны быть утверждены, предлагаем ввести институт привлечения в качестве обвиняемого при производстве расследования в форме дознания, который обеспечил бы право лицу давать показания по существу предъявленного обвинения и пользоваться в полном объеме всеми правами, предоставляемыми обвиняемому в соответствии со ст. 47 УПК РФ. Согласно ч. 3 ст. 224 УПК РФ законодатель разрешает предъявлять обвинение в порядке, установленном главой 23 УПК РФ, если в отношении подозреваемого избрана мера пресечения в виде заключения под стражу и в течение 10 суток не было возможности составить обвинительный акт. Так почему бы не привести нормы УПК РФ в части

¹ Гредягин И. В. Проблемы процессуальной самостоятельности дознавателя при уведомлении о подозрении в совершении преступления и окончании дознания // Общество и право. – 2011. – № 2 (34). – С. 219–221.

данной процедуры к единообразию и не позволить по окончании дознания предъявлять обвинение? Кроме того, предъявив обвинение по окончании дознания, возможно ознакомить потерпевшего и его представителя с материалами уголовного дела, после чего провести ознакомление с материалами уголовного дела обвиняемого и его защитника, а только после этого, составив обвинительный акт, утвердить его у начальника органа дознания и направить прокурору, а утвержденный начальником органа дознания и прокурором обвинительный акт (обвинительное постановление) вручить обвиняемому и его защитнику.

Исходя из предлагаемой процедуры окончания дознания, считаем нецелесообразным устанавливать конкретный срок ознакомления с материалами уголовного дела, за исключением разумного срока. В то же время предложенная новелла позволит сделать процесс расследования в форме дознания более открытым, законным, непротиворечивым основным принципам уголовного судопроизводства.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Алонцева Е. Ю.</i> О процессуальных правоотношениях следователя и суда при производстве следственных действий	3
<i>Андреев А. В.</i> О содержании постановления о привлечении в качестве обвиняемого.....	9
<i>Бабкин Л. М., Лыткин Н. Н.</i> Роль объективной истины в развитии уголовно-процессуального законодательства России	13
<i>Герасимова В. А.</i> О возможной самостоятельности закрепления доказательств в уголовном судопроизводстве	18
<i>Григорьев Д. А.</i> О перспективах дознания в сокращенной форме.....	21
<i>Григорьева Н. В., Юрченко Т. П., Пенькова Т. В.</i> К вопросу о законности при производстве по уголовному делу	24
<i>Даниелян Д. Р.</i> К вопросу об учреждении института следственного судьи в судебной системе Российской Федерации	30
<i>Ермаков С. В., Баусова Ж. А.</i> Возбуждение уголовных дел по преступлениям экономической направленности	34
<i>Заливин А. Н.</i> Новое в институте наложения ареста на имущество	38
<i>Захарова В. К.</i> Институт процессуальных сроков в уголовном процессе России и КНР: сравнительно-правовой анализ.....	43
<i>Калякин О. А.</i> Роль и место апелляции в достижении стратегических целей уголовного судопроизводства.....	47
<i>Карпушов М. А.</i> О некоторых проблемах соотношения правовых статусов представителя и защитника в уголовном судопроизводстве России	50
<i>Макаренко М. М., Мысягина А. Ю.</i> Преступления коррупционной направленности: вопросы квалификации и расследования.....	54
<i>Маламагамедова А. Р.</i> Актуальные проблемы свидетельского иммунитета священнослужителя в отечественном уголовном судопроизводстве.....	57
<i>Махова И. В.</i> Вопросы участия законного представителя малолетнего потерпевшего в уголовном судопроизводстве по делам о половых преступлениях.....	65
<i>Мичурина О. В., Виноградова Е. В.</i> Прогноз дальнейшего реформирования дознания в отечественном уголовном судопроизводстве	68

<i>Мичурина О. В., Кулиниченко Т. А.</i> Оценка эффективности досудебного производства России и Германии.....	74
<i>Парфёнов В. Н., Козлова А. А.</i> Перспектива унификации процессуальной формы судебного контроля над органами предварительного расследования	81
<i>Пушкарев В. В.</i> Развитие и модернизация уголовно-процессуального статуса следователя	84
<i>Самолаева Е. Ю.</i> Оценка результатов предъявления для опознания, проведенного с участием лиц, имеющих дефекты психики	88
<i>Саморока В. А., Бекетов М. Ю.</i> Формы взаимодействия в ходе проверки сообщений о преступлениях экстремистской направленности	94
<i>Скляренок М. В.</i> Эффективность функционирования системы обжалования, проверки и пересмотра судебных решений – важный элемент стратегии уголовного судопроизводства (тезисы).....	98
<i>Смык Е. И., Качурина И. Б.</i> К вопросу о доказывании по уголовным делам о неисполнении обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего	102
<i>Сняткова В. Ю.</i> Международное сотрудничество органов предварительного следствия МВД России в сфере уголовного судопроизводства: проблемы правоприменения	106
<i>Сущенко С. А.</i> Признание доказательств недопустимыми: к вопросу об использовании зарубежного опыта в совершенствовании уголовно-процессуального закона России	110
<i>Фадеев П. В.</i> Потерпевший в уголовном процессе: понятие и его признаки	115
<i>Федулова И. И.</i> Соотношение процессуальных полномочий субъектов расследования.....	123
<i>Химичева О. В., Шнайдер Н. А.</i> Спорные вопросы окончания производства дознания составлением обвинительного акта и обвинительного постановления.....	128

Уголовное судопроизводство: стратегия развития

Материалы межвузовской научно-практической конференции
19 ноября 2015 г.

Под редакцией
доктора юридических наук, профессора О. В. Химичевой

Издается в авторской редакции
Корректор *Степанова А. А.*
Компьютерная верстка *Бариновой Е. А.*

Подписано в печать 14.11.2016 г. Формат 60×84 1/16 Тираж 100 экз.

Заказ № 1129

Цена договорная

Объем 6,62 уч.-изд. л.

7,96 усл. печ. л.

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12